

Департамент культуры Правительства Москвы

Управление культуры Центрального Административного Округа

Библиотека истории русской философии и культуры

«Дом А.Ф. Лосева»

Культурно-просветительское общество «Лосевские беседы»

Бюллетень Библиотеки

«Дом А.Ф. Лосева»

Выпуск 6

Водолей Publishers Москва

2007

ББК 74.58 Б 23

Бюллетень Библиотеки
истории русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева»
Вып. 6

Издается с марта 2005 г.

Председатель редколлегии: *В.В. Ильина* Главный редактор: *Е.А. Тахо-Годи* Редколлегия:
сотрудники Отдела изучения наследия А.Ф. Лосева и ме
мориально-выставочной работы Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» Фотохроника:
Е.Б. Виноградова

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева».

Ссылка на Бюллетень обязательна.

Адрес редакции:

119002, Москва, ул. Арбат, д. 33/12,

Библиотека истории
русской философии и культуры

«Дом А.Ф. Лосева».

Тел/факс: 244-02-72

На 4 стр. обложки: Панихида по А.Ф. Лосеву 24 мая 2007 г.

© Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», 2007

© Водолей Publishers, 2007

Специализированная публичная библиотека на карте Москвы

В ближайшее время в Правительстве Москвы будет принята «Концепция городской политики в области библиотечного обслуживания населения г. Москвы на период до 2020 года», которая определит развитие публичных библиотек на много лет вперед.

На Международной конференции «Крым-2007» обсуждались различные предложения руководителей и специалистов библиотек по этому вопросу. Мне пришлось выступить с докладом «Специализированная библиотека на карте Москвы», где были представлены основные направления и перспективы развития Библиотеки в общем контексте развития библиотечного обслуживания в городе. Тезисы этого выступления приводятся ниже.

Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» – новая московская публичная специализированная библиотека, выполняющая наряду с традиционными функциями публичной библиотеки и серьезные мемориальные, связанные с изучением и популяризацией жизни и творчества великого русского философа А.Ф. Лосева.

Особенность нашей Библиотеки – не только мемориальная составляющая, но и серьезная заявка на создание специализированного фонда философской литературы, в первую очередь русской.

Миссией библиотеки является возвращение русской философии в гуманитарную культуру России. Через какие проекты мы реализуем свою миссию? Проекты Библиотеки:

- ◆ □ **Создание специализированного книжного фонда.** Наши специалисты в содружестве с учеными разработали ядро фонда философской библиотеки, был создан тематико-типологический план комплектования библиотеки.
- ◆ □ **Электронный каталог с элементами полнотекстового контента, организованный на принципах корпоративной каталогизации.** Помимо общепринятых полей формата RUSMARC, мы также работаем по дополнительным полям, отражающим тексты содержания, титульных листов, артефактов книги. Через них читатель получает дополнительные точки доступа к разнообразной информации. Наша Библиотека работает в содружестве с Центром ЛИБНЕТ, мы отработываем возможность заимствованной каталогизации записей, созданных в формате RUSMARC и перенесенных в формат АБИС и «ИРБИС».
- ◆ □ **Разработка рубрикатора «Русская философия».** Работа только начата. Под этот проект требуются дополнительные средства, т.к. это серьезная лингвистическая и классификационная работа.
- ◆ □ **Программа реставрации редких фондов «Раритет».** Наша библиотека через постепенную реставрацию книг в буквальном смысле слова спасает уникальные издания по русской и зарубежной философии, являющиеся частью мемориальной библиотеки А.Ф. Лосева, переданными нам его вдовой. Было бы целесообразно на основе имеющейся в библиотеке коллекции книг XVIII-XX веков по русской философии создать специализированный электронный ресурс, с хорошим поисковым аппаратом.
- ◆ □ **Популяризация знаний по русской философии.**
Библиотека ведет серьезную работу по популяризации

знаний по русской философии: 1) Через сайт Библиотеки, в разделах:
-русская философия;
-фонограф;
-новости научной жизни и др. 2) Через организацию лектория «Русская философия в датах и лицах»; 3) Знакомство с современными учеными-специалистами в области русской философии в цикле встреч «Знакомьтесь, исследователь» и проведения презентаций новых книг. 4) Через организацию просветительских экскурсий, связанных с жизнью и творчеством А.Ф. Лосева и других русских философов, а также «Философское москвоведение» («Философская карта Арбата»).

- ◆ □ **Библиотека – центр научной коммуникации в области русской философии.** Библиотеке за три года удалось стать частью научного философского сообщества. Здесь уже третий год проходит научные семинары «Русская философия (традиция и современность)», «Московские философские библиотечные вечера», а теперь начал работу семинар для научной молодежи «Творческое наследие А.Ф.Лосева: проблемы и перспективы». Регулярно проходят международные конференции «Лосевские чтения».
- ◆ □ **Организация специализированного обслуживания пользователей.** Такое специализированное обслуживание проводится в Лосевском научном читальном зале; в медиатеке, где предоставляется доступ к электронным базам данных диссертаций РГБ и полнотекстовой базе статей из 50 гуманитарных журналов ИВИС.
- ◆ □ **Издательская деятельность.** Выпуск «Бюллетеня Библиотеки истории русской философии и культуры “Дома А.Ф. Лосева”» 2 раза в год. Были выпущены подготовленные Библиотекой буклеты о «Доме А.Ф. Лосева» и каталог «Я сослан в XX век...», посвященный Лосевской мемориальной экспозиции в библиотеке.
- ◆ □ **Культурно-просветительские проекты для населения в рамках Совета по культурному наследию района Арбат.** Важной составляющей работы библиотеки является работа с населением, жителями Арбата, местной властью. Как показывает практика, это не противоречит работе специализированной библиотеки, а вписывает ее в культурный и социальный контекст территории, в данном случае, района Арбат, где она находится. Это обогащает деятельность Библиотеки, приводит новых читателей, служит источником дополнительного финансирования. Среди таких проектов: работа клуба жителей района «Зеленая лампа Арбата»; работа Музыкальной гостиной и музыкальных фестивалей «В Доме А.Ф. Лосева»; фестиваль «Читающий Арбат» и др.

Перспективные проекты библиотеки:

- ◆ □ **Создание электронной библиотеки «Русская философия»;**
- ◆ □ **Программа сохранения культурного наследия и развитие культурно-просветительского туризма;**
- ◆ □ **Виртуальная справка «Спроси библиографа о русской философии».**

Заключение:

Специализированные публичные библиотеки должны быть на карте Москвы, так как они:

- ◆ □ **Обслуживают новые категории читателей, в том числе научную элиту;**
- ◆ □ **Сохраняют и аккумулируют уникальные фонды;**

- ◆□ Создают специализированные ресурсы в едином информационном поле библиотек Москвы, а также содействуют созданию равного доступа к информации самых разных групп населения;
- ◆□ Способствуют улучшению имиджа публичной библиотеки;
- ◆□ Сохраняют и популяризируют культурное наследие города;
- ◆□ Выполняют расширенные мемориальные функции.

Е.Б. Виноградова

Не мемориальная... Но тогда какая она? (Видовой и типологический статус Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»)

Впервые приходя в «Дом А.Ф. Лосева», посетители нередко думают, что попали в дом-музей. Пройдя по читальным залам, поработав с электронным каталогом, заглянув в медиатеку, они постепенно убеждаются, что попали в библиотеку. Но и тогда можно услышать вопрос: «А в этих шкафах – мемориальная библиотека Лосева? Этими книгами нельзя пользоваться?»... «Можно и нужно читать эти книги!» – не устают повторять сотрудники. Ведь доступность читателям была одним из главных условий передачи книг из домашней библиотеки А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи в общедоступную Библиотеку истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева».

Однако термин «мемориальная библиотека» продолжает ассоциироваться с книжным собранием, хотя с библиотковедческой точки зрения это неверно. Ведь в муниципальную публичную Библиотеку «Дом А.Ф. Лосева» была передана только часть домашней библиотеки семьи Лосевых – Тахо-Годи, и располагается Библиотека не в квартире Лосева, а в отдельном помещении (в том же доме, где находится квартира). Поступив из домашней библиотеки в публичную, книги влились в профессионально организованный библиотечный фонд, приобретая в результате новых пользователей, библиотечный персонал и материально-техническую базу, общие для всей библиотеки. Говорить при этом о существовании «библиотеки в библиотеке» неправомерно.

Но, может быть, тогда это – коллекция? Ответ на вопрос дает сам А.Ф. Лосев: «Я никогда не приобретал книгу ради коллекционирования, хотя книжное коллекционерство, взятое само по себе, – есть занятие весьма высокое, и мне нравится <...>. Моя книжная судьба сложилась так, что я принужден был в первую очередь приобретать только такие книги, которые непосредственно нужны для практики моей научной работы»¹. Не будучи библиотковедом, но обладая в высшей степени развитым «чувством языка», А.Ф. Лосев противится использованию термина «коллекция». Ведь подбор книг исследователя подчинен идее создания «рабочего инструмента»: в книгах важно их смысловое содержание.

Коллекционированием правильнее называть собирательство по признакам, чаще всего ориентированным на материальный носитель письменного документа (например, коллекционирование миниатюрных изданий, манускриптов). Для коллекции характерно предельно бережное отношение, недопустимость какого-либо нарушения целостности. А книги из собрания исследователя нередко изобилуют рабочими пометами, снабжаются рукописными предметными указателями, дарственными надписями. В случае комплексного подхода к собирательству будет уместен термин «коллекционное собрание».

Значит, единственно правильным научным определением для книг, поступивших

из домашней библиотеки А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи в публичную Библиотеку «Дом А.Ф. Лосева», будет не «библиотека» или «коллекция», а «*книжное собрание*».

Но власть стереотипов сильна, и термин «мемориальная библиотека» иногда распространяется даже на всю Библиотеку «Дом А.Ф. Лосева», причем такое мнение уже можно встретить в научных публикациях². Но, быть может, так оно и есть? Давайте разберемся. И начнем с обращения к энциклопедическим изданиям. Здесь нас ждет разочарование: ни в Библиотечной энциклопедии (М., 2007), ни в Российской музейной энциклопедии (М., 2005) мемориальные библиотеки не упомянуты. Нет их ни в Федеральном законе «О библиотечном деле», ни в Системе стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу.

¹ *Лосев А.Ф.* Одно из самых глубоких наслаждений в жизни.../ Беседа А.Ф. Лосева с Владимиром Лазаревым // Альманах библиофила. Вып. 14. М., 1983. С. 24.

² См., напр.: *Викулова В.П.* Музеи в библиотеках, библиотеки в музеях // Информационный бюллетень РБА. 2004. №29. С. 28, или *Коробкина Т.Е.* Модель «Информационного интеллект-центра» и ее реализация в Библиотеке-читальне им. И.С. Тургенева: Презентация доклада на X конференции РБА, 23–28 мая 2005 г., СПб. // Режим доступа: http://www.turgenev.ru/2librarian/report/?item_id=121

В то же время анализ публикаций и Интернет-сайтов позволяет сделать вывод: имеется как минимум восемь смысловых трактовок понятия «мемориальная библиотека». Так называют владельческие книжные собрания, хранящиеся и в домах-музеях, и в фондах публичных библиотек; библиотеки с тематически ориентированным фондом, созданные в память о каком-либо лице (например, Мемориальная библиотека кн. Г.В. Голицына в Санкт-Петербурге). Мемориальные президентские библиотеки в США составляют комплекс с архивами и музеями. За рубежом встречаются и мемориальные библиотеки, фонды которых никак не связаны с увековечиваемой личностью. Такова, например, публичная городская Мемориальная библиотека Джодивайн в г. Хардвик (США, Вермонт), которая была учреждена М. Джодивайн в память о сыне и муже, преждевременно ушедших из жизни. Мемориальными библиотеками, мемориальными библиотеками-музеями иногда называют библиотеки, создавшие музейные экспозиции или расположенные в исторических зданиях, использующие ретростилистику в оформлении своих интерьеров. И, наконец, можно встретить употребление термина «мемориальная библиотека» применительно к фонду, состоящему из мемориальных изданий (Книги Памяти и т.п.).

Понятие «мемориальный» восходит к латинскому слову «*memoria*» в его самом общем значении «память». В русском языке спектр значений понятия «мемориальный» варьируется от «установленный в память», «служащий» или «предназначенный» для сохранения памяти, и в широком смысле «связанный с памятью». Однако, с библиотечной точки зрения, такую трактовку нельзя признать удовлетворительной: тогда, например, мемориальными придется считать любые библиотеки, которым присвоены почетные имена, – ведь тем самым они связаны с памятью об известных людях.

Обратимся к теории музейного дела. Здесь мемориальность – свойство музейных предметов, указывающее на их принадлежность конкретному лицу или событию, характеристика места или здания, в котором расположен музей, свойство музейной экспозиции соответствовать исходной бытовой обстановке, наконец, особый ритуал посещения музея³. Значит, для музеологов мемориальность – это прежде всего подлинность, и

в то же время способность вызывать определенное эмоциональное состояние. Но какое?

Ответ на этот вопрос дает теория смыслогенеза, в рамках которой описано явление вторичной партисипации (экзистенциального «природнения»), когда человек, утрачивая единство с объектом, стремится овладеть хотя бы его знакообразом. Путем оформления переживания партисипации в социально воспринимаемый знакообраз и рождается смысл – ценностно переживаемое значение⁴. Под трудно объяснимым ощущением «мемориальности» скрывается именно состояние «природнения», сопричастности с феноменами прошлого. Поэтому мемориальным следует считать любой объект, обладающий повышенной способностью вызывать такое состояние, причем подлинность не является строго обязательным условием.

³ Дмитриева Е.К. Мемориальные музеи // Российская музейная энциклопедия. М., 2005. С. 356.

⁴ Пелипенко А.А. Генезис смыслового пространства и онтология культуры // Человек. 2002. №2. С. 6–21.

Состояние сопричастности может возникнуть при чтении книги, если, например, она ранее принадлежала особо значимому для читателя лицу, или при контакте с книжным собранием, которое отражает уникальную картину мира, существовавшую для прежнего владельца. Добавочным стимулом здесь могут стать артефакты музейной экспозиции, исторический интерьер, приемы театрализации и т.п. При этом библиотеки наряду с базовой – аккумуляцией и хранением документов, – выполняют *дополнительные мемориальные функции*. Формы их реализации разнообразны: от присвоения почетного имени, проведения традиционных мероприятий (чтений, читательских конференций, выставок, вечеров памяти) до создания развернутых музейных экспозиций и научной работы. Дополнительные мемориальные функции могут проявляться как временные, периодические или постоянные.

Но становится ли при этом вся библиотека мемориальной? Для выработки критерия придется определить необходимый объем этой дополнительной деятельности, формализовать, «привести к общему знаменателю» разнообразные приемы и методы. В некоторых библиотеках (и «Дом А.Ф. Лосева» из их числа) постепенно формируются целые мемориальные комплексы: специфическое название или почетное имя, историческое здание, мемориальный читальный зал, владельческое книжное собрание, музейная экспозиция, памятник и др. Так одна из дополнительных мемориальных функций становится *доминирующей*, она концентрирует ресурсы всех видов, отражается на профиле комплектования, находит поддержку читателей. Но даже выполнение доминирующей дополнительной мемориальной функции невозможно рассматривать в качестве критерия мемориальности библиотек, настолько эта деятельность может быть разнообразна и по своей форме, и масштабам. Правильнее рассматривать мемориальную деятельность как индикатор, показывающий наличие дополнительных мемориальных функций, а вывод делать исходя из результата. В чем же состоит этот результат?

Цель и смысл существования любой библиотеки – удовлетворение потребностей контингента пользователей. Логично предположить, что мемориальная библиотека должна иметь некий особый контингент пользователей со специфическими потребностями. Понять «механизм» возникновения такого пользовательского контингента нам поможет теория «мест памяти» (*lieux de mémoire*) французского историка Пьера Нора. Эта теория позволяет отчетливо увидеть разницу между мемориальным и историческим.

Память – это актуальный феномен, «связь с вечным настоящим», ее носители – живые социальные группы, дополнительно сплачиваемые общей памятью. История же

«принадлежит всем и никому». На границе этих феноменов создается ситуация, «когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения»⁵. Именно тогда и возникают «места памяти», своеобразные ревностно оберегаемые «бастионы», где сохраняется «спасенная память». Таким образом, в «местах памяти» то, что еще осталось от некогда повсеместной «живой памяти», удерживается от окончательного перехода во власть истории. Причем «место памяти» – не обязательно место в физическом смысле, таковым может стать литературное произведение или кинофильм. Даже такое место, как, например, архивное хранилище, не станет местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой. П. Нора называет места памяти объектами, управляющими присутствием прошлого в настоящем, и дает им следующее определение: «это всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности»⁶.

Любая библиотека в силу своей онтологической принадлежности к институтам сохранения памяти и особой роли в создании единого культурного пространства явно предрасположена стать «местом памяти». Однако этой предрасположенности еще нужно превратиться в реальность. И если библиотека берет на себя особую миссию по сохранению памяти о выдающемся человеке или значимом событии, она обязательно привлечет особых пользователей – тех, кто активно сопротивляется наступлению истории на «живую» память, постоянно «реанимируя» ее через собственное ощущение сопричастности и создавая при этом новые культурные смыслы. Такой контингент можно назвать «паломническим»: эти читатели приходят не потому, что библиотека удобно расположена или имеет в фонде уникальные книги, а потому, что здесь – их коллективное «место памяти».

«Паломнический» контингент может быть численно невелик, и в нем всегда присутствует доля разовых посетителей. Ведь для обретения чувства сопричастности может быть вполне достаточно одного визита, и посетители оформляют читательские билеты как своеобразный «сувенир», свидетельство своего пребывания в библиотеке. В дальнейшем связь с библиотекой может поддерживаться через посещение Интернет-сайта или подписку на рассылку новостей. Библиотека может и сама формировать «паломнический» контингент пользователей. Читатель, привлеченный проводимыми в библиотеке мероприятиями и в результате «открыв» для себя выдающуюся личность или историческое событие, узнавая всё больше и проникаясь чувством сопричастности, впоследствии может стать активным и неравнодушным пользователем фонда. Выполняя просветительскую функцию, библиотека, таким образом, способствует дополнительной актуализации памяти о феноменах прошлого.

Изучение признаков и характеристик паломнического библиотечного контингента – одна из перспективных задач библиотечной социологии. Мы же должны ответить на вопрос: достаточно ли наличия паломнического контингента, чтобы признать библиотеку в целом мемориальной? Видимо, нет, поскольку паломнический контингент может быть в отдельных случаях привлечен не библиотекой как таковой, а, например, лишь ее историческим зданием или музейной экспозицией. Библиотека же, согласно теории системного подхода, представляет собой неразрывное единство четырех составляющих: библиотечного персонала, контингента пользователей, материально-технической базы и библиотечного фонда – основополагающего элемента библиотеки как системы. О нём и пойдет речь.

⁵ Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция-

память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999. С. 17.

⁶ *Нора П.* Нация-память // Франция-память. С. 79.

Логично предположить, что у мемориальной библиотеки должен быть мемориальным в первую очередь ее базисный элемент, т.е. фонд. Но достаточно ли наличия в фонде мемориального собрания или даже мемориального документного подфонда (владельческого собрания, дополненного современными изданиями, работами исследователей и т.п.), чтобы сделать весь фонд библиотеки мемориальным? Разумеется, нет. Для формирования такой целостности весь профиль комплектования библиотеки должен быть напрямую связан с прежним владельцем книжного собрания, его эпохой и областью творчества.

Но какой же библиотечный фонд можно считать действительно мемориальным? Прежде всего, это фонды домашних библиотек в мемориальных квартирах, домах-музеях и музеях-усадебках; эти фонды полностью состоят из мемориальных документов. Они не перестанут быть мемориальными, если будут дополнены современными переизданиями трудов владельца, а также работами исследователей его творчества. Мемориальными необходимо считать фонды, имеющие уникальное исторически сложившееся специализированное комплектование. Специализация здесь – непереносимое условие, т. к. именно она гарантирует наличие социальной группы (например, профессиональной), для которой фонд может служить «местом памяти». Неспециализированная же совокупность книг может иметь историческую и научную ценность, но при этом как целое ни для кого не имеет мемориальной значимости. Мемориальными будут и фонды, целиком состоящие из взаимосвязанных мемориальных подфондов, собраний или коллекций, а также только из мемориальных изданий (Книг Памяти, юбилейных альбомов). Поводя итог, можно сформулировать следующие условия мемориальности библиотечного фонда: его состав ограничивается мемориальными документами, мемориальными документными подфондами, мемориальными изданиями, или же фонд одновременно является специализированным и исторически значимым. Таким образом, ввиду неустранимой многозначности понятие «мемориальный фонд» должно рассматриваться как обобщающее.

Поскольку фонд – базисный элемент библиотеки, а контингент пользователей – цель и смысл ее существования, необходимым и достаточным условием мемориальности библиотеки в целом следует считать *одновременное наличие полностью мемориального библиотечного фонда и паломнического контингента его пользователей*. Этот четкий критерий позволяет описать мемориальные библиотеки как самостоятельный вид библиотек.

А как же материально-техническая база и библиотечный персонал? Эти элементы системы «библиотека» в данном случае вторичны.

Библиотека может служить «местом памяти», не располагая ни персоналом особой квалификации, ни мемориально значимой или специализированной материально-технической базой. Правда, выполнять свою особую миссию такая библиотека будет неэффективно (из-за отсутствия должного комфорта для пользователей) и, вероятно, недолго (из-за отсутствия должной заботы о сохранности мемориального фонда). Что же касается мемориальной деятельности, то, какие бы сложные и оригинальные формы она ни принимала, в итоге действия библиотекарей всегда направлены на сохранение или формирование мемориального фонда и привлечение или расширение паломнического контингента пользователей.

Теперь рассмотрим правомерность отнесения Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» к числу мемориальных. Про отличительные

особенности «Дома А.Ф. Лосева» как мемориального центра подробно писала в третьем выпуске Бюллетеня директор Библиотеки В.В. Ильина⁷. Однако тот факт, что Библиотека действует как мемориальный центр, еще не означает, что сама библиотека мемориальна. Она, несомненно, выполняет доминирующую дополнительную мемориальную функцию – сохранения и актуализации памяти о философе А.Ф. Лосеве. Музейная экспозиция, памятник, мемориальное книжное собрание, местоположение Библиотеки (историческая зона Москвы, дом – памятник истории и культуры) – всё это привлекает в библиотеку паломнический контингент пользователей. Ведя большую просветительскую работу, Библиотека выполняет еще одну дополнительную мемориальную функцию – актуализации памяти о русской философии Серебряного века в целом и об отдельных ее представителях.

Однако философия Серебряного века – феномен прошлого, а русская философия как таковая с уходом Серебряного века существовать не перестала, она живет, развивается и не нуждается в преждевременной мемориализации. При комплектовании делается упор на издания научного характера по русской философии, религиоведению, психологии, русской истории, филологии, культурологии. Основная часть фонда доступна для всех желающих. В состав фонда вошли несколько владельческих книжных собраний (искусствоведа Г.И. Соколова, филолога Э.А. Макаева и др.). Такие собрания – неслучайная и ценная часть фонда и потому, что природа гуманитарного знания требует широты, и потому, что владельцы этих библиотек были лично связаны с жизнью и творчеством А.Ф. Лосева. Так «Дом А.Ф. Лосева» собирает в своем фонде книжные собрания и людей лосевского круга.

Можно обнаружить некоторое сходство Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» с исследовательскими библиотеками, получившими развитие в США, а затем и в Европе во второй половине XX в. Это библиотеки гуманитарного профиля, представляющие собою синтез научной библиотеки и музея, которые хранят документы преимущественно в традиционной «бумажной» форме и выполняют функции научной лаборатории учено-гуманитария. Их комплектование должно соответствовать профилю уже сформировавшихся исторически ценных фондов, причем доступ открыт лишь для исследователей, а широкий круг читателей обслуживается за счет использования новейших технологий⁸.

Роль специализированных научных библиотек гуманитарного профиля в настоящее время заметно возрастает, они уже рассматриваются как организационное условие гуманитарного исследования⁹. Ведь такое исследование ведется преимущественно в индивидуальном порядке и чаще всего представляет собой работу с текстом. В результате углубления специализации науки сокращается количество ученых, ведущих работу в конкретной области; следствие – всё больше книг будет требоваться во всё меньшем количестве экземпляров¹⁰.

Однако сходство Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» с подобными закрытыми библиотеками-музеями-лабораториями лишь частичное. Профиль ее комплектования, действительно, вполне соответствует профилю исторически ценных фондов; практикуется и обслуживание широкого круга пользователей с применением новейших технологий. Но ограничения доступа почти символические, и касаются они только мемориального книжного собрания А.Ф. Лосева; остальная часть фонда, включая другие владельческие собрания, доступна всем читателям. Библиотека создана совсем недавно, и именно сейчас закладывается стратегическая линия, определяющая ее долговременные перспективы. «Дом А.Ф. Лосева» развивается прежде всего как публичная библиотека, а ее деятельность в качестве культурного центра – подтверждение общей тенденции к выходу за рамки

«мастерской ученого»; это связано с повышенной востребованностью гуманитарной природы библиотек¹¹.

Итак, вывод: Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» – не просто мемориальная, а *публичная специализированная философская библиотека, наделенная дополнительными мемориальными функциями*. Ее можно рассматривать как модель нового типа библиотек, принимающих на себя особую, повышенную ответственность за сохранение живой памяти о феноменах прошлого. Ведь именно такая память и составляет то самое ценное, что передается от поколения к поколению – наше духовное культурное наследие.

⁷ *Ильина В.В.* Развитие Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» как информационного интеллект-центра // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 3. М., 2006. С. 3–5.

⁸ *Фабиян Б.* Книга, библиотека и гуманитарное исследование / Отв. ред. В.П. Леонов, пер. с нем. Н.Л. Володиной. СПб., 1996. С. 298.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 280–283.

¹¹ *Володин Б.Ф.* Всемирная история библиотек. СПб., 2002. С. 315–316.

В.Б. Кудрин

Международный день памятников и исторических мест в «Доме А.Ф. Лосева»

Международный день памятников и исторических мест 18 апреля 2007 г. ознаменовался целым рядом мероприятий, прошедших в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», в числе которых были: просмотр кинофильмов, экскурсии по мемориальной экспозиции и фонду редкой книги. День завершился заседанием клуба молодых поэтов и прозаиков «Литературная кухня», открывшийся при журнале «Студенческий меридиан». В течение всего дня непрерывно демонстрировался созданный Управой района «Арбат» кинофильм «Переулки Арбата». Для специально пришедшей группы посетителей был показан документальный фильм *В. Косаковского* «Лосев».

В первой половине дня «Дом А.Ф. Лосева» посетила группа заслуженных работников библиотек. Прежде всего группа познакомилась с фондом редкой книги, экскурсию по которому провела *Л.В. Цуева*. После ознакомления с фондом редкой книги экскурсанты спустились во двор к лосевскому памятнику, об истории создания, установки и открытия которого рассказала директор Библиотеки *В.В. Ильина*. Посещение «Дома А.Ф. Лосева» заслуженными работниками библиотек завершилось осмотром мемориальной экспозиции, посвященной жизни и творчеству А.Ф. Лосева, экскурсию по которой провел *В.Б. Кудрин*.

Заслуженные работники ГПНТБ России оставили в книге Почетных гостей «Дома А.Ф. Лосева» следующую запись: «Мы признательны и благодарны сотрудникам библиотеки “Дом А.Ф. Лосева” за необыкновенно интересную экскурсию. Мы очень много узнали интересного и содержательного. Спасибо всем за необыкновенную теплоту, внимание к посетителям. С глубоким уважением, Ваши коллеги, сотрудники ГПНТБ России».

Вечернее время было отдано клубу «Литературная кухня» под руководством С.М. Рахмановой. Экскурсию по залам библиотеки провели В.В. Ильина и Л.В. Цуева. Состоялось посещение членами Клуба памятника А.Ф. Лосеву. После экскурсии по мемориальной экспозиции, проведенной В.Б. Кудриным, члены клуба «Литературная кухня» поднялись в конференц-зал, где состоялось выступление талантливого молодого поэта *Сергея Пудалова*, прочитавшего свой Венок сонетов «Не обречен». Заседание Клуба завершилось горячим обсуждением всеми присутствующими литературных достоинств только что представленного произведения. Члены Клуба выразили искреннюю радость от ясно наметившейся тенденции отхода самых молодых поэтов от безраздельно господствовавшего ранее иронично-скептического «постмодернизма» в сторону традиционных ценностей и традиционных (хотя и очень сложных в техническом отношении) форм поэзии. По окончании заседания (было уже более 21 часа) члены клуба никак не хотели расходиться, пока не сделали свою запись в книге: «Очень замечательно, даже запах позапрошлого века витает в воздухе и вспоминается Коктебель и Дом Волошина. Спасибо! Благодарим весь ваш коллектив, работающий над сохранением культурного фонда нашей страны! Спасибо Вам! Очень понравилась экскурсия! Успехов Вам в Вашем труде! Литературная студия».

Культурная и научная жизнь «Дома А.Ф. Лосева»

В.П. Троицкий

Семинар «Русская философия (традиция и современность)». Хроника. Февраль – апрель 2007 г.

Отчет о прошедших ранее двадцати восьми заседаниях Семинара (первое из них состоялось 7 октября 2004 г.) – в виде тезисов докладов и краткого изложения обсуждаемых вопросов в ходе дискуссий – представлен в предыдущих пяти выпусках нашего Бюллетеня. Характеристика общей программы и задач Семинара, сведения о его организаторах приведены в первом выпуске Бюллетеня, а также размещены на сайтах www.losev-library.ru и www.bfrz.ru/philosophy. Там же находятся резюме всех сделанных докладов и многочисленные сопутствующие материалы.

В периодической печати появилось несколько развернутых откликов на деятельность Семинара, см.: «Вестник Русского Христианского Движения» (2005, № 189 (I)), «Богословские труды» (Вып. 40. М., 2005), «Вопросы философии» (2006, № 2), «Вестник РФО» (2006, № 2), «Вестник РХГА» (Вып. 1. СПб., 2006), «Богословские труды» (Вып. 41. М., 2007).

Заседания №№ 29, 30, 32 проходили в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева», заседания №№ 31, 33 – в Библиотеке-Фонде «Русское зарубежье». Аудиозаписи большинства выступлений на Семинаре доступны для прослушивания в зале медиатеки «Дома А.Ф. Лосева».

Заседание № 29 (8 февраля 2007 г.)

Докладчик: Андрей Владимирович Серегин (ИФ РАН).

Тема: Гипотеза множественности миров у Оригена.

Председательствующий: А.Н. Паршин.

Участвовали: Аверьянов С.В., Архангельская С.Л., Байрамуков А.А., Боковиков А.И., Виноградова Е.Б., Востриков Е.В., Гайдук Н.И., Добрый В.В., Зайцев О.Ю., Козырев А.П., Коновалов С.П., Крюкова Н.В., Ксенофонтов Л.Н., Кудрин В.Б., Кузнецов И.В., Меньшикова Н.А., Николаев З.Н., Панченко И.И., Полищук Е.С., Резвых Т.Н., Рожнов В.С., Сафронов А.Н., Сергиенко Е.Г., Скороходова С.И., Стрижев А.Н., Тормозова С.Д.,

Троицкий В.П., Федотов А.М., Чалых А.В., Чернов С.С., Шишкин И.М. Всего: 31 человек.

Тезисы доклада: Ориген Александрийский (ок. 185–254 гг. н.э.)

– один из наиболее значительных и спорных мыслителей в истории раннего христианства, сформулировавший в своих сочинениях ряд неортодоксальных теорий (вечность тварного мира, предсуществование душ, всеобщее спасение или «апокатастасис» и др.). В их число входит и гипотеза множественности миров или «эонов», согласно которой нынешний материальный космос не уникален, но встроен в численно неопределенную последовательность хронологически сменяющих друг друга миров. В данном докладе предполагается рассмотреть два круга проблем, связанных с этой теорией. Во-первых, это проблемы, возникающие в связи с ее статусом в контексте оригеновской мысли. С этой точки зрения основной вопрос заключается в том, разделял ли сам Ориген эту теорию или всего лишь обсуждал ее в своих сочинениях? Во-вторых, речь пойдет о проблемах, касающихся содержания этой теории: идет ли речь о конечной или бесконечной цепочке миров, на чем основан механизм их смены, как множественность миров соотносится с другими гипотезами Оригена, в частности – с гипотезой апокатастасиса, почему Ориген вообще стал обсуждать эту теорию, можно ли здесь говорить о влиянии античных космологических концепций и т.п.

На обсуждение выносятся следующие четыре тезиса.

Теория множественности миров имеет для Оригена статус гипотезы, т.е. не является категорически утверждаемым им учением. Вместе с тем эта гипотеза не просто обсуждается Оригеном, но и разделяется им, т.е. отражает его собственные представления о космической истории.

Ориген сформулировал эту гипотезу не под влиянием античных теорий космического циклизма (например, стоической или платонико-пифагорейской), а в контексте экзегезы тех мест Св. Писания, где используется мн.ч. αἰών («века»), поскольку, с одной стороны, рассматривал термины αἰών («век») и κόσμος («мир») как синонимы (что имеет основания в раннехристианском словоупотреблении), а с другой – исходил из представления о «точности Писания», т.е. о том, что мельчайшие детали библейского текста, включая грамматическую форму слов (например, множественное число), используются в нем не случайно, а намеренно, и имеют глубокий концептуальный смысл.

В мировоззрении Оригена гипотеза множественности миров тесно связана с другими важными для него гипотезами. В частности, в протологическом аспекте Ориген использовал представление о бесконечной последовательности миров в прошлом для формулировки гипотезы вечного творения. В эсхатологическом аспекте благодаря гипотезе множественности миров Ориген получил возможность, с одной стороны, сохранить приверженность традиционной концепции разделения праведников и грешников в конце нынешнего мира, а с другой – допустить возможность всеобщего спасения духовных существ (апокатастасиса), отнеся его к концу продолжительной последовательности грядущих эонов.

Космическую историю по Оригену следует представлять себе как последовательность многочисленных эонов или миров, после которых будет иметь место апокатастасис. В конце каждого конкретного эона не происходит никакого всеобщего апокатастасиса, но только индивидуальное перераспределение разумных существ по рангам духовной иерархии, для описания которого (как правило, в приложении к концу нынешнего мира) используются традиционные картины Страшного Суда и наказания грешников. Изредка Ориген ставит вопрос о возможности нового падения после апокатастасиса и начала новой последовательности эонов, но отсюда еще нельзя сделать вывод, будто всеобщее падение по Оригену действительно представляет собой неоднократно повторяющийся процесс.

Из вопросов и обсуждений: 1. Большинство вопросов имело уточняющий характер и коснулось разъяснений и детализации учения Оригена (возможность свободного эксперимента в творении и различие эонов по качеству; соотношение эонов и вечности; граница эона и Апокалипсис; связь с представлениями о реинкарнации), на что докладчик давал исчерпывающие ответы или выдвигал обоснованные гипотезы. 2. Прозвучало также несколько вопросов компаративистского характера, отсылавших к поиску связей с отечественной философской мыслью (оригенизм и описание процесса падения души у В.Н. Лосского в связи с сопоставлением Филона и Оригена; возможные физические интерпретации реальности, которые могут скрываться за представлениями об эонах; учение Кирика Новгородца о «поновлениях стихий» и последовательность смены миров-эонов). В ответ докладчик констатировал историко-философскую неразработанность большинства проблем этого круга.

Заседание № 30 (15 марта 2007 г.)

Докладчик: диакон Михаил Першин (Патриаршее Крутицкое подворье).

Тема: Эвтаназия во Христе (проблема смерти в богословии и медицине).

Председательствующий: А.Н. Паршин.

Участовали: Авилова А.К., Архангельская С.Л., Боковиков А.И., Вальцев В.Н., Васильева Е.Н., Виноградова Е.Б., Дерюгин А.М., Добрый В.В., Зайцев О.Ю., Зархин Ю.Г., Иванова Евг. В., Иванова Елена В., Карлова Л.А., Крюкова И.В., Кудрин В.Б., Маргаритов В.С., Меньшикова Н.А., Михайловский А.В., Михеева В.В., Озерова М.А., Петров Н.Н., Режабек Б.Г., Резвых Т.Н., Резниченко А.И., Сандомирский С.И., Сафронов А.Н., Седых О.М., Сполитак, Титова Е.С., Троицкий В.П., Федотов А.М., Фисенко Д.Н., Чалых А.В., Шапошников В.А., Шишкин И.М. Всего: 35 человек.

Тезисы доклада: В переводе с греческого эвтаназия — это «благая смерть» («эв» — хорошо, «танатос» — смерть). Еще в античности под ней понимали либо безболезненный, либо благородный (хотя, может быть, и мученический) переход от земной жизни к посмертию. По мысли Гомера, Софокла и других авторов, такой исход предопределялся роком. А затем эти представления о счастливой смерти вышли за пределы эллинизма. В самом начале I-го века по Р.Х. в эвтаназии увидел уже не слепую случайность, но дар Творца иудейский экзегет Филон Александрийский. Для человека, — пояснял он, комментируя библейский сюжет о жертвоприношении Каина и Авеля, — «величайшим благом является легкая старость и благая смерть (эвтаназия)», однако, хотя они и подаются Богом, Сам Он в них не нуждается, так как не стареет и не умирает. В конце II-го века эту мысль Филона развил Климент Александрийский — один из раннехристианских апологетов. И поныне Православная Церковь молится о том, чтобы наша земная кончина была «безболезненной, непостыдной и мирной». Новый смысл придал эвтаназии в XVI-м веке английский философ Фрэнсис Бэкон для обозначения легкой, не сопряженной с мучительной болью и страданиями смерти, могущей наступить и естественным путем. Поэтому, по мысли Бэкона, в эвтаназии должна была принимать участие медицина: «долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчить страдания и мучения, причиняемые болезнью...». Сама по себе такая постановка вопроса еще не вызывает этических возражений: действительно, обезболивание, уход и забота — это то, чем медик призван помогать умирающему. Однако всё перевернулось в конце XIX века. С одной стороны, ряд немецких публицистов высказались за право больных на суицид, с другой — Фридрих Ницше провозгласил идею сверхчеловека, низводя больных людей в ранг «паразитов общества», подлежащих истреблению. Полвека спустя эту программу осуществили нацисты. Казалось бы, Нюрнбергский трибунал навсегда похоронил подобные затеи. Но в конце XX века вновь

разгорелись ожесточенные споры вокруг легализации «эвтаназии», но уже из соображений ложно понятого гуманизма. В результате в некоторых странах были предприняты те или иные шаги по ее легализации. В России эвтаназия запрещена, однако по данным опросов общественного мнения до половины российских медиков не возражали бы против отмены этого запрета. В ноябре 2006 года с предложением снизить меру наказания за производство эвтаназии выступил один из депутатов Московской городской думы. В докладе рассмотрен вопрос об эвтаназии в контексте проблемы смерти человека как таковой, проанализированы различные аргументы сторонников и противников эвтаназии, сделана попытка ответа на вопрос о том, каким же должно быть участие медицины в обеспечении пациенту возможности по-человечески умереть.

Из вопросов и обсуждений: **1.** С критикой «психологических» и «правовых» аргументов докладчика выступила *А.К. Авилова*, представитель общественного движения за эвтаназию, далее рассказавшая о практике применения эвтаназии в Нидерландах, имеющей «строгие ограничения». **2.** В вопросах слушателей и ответах докладчика особенно затрагивались медицинские аргументы против эвтаназии (неучет адаптивных возможностей человека, с одной стороны, и неопределенность в диагнозе клинической смерти, с другой) и специально комментировалось православное учение о смысле умирания и смерти как возрастания к Богу. **3.** Продолжая наращивать свои возражения против эвтаназии, о. Михаил прибегал, среди прочих материалов, к литературным примерам из произведений А.П. Чехова («Палата № 6»), Л.Н. Толстого («Смерть Ивана Ильича»), иеромонаха Серафима (Роуза) «Душа после смерти» и американского фантаста К. Саймака «Исчадия разума».

Заседание № 31 (29 марта 2007 г.)

Докладчики: Ирина Бенционовна Роднянская (редакция журнала «Новый мир»).

Тема: Несколько философских размышлений о православном энергетизме.

Председательствующий: А.Н. Паршин.

Участовали: Айвазян М.А., Антонов А.В., Архангельская С.Л., Блауберг И.И., Борисова И.В., Ваганова Н.А., Вальцев В.Н., Визгин В.П., Гальцева Р.А., Григоренко Л.П., Груднев А.В., Демидов С.С., Довыденко Л.В., Жаданова В.В., Заболоцкая И.К., Зайцев О.Ю., Зархин Ю.Г., Иванов А.В., Иванова Е.В., Касаткина Т.А., Климачев Ю.С., Козырев А.П., Конча Л.И., Кудрин В.Б., Кюрегян В.Е., Ломач Л.А., Мартынов В.Ф., Мозговая Е.А., Мороз В.Г., Новиков Ю.Ю., Озерова М.А., Палиевский П.В., Парцевская Т.А., Реброва Л.С., Ревякина И.А., Резвых Т.Н., Романова О.А., Седых О.М., Сендеров В.А., Сиднева Л.Н., Скороходова С.И., Скурлатов В.И., Соболев А.В., Тейдер В.Ф., Теренецкий Л.Н., Троицкий В.П., Филонова Л.Г., Шевченко М.Д., Шишкин И.М., Эпиктетова Л.А. Всего: 50 человек.

Резюме доклада: В докладе (заголовок которого был уточнен автором относительно ранее объявленного – *В.Т.*) сформулировано и обсуждено несколько философских вопросов к современной версии православного энергетизма. Существенное внимание уделено книгам С.С. Хоружего «О старом и новом» (СПб., 2000) и «Опыты из русской духовной традиции» (М., 2005).

Из вопросов и обсуждений: **1.** Как отметил в начале дискуссии *А.Н. Паршин*, выступление И.Б. Роднянской фактически является первым развернутым критическим рассмотрением философской системы С.С. Хоружего – синергичной антропологии, хотя со времени выхода в свет того же «Диптиха безмолвия» прошло уже полтора десятка лет. **2.** Ряд вопросов и разъяснений докладчика затронул ключевую для концепции С.С.

Хоружего идею «деэссенциализации» энергии – признание представления, согласно которому энергия обладала бы иной, неаристотелевской, более свободной связью с сущностью. Тем самым, по оценке И.Б. Роднянской, создатель синергичной антропологии сполна расплатился за «родовую травму» русской философии, ее платонизм, и вступил «в запоздалую борьбу с холизмом и органицизмом». Представление о «деэссенциализации» проясняет, с одной стороны, отрицательное отношение С.С. Хоружего к имяславию, за которым он обнаруживает магизм, каббалистическую ересь и неоязычество, и объясняет, с другой стороны, почему концепция «бытия-действия» находит очевидный интерес у современных авангардных художников, столь ценящих «личное творческое усилие». 3. Отвечая на вопросы из зала, актуально ли обсуждение связей энергии и сущности для осмысления современных проблем, стоящих перед Россией, и на реплику *М.Д. Шевиченко*, что, мол, за религиозностью мы рискуем потерять существо философского предмета, ответ И.Б. Роднянской был категоричен: «Актуально и, может быть, единственно актуально!». Что же касается терминов богословия и их использования, продолжил докладчик, то можно привести в каком-то смысле обратный пример А.Ф. Лосева, у которого православная проблематика в его «восьмикнижиях» была почти всегда прикровенна, но – кто будет сомневаться, – это был большой христианский философ. 4. Предлагая «немного отвлечься от Хоружего», *В.П. Визгин* призвал уйти от противопоставления всеединства и экзистенциальности в пользу плодотворного их соединения. Образцы продуктивного синтеза можно найти у «позднего» С.Л. Франка, а из западных философов следует прежде всего указать на идейную эволюцию к «середине» уГ. Марселя (в его полемике с «ничто» Сартра).

Заседание № 32 (12 апреля 2007 г.)

Докладчик: Наталия Анатольевна Ваганова (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет).

Тема: Иван Сусанин на пути в Китеж. (Метафизика и историософия русской музыкальной драмы).

Председательствующий: А.Н. Паршин.

Участовали: Антонов К.М., Архангельская С.Л., Батурина А.А., Березовская О.Б., Бойкова Н.В., Боянова Н.В., Буренков М.А., Ваганова Д.М., Витте М.Л., Голда Л.А., Гуторов В.А., Демидов С.С., Демушкин С.П., Домбровская Г.В., Жаданова В.В., Зайцев В.А., Зайцев О.Ю., Иванова Евг.В., Иванова Ел.В., Клеопов Д.А., Козырев А.П., Коломийцева Н.М., Конча Л.И., Крюкова Н.В., Кудрин В.Б., Макарова А.Л., Можеитов, Мороз В.Г., Нестерова Л.И., Палиевский П.В., Пантелеев А.В., Перевертень Т.А., Петрова Л.А., Петрова С.С., Погачар Т.И., Попова Е.А., Резвых Т.Н., Резниченко А.И., Рожнов В.С., Романова О.А., Смирнов Г.В., Спиридонова Г.П., Теренецкий Л.Н., Троицкий В.П., Федотов А.М., Филиппов А.А., Филиппова В.К., Царегородцев С.Г., Чехонадский А.Н., Шишкин И.М., Юргенсон Е.Н. Всего: 51 человек.

Тезисы доклада: Затронуты проблемы генезиса и репрезентации в разных формах интеллектуальной и художественной культуры такого феномена, который по традиции можно назвать «духом эпохи», в более прикладном значении – «идеосферой», а в плане общественноисторическом – «идейными движениями» века. В предлагаемом выступлении эта проблема рассматривается в связи с очевидным параллелизмом некоторых идей, проблем, образов, тем и сюжетов, нашедших, с одной стороны, воплощение в русской музыке, с другой – явившихся предметом осмысления русскими философами.

На подобный параллелизм явлений культуры обратил внимание еще Эрвин Панофский, писавший в статье «Готическая архитектура и схоластика», что историки философии порой приходят к необходимости рассматривать свой предмет в соответствии с периодизацией, существующей в истории искусства. Однако Панофский, судя по всему,

не сомневался, что исторически вектор распространения идей всегда направлен от философии к искусству и что именно интеллектуальная сфера диктует формы художественного творчества, короче говоря, что заказчик – всегда «рацио». С этим тезисом можно согласиться, но лишь по отношению к тем «хорошо различимым отрезкам времени» (а иногда и не так хорошо), в которых ясно реконструируется прямая статусная связь между программами богословско-литургическими и иконографическими. Когда, например, в рамках догматических споров складывается богословие образа, а его художественная реализация – икона – становится словно бы печатью, скрепляющей соборные решения церкви. В подобные периоды, как писал Панофский, творцам готических соборов – этих «сумм теологии» в камне, – действительно вовсе не обязательно читать труды Фомы Аквинского, когда есть другие, более непосредственные и прямые пути взаимодействия богословских и художественных форм мышления.

Но как быть, если параллелизм эмпирически наблюдается, а статусное соподчинение рационального и художественного отсутствует? Пифагор, допустим, «надиктовал» Поликлету его «Канон». Но не создатель ли фронтонов храма Зевса в Олимпии открыл Анкасагору: «пришел Ум и все расставил по своим местам»? «Декарт и классицизм», «Паскаль и барокко», «Гегель и Бетховен» – темы известные, но кто, кому и что здесь внушал?

Между русской философией и русской музыкой классического периода, т.е. XIX – начала XX веков, подобный параллелизм обнаруживается с достаточной ясностью. Достоин удивления, что и рождаются они практически одновременно, если учитывать «официальные» даты обнародования тех произведений, которые по традиции считаются основополагающими в обеих сферах. Публикация первого «Философического письма» Чаадаева в московском журнале «Телескоп» – октябрь 1836 года. Премьера «Жизни за царя» Глинки в Петербурге – декабрь 1836 г. Опера явилась здесь одновременно и антитезой чаадаевской идее и параллелью пушкинского ей ответа. Пушкин и Глинка были хорошо знакомы, история их творческих взаимоотношений хрестоматийно известна. Однако наибольший параллелизм, даже прямое совпадение «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») обнаруживает с идеями славянофилов. Опера является, по сути, их художественно совершенным музыкальным воплощением. При этом никакого влияния ни Глинка на славянофилов (Хомяков впервые услышал оперу через 8 лет после премьеры), ни славянофилы (выступившие с отчетливой идейной программой позже) на Глинку не имели.

В параллели «Глинка – славянофилы» прямые все же пересеклись: Хомяков написал о своих впечатлениях об опере краткую, но весьма содержательную статью. Однако далеко не во всех случаях подобные встречи имели место. Наиболее «скандальным» (но не единственным) примером является опера Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже», практически полностью проигнорированная его современниками – философской и философствующей интеллигенцией, обратившейся в начале XX века к поискам «инога царства», «незримого града», но не заметившей гениального художественного воплощения предмета своих исканий.

Полагаю, что вычитывание философско-музыкальных параллелей и антитез из общего контекста русской культуры – занятие не только увлекательное, но и полезное. Оно помогает ввести неопределенно-обобщенный «дух эпохи» в ясные и явные историко-культурные берега. В нашем исследовании мы идем от музыки к философии. Ситуация XIX века в этом смысле является благодатной, поскольку фактическая сторона жизни и творчества русских композиторов-классиков документирована и исследована часто намного лучше, чем в случае с русскими философами. Поэтому не представляет труда выяснить обстоятельства их образования и воспитания, имена преподавателей,

формировавших мировоззрение, и однокашников, избиравших разнообразные жизненные поприща. Весь XIX век русские композиторы-классики учились не в профессиональных музыкальных заведениях, а в самых разных пансионах, училищах, университетах. В литературе описаны их творческие и дружеские связи, круг общения, в котором обсуждалась «злоба дня» и т.д. Эпистолярное наследие дает возможность выяснить сферу интеллектуальных интересов русских композиторов, в том числе их обращение к философии, в которой они на общекультурном уровне (а иногда и на более специальном) были вполне компетентны. Поэтому именно рассмотрение с данной целью фактической стороны жизни и творчества композиторов позволяет «документировать» ту идеосферу, в которой жили и «общались» они сами и их современники.

Мусоргский с увлечением читал «Систему природы» Гольбаха и восхищался Дарвиным – это говорит нечто определенное и о его общественных взглядах, и об умонастроении деятелей его круга. Разумеется, было бы совершенно нелепо искать следы воздействия Гольбаха на музыкальную ткань «Бориса Годунова» или «Хованщины». Однако на определенном уровне рассмотрения художественно-эстетической программы и ее воплощения, например, в том же «Борисе Годунове», можно говорить о «позитивизме» Мусоргского – композитора «натуральной школы», и особенно о его «философии языка», имеющей прямое отношение к уникальной «живой» музыкальной форме его произведений. Полагаю, что можно размышлять не только о романтической эстетике Глинки (что уже сделано), но и о платоническом типе его интеллекта, об экзистенциализме Чайковского – об открывшемся композитору «ужасу изживания жизни» (Б. Асафьев) и о предвосхищении бердяевской темы трагедии творчества, о метафизике света, являющейся едва ли не главной темой вовсе не только Скрябина, но, пожалуй, всей русской музыки.

Моей целью вовсе не является алхимическое извлечение музыкального эквивалента той или иной философской или даже эстетической концепции. Известно, что «как явление научной мысли философская эстетика не может быть полностью соотнесена с определенным художественным направлением, стилем и т.д.» (Ю. Манн). Но можно с уверенностью утверждать о наличии в музыке – кроме чисто эстетических – еще и поддающихся философскому анализу метафизических, историософских, теологических, гносеологических горизонтов. Поэтому основной задачей моего выступления является осмысление русской музыкальной драмы как в первую очередь драмы идей. Что касается отечественных музыки и философии XX века, то здесь ситуация складывалась таким образом, что именно музыка, – как в силу исторически случайных причин, так и в силу специфики своего художественного языка – в наименьшей степени подверглась давлению идеологического пресса, а наиболее пострадала отечественная философия. Поэтому вопрос о параллелизме явлений приобретает иной характер. Можно говорить, например, о теодицее в музыке Мясковского, о метафизике зла у Шостаковича, но также и о воспроизводстве в его творчестве, особенно раннем, социалистических мифов «проклятого прошлого» и «светлого будущего». Во всяком случае, музыка оставалась той живой областью творчества, которое сохраняло и метафизическую серьезность, и историософскую ответственность.

Поэтому хотелось бы поставить вопрос об истории русской музыки как о введении в историю русской идеи (и русских идей) – несомненно, при уважении к самостоятельности и самодостаточности как музыки, так и философии.

И последнее. Русская философия возвращается к нам из небытия. Почему же не возвращается – и вернется ли вообще – русская музыка? Я вовсе не играю в парадоксы. В России в оперных театрах не идет «Жизнь за царя»... И слишком многое еще – не ставится, не звучит, не слушается – не осмысливается...

Из вопросов и обсуждений: **1.** В ходе весьма живого обмена мнениями было затронуто несколько проблем из истории русской музыкальной культуры (и, разумеется, русской философии): тема невидимого града Китежа, в основном по материалам С.Н. Дурдылина; почему русская философская мысль фактически не заметила «русского Парсифаля» Римского-Корсакова; соотношение языческого и христианского начал в русской оперной культуре; С.Н. Булгаков о софийных мотивах в «Сказании о невидимом граде Китеже...». **2.** Продолжая мысль докладчика о рассмотрении истории русской музыки как истории идей, А.Н. Паршин напомнил о возможности разделять философов на «слышащих» и «оптиков» (см. доклад Г.Г. Майорова на 17-м заседании Семинара) и предположил, что русские символисты действительно в большинстве своем «не увидели» русскую классическую оперу.

3. Разумеется, тема отношения русской философии Серебряного века к музыкальной «идеосфере» не может сводиться и не сводится к одной линии или тенденции, о чем также говорилось в репликах и выступлениях участников обсуждения.

Заседание № 33 (24 апреля 2007 г.)

Докладчик: священник Павел Хондзинский (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет).

Тема: Догмат искупления в русском богословии.

Председательствующий: А.Н. Паршин.

Участовали: Айвазян М.А., Архангельская С.Л., Баландина В.С., Белевцева Н.П., Василец И.И., Волкова О.В., Демидов С.С., Демушкин С.П., Жаданова В.В., Заболоцкая И.К., Зайцев О.Ю., Иванова Е.В., Камчатнов А.М., Климачев Ю.С., Козьмина А.Н., Конча Л.И., Крюкова И.В., Лукьянов А.А., Лучко Р.Ф., Макаров А.И., Мартьянов В.Е., Мороз В.Г., Немилова М.Ю., Новиков Ю.Ю., Пантелеев А.В., Полищук Е.С., Половинкин С.М., Сафронов А.Н., Серебрякова И.Л., Скурлатов В.И., Соболев А.В., Теренецкий Л.Н., Титов А.В., Троицкий В.П., Удальцова Г.М., Федотов А.М., Чурсанов С.А., Шишкин И.М., Эпиктетова Л.А. Всего: 39 человек.

Тезисы доклада: Догмат об искуплении, один из наиболее важных христианских догматов, уже полтора столетия находится в центре внимания русской богословской науки. Отсюда, однако, вовсе не следует, что в обсуждении его уже можно поставить точку. Докладчик свою задачу видит в том, чтобы представить современное положение вопроса. Это делается им на основании критического разбора 1) воззрений митрополита Антония Храповицкого, наиболее последовательно выразившего в двадцатом веке альтернативную традиционной точку зрения; 2) недавно вышедшего исторического обзора протоиерея Петра Гнедича «Догмат искупления в русской богословской науке». В конечном счете, оба упомянутых автора считают необходимым полностью отвергнуть всякую возможность наличия «правовых» элементов в истолковании догмата. Докладчик, между тем, приходит к выводу о необходимости их сохранения в православном вероучении.

Из вопросов и обсуждений: **1.** Почему, несмотря на искупление, люди грешили и продолжают грешить, спросила И.К. Заболоцкая, и продуктивна ли сосредоточенность христианства на проблеме греха? Ответ: искупление не уничтожает свободу воли, человек волен в своем приятии (или не-приятии) Благой Вести. Христианство же сосредоточено не на проблеме греха, а на спасении. **2.** Отвечая на вопрос о кресте как универсальном символе земного пути, докладчик дал высокую оценку идеям кн. Е.Н. Трубецкого, изложенным в известной книге «Смысл жизни», но оговорил, что для него самого еще

только предстоит внимательно соотнести эту работу с упомянутыми богословскими теориями. **3.** В развернутом выступлении *Е.С. Полищука* были даны некоторые сведения о трудах протоиерея Петра Гнедича и митрополита Антония Храповицкого, а также рассказано об издании собрания сочинений последнего, предпринятом Издательским советом РПЦ.

Семинар «Русская философия (традиция и современность)» приближается к своему трехлетию. Прошло 33 заседания, на которых побывало в общей сложности более 950 участников. Подводя своего рода итоги, *А.Н. Паршин* отметил, что семинар можно считать состоявшимся, хотя ему, конечно, весьма далеко до уровня религиозно-философских собраний, проходивших в начале XX века. Но многие проблемы и предчувствия, волновавшие наших предшественников век назад, остаются значимыми и поныне. Если семинар будет продолжен, то, с сохранением безусловного внимания к историко-философской проблематике, будет делаться все-таки больший упор на развитии отечественной мысли в увязке с современностью. Русская философия – отнюдь не отсталая в сравнении с западной философией, она просто молодая. И нужно не мешать ей расти.

Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий

Хроника научной жизни: январь – июнь 2007 г.

25 января 2007 г. в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» была представлена монография доктора философских наук *Виктории Владимировны Кравченко «Владимир Соловьев и София» (М., 2006)*. Давно и целенаправленно занимаясь проблемой мистицизма в русской философской мысли, автор сосредоточил основное внимание на сходных темах и в данной книге. Сам «личный миф» и «личная религия» философа, многочисленные аспекты Софии у Соловьева соотнесены В.В. Кравченко с различными мистическими течениями: языческими, гностическими, герметическими, спиритическими, каббалистическими, алхимическими. Сопоставляя софийные представления в христианстве и соловьевскую «свободную теософию», специально исследуя софийный миф, представший для Соловьева в образе финского озера Сайма, автор также немного полемизировал с интерпретацией соловьевской софиологии у А.Ф. Лосева, противопоставляя две принципиально разных установки философствования – через «понять» (характерно для западного человека и в целом для христианства) или через «встретиться» (ключевая установка восточного менталитета). Ответив далее на многочисленные вопросы присутствующих, В.В. Кравченко завершила вечер чтением нескольких собственных стихотворений о «вечной женственности». Вечер вел В.П. Троицкий.

С января по апрель 2007 г. в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» четыре раза собирались Московские Философские Библиотечные вечера: 30 января, 27 февраля, 27 марта и 24 апреля. На заседании 30 января прозвучал доклад доктора педагогических наук *Екатерины Юрьевны Гениевой «Культурология знания в понятии Д. Лихачева: три тезиса культуры»* (текст выступления был опубликован в нашем «Бюллетене» в вып. 5). Темой следующего заседания и материалом для дискуссии стало выступление кандидата педагогических наук, гл. научного сотрудника РГБ *Н.П. Игумновой «Мультикультуризм и общее Евразийское информационное пространство: философские аспекты»*.

1 февраля в соответствии с программой XV Международных Рождественских образовательных Чтений и в рамках работы направления «Церковь и культура» на базе «Дома А.Ф. Лосева» прошло заседание секции «Пути взаимодействия светской и церковной культуры (музеи – библиотеки – издательства)». В выступлениях и дискуссии были затронуты следующие вопросы: Оптина Пустынь и русская интеллигенция XIX века;

духовно-просветительская деятельность К.П. Победоносцева; основные направления церковно-просветительской деятельности российских библиотек; место православной тематики в программах современных светских издательств; информационная безопасность книжной культуры России; «человек без границ» и проблемы современного культурного строительства; актуальные вопросы религиозной апологетики в популярных естественнонаучных изданиях и др. Директор Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» *Валентина Васильевна Ильина* выступила с докладом «Возвращение русской философии в гуманитарную культуру России как важнейшая миссия Библиотеки “Дом А.Ф. Лосева”» (подробнее о Рождественских чтениях см. информацию В.А. Никитина в этом же номере «Бюллетеня»).

13 февраля к 125-летию со дня рождения о. Павла Флоренского (1882–1937) в «Доме А.Ф. Лосева» прозвучал доклад кандидата физико-математических наук *Дмитрия Александровича Баюка* (ИИЕТ РАН) «Возвращение во Флоренцию, или Флоренский о безграничном космосе Данте». Взяв за основу, казалось бы, хорошо известную работу «Мнимости в геометрии» (1922), докладчик предложил для изложенной там космологической модели Флоренского новую топологическую трактовку и показал, что она, эта модель, не только в целом соответствует средневековой картине мира, но и имеет вполне приемлемую современную физическую интерпретацию. В ходе последовавшего затем обсуждения наиболее интересные из затронутых тем были такие: связи галилеевской революции в науке и дантовской картины мира, а также вопрос о соотношении взглядов П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева на «космос Данте».

20 февраля «Дом А.Ф. Лосева» снова принимал известного петербургского ученого доктора филологических наук *Бориса Федоровича Егорова*. На этот раз представлялась его книга «Российские утопии» (СПб., 2007). Вечер вела Е.А. Тахо-Годи. Весь обильный материал об утопиях, который дает русская художественная литература XVIII – XIX веков (а в книге введена в научный оборот масса малоизвестных фактов и полузабытых имен), Б.Ф. Егоров предложил рассматривать по двум основным линиям: одна из них всегда связана с верой в мгновенное чудо, другая же всегда опирается на каждодневную трудовую деятельность. В заключительной части вечера автор книги ответил на ряд вопросов. Были затронуты, в частности: связи утопии и романтической идиллии; различие утопии и научной фантастики; соотношение утопии и религиозной веры; почему в поэзии мало утопий; не является ли утопией известный недавний «проект» о русской идее (по мнению автора, самая разумная русская идея – это развивать и сохранять русскую интеллигенцию); причины всплесков появления утопий. На вопрос, не уменьшается ли роль утопии в современном мире, Борис Федорович категорически возражал, завершив свое выступление бодрым призывом:

– Нет-нет-нет, я за утопию!

22 февраля состоялась встреча с известным специалистом в области истории русской философии, директором Института синергийной антропологии, доктором физико-математических наук *Сергеем Сергеевичем Хоружим*. Вечер вел А.В. Ахутин. Основные положения выступления С.С. Хоружего нашли отражение в его публикации в настоящем выпуске «Бюллетеня». Многочисленные вопросы присутствующих в основном затрагивали особенности «энергийного размыкания» и тех духовных практик, которые кладутся в основу синергийной антропологии, разрабатываемой С.С. Хоружим и его последователями в рамках исихастской традиции с целью преодоления европейского эссенциализма (примата сущностей). В дар «Дому А.Ф. Лосева» были переданы первые препринты, выпускаемые недавно созданным Институтом, а также три ранее вышедшие в свет книги С.С. Хоружего, включая фундаментальную аннотированную библиографию «Исихазм» (М., 2004), научным редактором которой также является С.С. Хоружий.

6 марта открылось первое заседание нового семинара «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы». В рамках заседания была представлена книга Виктора Петровича Троицкого «Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева» (М., 2007). О ходе заседания читатели «Бюллетеня» могут составить более подробное представление, познакомившись с материалом В.Б. Кудрина в настоящем выпуске, а также по публикуемым в «Бюллетене» выступлениям проф. А.А. Тахо-Годи и В.П. Визгина. Неожиданным отзвуком этой презентации стало обращение в мае месяце в «Дом А.Ф. Лосева» одного из московских книголюбов Валерия Ивановича Кулиша. Инженер-лесовод по специальности, приобретя книгу В.П. Троицкого, обратил внимание на ряд заключающих ее обращений к читателям, в частности, на предложение совместно уточнить, сколько же к настоящему времени сохранилось в России экземпляров лосевской «Диалектики мифа» 1930 года издания. Оказалось, что один такой экземпляр... есть у него! Счастливый обладатель редчайшей книги побывал у нас в гостях 15 мая и охотно продемонстрировал раритет. Книга была приобретена им в букинистическом магазине г. Ташкента в 1991 г. Она в хорошем состоянии, без повреждений, не содержит никаких пометок и инскриптов. Судя по штемпелям на последней странице издания (к сожалению, даты на них не читаются), оно трижды попадало в продажу. Как предположил В.И. Кулиш, данная книга «вышла в оборот» из чьей-то частной библиотеки после разрушительного Ташкентского землетрясения (1966). Теперь нам достоверно известно о наличии в российских книжных собраниях *трех экземпляров* «Диалектики мифа»: в РГБ (куда экземпляр попал, видимо, из Главлита), в Библиотеке ИНИОН (экземпляр из библиотеки прежнего Института Красной Профессуры) и у В.И. Кулиша.

13 марта в «Доме А.Ф. Лосева» отметили 155-летие со дня кончины Николая Васильевича Гоголя (1809–1852). Е.А. Тахо-Годи открыла вечер чтением посвященного Гоголю стихотворения Константина Случевского из книги «Загробные песни». О последних днях жизни великого русского писателя, о его духовных исканиях и о противоречивом отношении к ним современников говорили на вечере профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Владимир Алексеевич Воропаев и доктор филологических наук Виктор Мирославович Гуминский (ИМЛИ РАН). Наиболее острым оказался вопрос о праве Гоголя-писателя на учительство. Не находился ли Гоголь в духовной «прелести» в последние годы жизни? не забыл ли он о необходимости духовного «трезвения»? – волновались слушатели. Составитель книги «Н.В. Гоголь. Из писем. “Что может доставить пользу душе”» (М., 2006) Ирина Рудольфовна Монахова рассказала присутствующим, как и почему у нее возник замысел такого издания.

19 марта в рамках VIII Всемирного дня поэзии прошла встреча с поэтом и философом Константином Кедровым. Демонстрировался фильм «Номинант» (о нобелевской номинации К.А. Кедрова) режиссера Татьяны Юриной, студия «Золотой меридиан». На вечере, имевшем характерное название «Приношение Лосеву», исполнялись стихи и песни участников фильма. Большинство из них – члены организованного К.А. Кедровым поэтического союза «Добровольное общество охраны стрекоз» (ДООС). В заключение К.А. Кедров ответил на вопросы и прочел свои стихи-палиндромы.

22 марта состоялся вечер памяти Георгия Ивановича Челпанова (1862–1936), «учителя великих». О Челпанове как одной из ключевых фигур в истории отечественной психологии, о его трагической жизни свой обстоятельный рассказ вели сотрудники МГУ им.М.В. Ломоносова

– доктор психологических наук Борис Сергеевич Братусь и кандидат психологических наук Владимир Владимирович Умрихин. Особое место было отведено истории создания при Императорском Московском университете Психологического института – главного детища Г.И. Челпанова. Напомним, что работа в этом институте и под руководством

Георгия Ивановича составила важную веху в творческой биографии А.Ф. Лосева.

10 апреля в «Доме А.Ф. Лосева» решили вспомнить и о *Константине Петровиче Победоносцеве* (1827–1907). Кандидат философских наук *Сергей Михайлович Сергеев* (НИОР РГБ) прочел доклад, в котором приводились самые разнообразные, подчас полярные оценки деятельности и творческого наследия этого неординарного человека. Докладчик стремился показать, что история деятельности К.П. Победоносцева заставляет задуматься об относительности понятий «консервативных» и «прогрессивных» сил в истории культуры.

12 апреля на телеканале «Столица» в серии «Мифы и легенды» прошла премьера документального фильма о жизни и творчестве А.Ф. Лосева (режиссер-постановщик – *Денис Метлов*, автор сценария и ведущий – *Максим Федоров*). Съемки фильма проходили в интерьерах мемориальной экспозиции «Дома А.Ф. Лосева» в конце марта, принимал в них участие и ст.н.с. «Дома А.Ф. Лосева» В.П. Троицкий. Копия фильма была любезно передана в Библиотеку, и теперь посетители могут просмотреть этот получасовой фильм на плазменной панели нашей мемориальной экспозиции.

17 апреля доктор филологических наук *Вячеслав Петрович Океанский* (г. Шуя) представил свою книгу «*Русский Леонардо: художественная концепция мира в творчестве А.С. Хомякова*» (*Иваново, 2007*). Вел вечер В.П. Троицкий. Собственно творческое наследие А.С. Хомякова относительно мало затрагивалось автором книги, тем не менее, оно послужило ему поводом для широких культурологических обобщений и проектов. Так, В.П. Океанский настаивал на принципиальной значимости подзаголовка своей работы («Поэтическая метафизика имени») и говорил о сосредоточенной в нем исследовательской программе, которую еще предстоит развернуть.

15 мая в «Доме А.Ф. Лосева» встречали доктора философских наук, заведующего сектором истории русской философии ИФ РАН *Михаила Николаевича Громова*. Ведущий вечера профессор М.А. Маслин в своем вступительном слове сказал об особом месте М.Н. Громова в ряду историков русской философии: М.Н. Громову выпало начать новое направление исследований, ибо о древнерусской философской традиции до него, если не считать забытой диссертации М. Безобразовой, практически не было написано ни строчки. При этом было необходимо попутно разрабатывать оригинальную методологию мультидисциплинарного, синтетического подхода к памятникам мысли. М.Н. Громов рассказал о собственном пути к русской философии, о том, как шло усвоение им кирилло-мефодиевской культурной традиции и о тех многообразных импульсах, которые давала сама жизнь: уроки университетских профессоров, знакомство с великим подвижником архитектором и реставратором древнерусских памятников П.Д. Барановским, многочисленные путешествия по родной стране. Отвечая на вопросы слушателей, Михаил Николаевич интересно прокомментировал следующие важные темы: роль «южного цивилизационного вектора» в истории русской культуры; византийство и евразийство; идея панславизма и современная политическая ситуация в Европе; ограниченность сопоставления «платонизма Востока» и «аристотелизма Запада»; значение невербальных памятников мысли (архитектура, иконопись, мелкая пластика) в истории философии.

22 мая в рамках заседания семинара «*Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы*» состоялась конференция молодых ученых «*От Гомера до Нонна*». Заседание открылось показом видеофильма – представлением виртуальной выставки ««Сначала стань учеником...» Гимназические учебники латинского и греческого языков из собрания А.Ф. Лосева», подготовленного сотрудниками Библиотеки *Е.Б. Виноградовой, О.И. Козловой и М.С. Сертиковым*. Конференция проходила под председательством профессора А.А. Тахо-Годи. После докладов молодых исследователей – *В. Мостовой, М. Суховой, М. Федотовой, Е. Цыпилевой, М. Касьяновой* – прозвучало развернутое

выступление доцента кафедры классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова *Валентины Петровны Завьяловой* на тему «Александрйская школа: смена парадигм». Участникам заседания была также представлена новая книга: *Файер В., Наумова Е. Латинский язык* (М., 2007). В настоящем номере «Бюллетеня» публикации материалов этой конференции посвящен специальный раздел.

24 мая – особый для Библиотеки день. Это – годовщина смерти *Алексея Федоровича Лосева*. После панихиды у его могилы на Ваганьковском кладбище в «Доме А.Ф. Лосева» состоялось традиционное годичное собрание членов Культурно-просветительского общества «Лосевские беседы». С отчетным докладом о проделанной работе выступила Председатель общества *Аза Алибековна Тахо-Годи*. Вечер завершился дружным коллективным чаепитием.

Традиционными для сотрудников «Дома А.Ф. Лосева» стали приуроченные к Дню библиотекаря экскурсионные поездки в подмосковные музеи-усадьбы. И всякий раз выбор маршрута был не случайным: и с музеем-усадьбой «Мураново» (экскурсия 1 июня 2005 г.), и с Домом-музеем М.М. Пришвина в Дунино (экскурсия 1 июня 2006 г.) у нас уже установились добрые и плодотворные отношения. Не была исключением и поездка 1 июня 2007 г., осуществленная при поддержке Управы района Арбат. На этот раз нас ждали мемориальная экспозиция в краеведческом музее г. Королев, посвященная М.В. Цветаевой, и Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина в Болшево. Сотрудники Дома-музея С.Н. Дурылина – частые гости на вечерах в «Доме А.Ф. Лосева», и вот теперь состоялся «ответный визит». Нас радушно встретили директор музея *Геннадий Васильевич Лебедев* и практически полный состав работников музея. Разделившись на две группы, гости с большим интересом выслушали рассказы заместителя директора по научной работе *Анны Игоревны Резниченко*, и научного сотрудника музея *Татьяны Николаевны Резвых*, об истории дурылинского дома и его мемориальных сокровищах. Перед нами предстали раритеты, связанные не только с хозяином дома и его домочадцами, но и с такими дорогими русскому сердцу именами, как о. Алексей Мечев, М.В. Нестеров, В.Д. Поленов, М.А. Волошин, М.Н. Ермолова, А.А. Яблочкина, Н.А. Обухова – список великих можно продолжать еще и еще. Заключило нашу памятную встречу дружеское чаепитие в привольном саду с видом на этот «Дом-корабль» (как любят здесь говорить) или «Дом-ковчег» (как скажем мы), удивительным образом запечатлевший в себе целую эпоху.

5 июня известный исследователь творчества Ф.М. Достоевского доктор филологических наук *Людмила Ивановна Сараскина* представила собравшимся в «Доме А.Ф. Лосева» свою новую (как она сама отметила, десятую по счету) книгу «*Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына)*» (М., 2006). К этой работе, посвященной литературному окружению Достоевского, автор шел непростыми путями исследовательских поисков и выборов. О некоторых из них и был рассказ: подготовка к публикации писем Аполлинарии Сусловой и принципиальное решение делать при этом купюры («самое интимное я не выдала – и это было мое везение»); трудная работа с архивом петрашевца Николая Спешнева, прототипа Ставрогина; необходимость показа важной литературно-биографической роли Николая Михайловича Достоевского, брата писателя. Л.И. Сараскина специально остановилась на двух больших темах: Достоевский в жизни и творчестве А.И. Солженицына («расширение сознания у Солженицына – через Достоевского») и «царапающий» вопрос о Владимире Набокове, в творчестве которого обнаруживается постоянная полемика с Достоевским и борьба с «этим третьестепенным». Явное оживление среди слушателей вызвал рассказ исследовательницы о пророческом для самого Достоевского романе «Игрок» и собственных попытках воспроизвести «систему игры» писателя на реальной рулетке в том же самом игровом зале в Баден-Бадене.

7 июня главным героем вечера был гость из Санкт-Петербурга доктор философских

наук *Владимир Григорьевич Белоус* (СПбГУ). Этот вечер, как и предыдущий, вела Е.А. Тахо-Годи. Не так давно Владимир Григорьевич представлял в «Доме А.Ф. Лосева» подготовленные им два тома архивных материалов, связанных с организацией и деятельностью Вольной Философской Ассоциации. Теперь исследователь познакомил слушателей со своим новым трудом – «*Вольфила, или Кризис культуры в зеркале общественного самосознания*» (СПб., 2007). В монографии автор пытается дать теоретическое осмысление введенных им в научный оборот архивных материалов и убедительно обрисовывает Вольфилу как интересный и во многом уникальный «антитоталитаристский эксперимент в коммунистической стране». Наиболее острым оказался вопрос «Вольфила и формалисты».

14 июня прошел вечер памяти одной из первых русских женщин, профессионально работавших в области философии, *Марии Владимировне Безобразовой* (1856–1914). С подробным рассказом о ее жизненном и творческом пути выступила доктор философских наук *В.В. Кравченко*, автор монографии о Безобразовой. Она обратила особое внимание на работы Безобразовой о средневековых истоках русской философской мысли и ее связях с византийской традицией, а также на ее плодотворные попытки периодизации русской философии

– едва ли не первые и до сих пор актуальные. О занимавших Безобразову многолетних поисках новой «безрелигиозной» формы аскетизма было сказано как о важном жизненном проекте этой женщины-философа. Разумеется, в такой вечер не могла быть обойдена и гендерная проблематика, вызвавшая предсказуемый энтузиазм женской половины участников заседания.

19 июня в «Доме А.Ф. Лосева» с публичной лекцией выступил профессор университета штата Огайо (США) *Владимир Леонидович Марченков* «*Миф об Орфее и власть музыки*». Докладчик предложил вычленить несколько типов отношения человечества к проблеме бессмертия и рассмотрел их «реализацию» в операх К. Монтеверди и А. Стриджо «Орфео», К.В. Глюка и Р. Кальцабиджи «Орфей и Эвридика», Х. Бертуисла и П. Зиновьева «Маска Орфея» (текст выступления см. в разделе «Наши публикации»). При этом с особой силой выступило противопоставление двух типов верований – в естественные законы природы и в чудо. Возникшая после лекции дискуссия затронула многообразные вопросы философии музыки и, в частности, роль постмодерна в осмыслении современной культурной ситуации.

В.А. Никитин

**«Церковь и культура»
(XV Международные образовательные
Рождественские чтения)**

31 января – 2 февраля 2007 года в Москве прошли XV Международные Рождественские образовательные чтения. Среди важнейших аспектов работы чтений было направление «Церковь и культура» (председатель направления – епископ Саратовский и Вольский Преосвященный Лонгин, руководитель направления – д-р философии, академик РАЕН В.А. Никитин). Направление объединило 19 научных и образовательных конференций, секций и круглых столов.

В работе направления «Церковь и культура» со стороны Русской Православной Церкви приняли участие клирики и миряне, представители различных епархий, духовных школ, монастырей и Синодальных отделов Русской Православной Церкви. Мир культуры представляли сотрудники научных и культурно-просветительских учреждений, научно-

исследовательских центров, творческих союзов, музеев и театров, библиотек и издательств, видные ученые, академики, доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, преподаватели вузов, богословы и философы, историки и филологи, культурологи, искусствоведы и иконописцы, композиторы и архитекторы, регенты хоров, музейные служители и библиотекари, специалисты в области информатики. Преобладали москвичи, но приехали также и гости: из Санкт-Петербурга, Саратова, Петрозаводска, Владимира, Иваново-Вознесенска, Тамбова, Минска, Киева, Риги, Нью-Йорка, Сегеда (Венгрия), Тбилиси и иных городов России и Зарубежья.

В форуме, помимо общественных организаций и различных творческих объединений, участвовали следующие светские и церковные учреждения и организации: Российская Академия образования, Московский госуниверситет им. М. В. Ломоносова, Московская Духовная Академия, Православный Институт св. апостола Иоанна Богослова, Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, Библейскобогословский институт св. ап. Андрея Первозванного, Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Самарская Православная Духовная семинария, Иваново-Вознесенская Православная Духовная Семинария, Институт религиозных и социальных исследований, Институт экспертизы образовательных программ и государственноконфессиональных отношений, Архитектурно-художественный центр Московской Патриархии, Международная Академия информатизации, Российская Академия естественных наук, Академия проблем безопасности, обороны и правопорядка Российской Федерации, Государственная Академия славянской культуры, Академия педагогических и социальных наук, Российская Академия художеств им. В. И. Сурикова, Российская Академия музыки им. Гнесиных, Российская Академия театрального искусства, Академия хорового искусства, Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», Синодальная Библиотека, Российская государственная библиотека, Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, Литературный институт им. А.М. Горького, Институт русской литературы (Пушкинский Дом, СанктПетербург), Православное церковно-певческое общество, Московский городской педагогический университет, Московский полиграфический институт, Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова, Университет Натальи Нестеровой, Государственный центр русского фольклора, Государственный литературный музей, Государственный музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки, Музей театрального искусства А.А. Бахрушина, Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, Московский театр русской драмы «Камерная сцена», Русский духовный театр «Глас», а также следующие институты Российской Академии наук: Институт философии, Институт мировой литературы, Институт языкознания, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Институт искусствознания, Институт славяноведения и балканистики, Институт этнографии, этнологии и антропологии, НИИ археологии и др. В работе направления «Церковь и культура» приняли участие около 5 тысяч человек из девяти епархий РПЦ, было заслушано более 250 докладов.

Концепцию направления «Церковь и культура», его цели и задачи определил на Пленарном заседании 31 января во вступительном слове председательствующий *епископ Лонгин (Корчагин)*. С приветствием к участникам Рождественских Чтений от Российского Фонда культуры обратился его вице-президент, д. филол. наук, лауреат Государственной премии *А.Л. Налетин*. С яркой речью о творческом призвании художника, верного голосу христианской совести, выступила поэт и культуролог *Олеся Николаева*, лауреат Российской национальной премии «Поэт».

Пленарное заседание, в сущности, явилось научным симпозиумом, на котором

выступили с докладами следующие лица: филолог, историк и публицист *Г.А. Анищенко* («Задачи русской православной культуры в начале XXI века»); искусствовед и реставратор *С.В. Ямищиков* («Судьбы церковно-археологических музеев России»); руководитель направления «Церковь и культура» академик РАН *В.А. Никитин* («Культ и культура, Церковь и цивилизация»); д.филол. наук, зав. отделом культуры журнала «Москва» *К.А. Кокшенёва* («Человек без границ» и проблемы современной культуры»); президент «Международной общественной организации по спасению памятников русской архитектуры и ландшафта» *А.Р. Небольсин* («Экология культуры»); советник компании «Атлантис Телеком» *С.Т. Петров* («Информационное общество. “Близ есть при дверях?”»); руководитель отдела по культуре, искусству и духовному воспитанию Аграрной партии России, президент Международного центра народной дипломатии *В.А. Фролов* («Крестьянство на Руси как основной носитель Православной духовной традиции XXI века»); ректор Института экспертизы образовательных программ и государственно-конфессиональных отношений иеромонах *Киприан Яценко* («Основные пилотные проекты церковно-государственной программы «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения России. 2006–2010 гг.»).

1 февраля 2007 г. в Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» прошло заседание секции «Пути взаимодействия светской и церковной культуры (музеи – библиотеки – издательства)». Протоиерей *Борис Даниленко* (директор Синодальной библиотеки), *Сергей Леонидович Кравец* (руководитель церковнонаучного центра «Православная энциклопедия») и *Валентина Васильевна Ильина* (директор Библиотеки «Дом А. Ф. Лосева») как сопредседатели показали пример удачного творческого взаимодействия и диалога Церкви с представителями светских музеев, библиотек и издательств. *В.В. Ильина* выступила со специальным докладом «Возвращение русской философии в гуманитарную культуру России как важнейшая миссия Библиотеки “Дом А. Ф. Лосева”». В программе секции были также заявлены следующие выступления: 1) *С.В. Бушув* (вед. н. с. научно-исследовательского отдела книговедения РГБ) «Книгоиздательская деятельность Оптиной Пустыни в XIX–XX вв.»; 2) *А.Л. Гуревич* (к. и. н., ст. н. с. Центра религиозной литературы и Русского Зарубежья ВГБИЛ) «Церковно-просветительская деятельность российских библиотек. Основные направления, проблемы и перспективы»; 3) *И.К. Ефремова* (кандидат искусствоведения, ст. н. с. Музея-усадьбы Останкино) «Проблемы реставрации музейного комплекса усадьбы Останкино»; 4) *Е.В. Захарченко* (член Санкт-Петербургского Союза художников и Союза писателей «Литературный Петербург») «Опыт православной просветительской и выставочной деятельности Алуштинского городского краеведческого музея (к 85-летию организации первого музея в г. Алуште)»; 5) *А.И. Золотухин* (поэт, историк, литературовед, председатель Пушкинского клуба г. Николаева (Украина)) «О раскрытии тайны “Слова о полку Игореве”»; 6) *К.А. Кокшенёва* (д. филол. н., зав. отделом культуры журнала «Москва», зав. литературной частью МХАТа) «“Человек без границ” и проблемы современной культуры»; 7) *В.Г. Крикуненко* (поэт, переводчик, литературовед, член Союза писателей Украины и России, зам. директора «Библиотеки украинской литературы в Москве») «Иван Вишенский – выдающийся писатель-полемист в борьбе с католической экспансией на Украине в конце XVI – начале XVII вв. и его образ в украинской поэзии»; 8) *С.С. Лесневский* (гл. редактор и директор издательства «Прогресс-Плеяда», член Союза писателей России) «Православная тема в светском издательстве»; 9) *В.Ю. Малягин* (гл. редактор издательства «Даниловский благовестник», писатель, член Союза писателей России) «Издательство “Даниловский благовестник” вчера и сегодня»; 10) *Е.М. Сергеева* (гл. редактор газеты «Тамбовский курьер») «Использование печатных и компьютерных носителей информации как средств религиозного воспитания»; 11) *В.А. Никитин* (д.

филос. н., академик РАЕН, академик Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка РФ, гл. редактор православного радио «Логос») «Издания К. П. Победоносцева и его духовнопросветительская деятельность. К 100-летию со дня кончины оберпрокурора Святейшего Синода»; 12) *М.М. Панфилов* (к. ист. н., зав. научно-исследовательским отделом книговедения РГБ) «Информационная безопасность книжной культуры России (Уроки русской мысли XIX–XXI вв.)»; 13) *Архимандрит Зосима (Шевчук)* (к. филос. н., к. пед. н. ректор Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Православной Духовной семинарии) «К богословской концепции “Основ православной культуры”».

В докладах, прозвучавших на этой секции (а также и на других секциях), особое внимание было уделено памятным датам, которые Русская Православная Церковь и культурная общественность отметила в 2007 г., в частности, 100-летие со дня смерти оберпрокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, 125-летие со дня рождения священника Павла Флоренского (и 70-летие со дня его мученической кончины), 185-летие со дня рождения выдающегося русского публициста и социолога, идеолога панславизма Н.Я. Данилевского. Раздавались (и были поддержаны) призывы к канонизации о. Павла Флоренского и к увековечиванию памяти К.П. Победоносцева и Н.Я. Данилевского. С этой целью возникла инициатива созвать конференцию в МГУ на тему «Место гуманитариев в российской культуре: вчера и сегодня».

В работе конференции «Пути взаимодействия светской и церковной культур (театр – кино – массмедиа)» приняли участие представители Грузинской Православной Церкви – *митрополит Ахалкалакский и Кумурдойский Николай (Пачуашивили)* (Грузинская Православная Церковь) и Латвийской Православной Церкви – директор Центра Русской Культуры в г. Даугавпилсе *Г.И. Богданова*, воспитатели-педагоги, организаторы молодежного общества «Родник» *Н.В. Назарова* и *И.М. Филимонова*.

Доклады на секции «Возрождение традиций Русского храмового зодчества» сопровождались обширным иллюстративным материалом. В конце заседания прошло обсуждение сделанных сообщений. Участниками, среди которых были представители ведущих архитектурных мастерских, в том числе архитектурно-художественный центр Московской Патриархии (Арххрам), архитектурная мастерская Свято-Данилова монастыря, научно-исследовательских и реставрационных центров (Центральные научно-реставрационные проектные мастерские), художественных учебных заведений (Российская Академия художеств им.

В.И. Сурикова), а также гости из других епархий, было выражено общее мнение о плодотворности и необходимости подобных встреч.

В ходе работы секции «Культура, общество и государство» (под руководством протоиерея *Владимира Волгина* и *Евгения Рянова*) участникам семинара была предоставлена возможность ознакомиться с уникальными историческими документами и предметами старины, приложиться к иконам, выкупленным Клубом меценатов и благотворителей России для передачи их Русской Православной Церкви, а также получить практические советы по организации благотворительной деятельности и получению благотворительной помощи. Был особо выделен вопрос о становлении и развитии культуры государственности (державности), на страже которой издревле стояла и стоит сегодня Русская Православная Церковь.

На секции «Культура и цивилизация. Воцерковление культуры и проблемы культурологии» (сопредседатели доцент МДА *игумен Андроник (Трубачев)* и доцент Академии славянской культуры *В.В. Аксютин*) были затронуты не только общие вопросы культурологии, соотношения научного мировоззрения и религиозной веры, но также проблема диалога и сотрудничества ученых и служителей Церкви в формате прин-

ципиально новых взаимоотношений, вызванных к жизни реалиями XXI века, в частности, международным терроризмом.

На секции «Русский язык и литература в созидании отечественной культуры» отношение православного сознания к художественной литературе и эстетическим ценностям было проиллюстрировано как в докладах обобщающего плана, так и в докладах, посвященных творчеству А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Вяч. Иванова, А.Ф. Лосева и других классиков, с привлечением примеров из творчества некоторых современных авторов.

В рамках направления «Церковь и культура» состоялась конференция-презентация (сопредседатели епископ Якутский и Ленский *Зосима* и вице-президент Российской Академии образования *В.П. Борисенков*) церковно-государственной программы «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения России», руководителями которой являются Председатель Учебного комитета Русской Православной Церкви архиепископ Верейский Евгений и министр культуры и массовых коммуникаций РФ А.С. Соколов. Программа включает в себя ряд долгосрочных инициатив в культурно-образовательной, информационно-издательской, кинематографической и социальной сферах.

Заметный вклад в итоговый документ направления, предложив для дальнейшей проработки обсуждавшихся проблем создать общественный Научно-технический совет, внесла секция «Православная Церковь и культура в информационном обществе» (сопредседатели проф. Российского Православного института *В.Н. Тростников* и *С.Т. Петров*).

На секции «Православное радио и телевидение. Итоги и перспективы» (сопредседатели – депутат Государственной Думы РФ *А.Н. Крутов* и генеральный директор радио «Радонеж» *Е.К. Никифоров*) живой интерес вызывало обсуждение отношения Церкви к тем острым и актуальным проблемам, что тревожат и беспокоят христианскую совесть, в особенности к беспределу в средствах масс-медиа.

На заседаниях различных секциях велся серьезный и заинтересованный разговор о значении духовного просвещения, его роли в русской культуре XIX и XX вв., о верности традиции и ее сочетании с поисками нового. В этом контексте важно было уяснить, в чем состоят духовно-метафизические истоки кризиса современной цивилизации и культуры, можно ли и как именно преодолеть этот кризис в эсхатологической перспективе ближайших десятилетий. Историческая память бросает нам вызов, который надо принять с чувством духовной ответственности, следуя зову христианской любви, вдохновляясь примером святых подвижников, в особенности святых Новомучеников Российских. Тематика докладов практически во всех секциях оказалась разнообразной, насыщенной интересной и полезной информацией. Общий научный уровень докладов был достаточно высок. Однако нельзя не отметить, что в них ссылки на русских религиозных философов – о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, Ивана Ильина, Николая Бердяева, Алексея Лосева и других выдающихся русских мыслителей XX в. превалировали над ссылками на святоотеческие тексты. Это свидетельствует о том, что наша интеллигенция еще делает только первые шаги к подлинному воцерковлению. Вот почему взаимодействие культурно-общественных и церковных институтов должно быть продолжено. Необходима дальнейшая христианизация культуры, с одной стороны, а с другой – расширение культурного горизонта священнослужителей и церковнослужителей. Такое сотрудничество необходимо для духовного и культурного возрождения России. Отрадно, что ректор Литературного Института *Б.Н. Тарасов*, директор Музея театрального искусства *Б.Н. Любимов*, директор Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева» *В.В. Ильина* и другие сопредседатели секций направления «Церковь и культура» – руководители тех или иных учреждений, впервые предоставивших свои помещения для

проведения подобных мероприятий, выразили готовность продолжить начатое сотрудничество и в дальнейшем.

С.С. Хоружий

Русская мысль, наследие Лосева и синергийная антропология

Февральская встреча в «Доме А.Ф. Лосева» – за устройство которой я рад выразить признательность хранителям этого уникального очага русской мысли – явилась для меня ценным творческим отчетом перед чуткой и понимающей аудиторией. Вместе с тем, это был также повод вспомнить и ощутить заново, что есть живые нити, связывающие мою работу с этим очагом, с тем наследием, которое он хранит, – с мыслью и делом Алексея Федоровича Лосева.

Истоки научного направления, развиваемого мной, синергийной антропологии, восходят к 70-м годам минувшего века. Они продумывались и обсуждались в тесных контактах, в философских беседах с моим другом Владимиром Вениаминовичем Библихиным (1938–2004), который именно в тот период был ближайшим помощником и сотрудником Лосева. Обсуждавшиеся нами идеи, темы далеко не были чужды творчеству Лосева, его кругу интересов. Исходной базой синергийной антропологии служило новое современное продумывание православной и русской духовной традиции, специфических черт Восточнохристианского мышления, феномена исихастской аскезы. Всё это были темы, близкие и дорогие для Лосева. В своем раннем творчестве он сам внес в них капитальный вклад, и, хотя в позднем творчестве не мог глубоко погружаться в них, однако они всегда пребывали в орбите его внимания и он немало касался их в разговорах с Владимиром Вениаминовичем, бывшим для него не только помощником в трудах, но и духовным единомышленником. Больше того, по указаниям Лосева в тот же период В.В. Библихиным был составлен первый российский опыт современной библиографии энергийного богословия и исихазма; и этот опыт оказался весьма полезен для работы над философской интерпретацией исихазма, которая развернулась активно вскоре и стала фундаментом будущей синергийной антропологии. Так исподволь, «воздушными путями», не в смысле «идейных влияний», какие выискивают историки доктрин и учений, а в смысле живой культурной связи, мир Лосева оказывался в кругу питающих источников зарождавшегося нового направления.

***

С тех пор синергийная антропология прошла основательный путь развития. Как научное направление, она явилась связующим звеном между русской религиозной философией, блестящий расцвет которой в начале XX в. оборван был большевистской революцией, и современными продвижениями к созданию новой, неклассической философии и антропологии. Поворот современной мысли в «неклассическое» русло – явление, намечавшееся уже давно и вызванное углублявшимся кризисом оснований классической европейской метафизики. Лозунг «преодоления метафизики», выдвинутый Ницше, удачно резюмировал ведущую внутреннюю тенденцию, вектор главных усилий европейского разума в течение длительного периода, наступившего вслед за эпохой классического немецкого идеализма – последнего из великих достижений классического способа философствования. В антропологическом аспекте, кризисный процесс двигался к последовательному отказу от всех трех базовых концептов, что составляли заложенный Аристотелем, Декартом и Кантом фундамент классической европейской антропологии, – концептов *сущности*, *субстанции* и *субъекта*. Такой отказ означал не только полное разрушение прежней концепции человека, но также и радикальную трансформацию самого способа философствования, поскольку аристотелев концепт сущности

одновременно выступает и принципом организации философского дискурса, конституируя его как сущностный, эссенциальный дискурс. И в силу этого, для продвижения к новому пониманию человека, новой антропологии требовались кардинально новые принципы, основания и парадигмы. Понятно, что их нельзя было создать путем абстрактного изобретательства, выдумывания: они должны были быть найдены, усмотрены в опыте человека и укоренены в нем.

В случае синергийной антропологии искомым полем, массивом опыта для выработки новых антропологических понятий и позиций стал опыт духовных практик и, в первую очередь, православного исихазма. Эта древняя мистико-аскетическая традиция ведет начало от истоков христианского монашества, отцов-пустынников Египта и Палестины IV–VI вв. Хранясь и передаваясь в среде православного монашества из века в век, она углублялась, совершенствовалась и соборными усилиями многих поколений подвижников была превращена в знаменитое духовное искусство «Умного делания». В этой своей зрелой форме исихазм – практика самопреобразования человека, которое развивает тонкие техники внимания и молитвы и осуществляется как методичный, последовательный процесс из ряда ступеней, направляющихся к актуальной онтологической трансформации, переходупретворению человека в иной способ бытия. Процесс создания и совершенствования исихастской практики, с ее строгой, изошренной системой правил организации, проверки и истолкования духовного опыта, занял много столетий, и кульминационным периодом ее расцвета и ее наибольшего влияния на жизнь и культуру общества стала эпоха Исихастского возрождения в Византии XIII–XIV вв. Исихазм получил распространение и во всех других странах Православия и постепенно приобрел роль глубинного ядра православного духовного мира. Особенно крупный вклад в развитие традиции внес русский исихазм, выдвинувший таких учителей Умного делания, как свв. Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник и др., и породивший своеобразное явление русского старчества, в котором раскрывалось универсальное, общечеловеческое значение исихастской духовности.

Опыт исихастской аскезы содержал в себе богатейшую практическую антропологию, которая долгое время пребывала почти не изученной и не понятой. Обратив на нее пристальное внимание, мы, прежде всего, могли констатировать ее полностью неклассический характер: создав собственный богатый язык для описания антропологической реальности, сделав множество глубоких антропологических наблюдений и открытий, она в то же время фактически не использовала понятийный арсенал классической европейской антропологии и, в частности, не опиралась на вышеназванную триаду базовых концептов. Она не определяла человека какой-либо сущностью, но видела его как энергийное существо, совокупность разнообразных энергий – духовных, психических и физических; и она занималась изучением этого энергийного человека, отысканием возможностей его направленного изменения, в котором он мог бы совершать восхождение к соединению с Богом.

Поэтому антропология исихазма могла стать и стала для нас источником опыта, интуиций, идей для построения новой неклассической антропологии. После тщательной и по возможности полной реконструкции самой исихастской антропологии мы обратились к работе философского обобщения, выделяя в этой антропологии эвристически продуктивные содержания, потенциально несущие в себе универсальный, общеантропологический смысл. Наиболее важным из них оказалась концепция *синергии* – согласного строя, соработничества Божественной энергии и энергий человека. Будучи развита византийским богословием и войдя в исихастскую аскетику как достояние высших ступеней духовного восхождения, она раньше мало рассматривалась в антропологическом аспекте. Анализ же показывает, что синергия Божественных и

человеческих энергий может трактоваться как пример, как определенная конкретная реализация общей парадигмы *антропологического размыкания* – события, в котором человек осуществляет себя как сущее, в своих энергиях открытое, разомкнутое по отношению к Иному себе, то есть к реальности вне горизонта человеческого опыта и сознания. В событии размыкания происходит самоопределение человека, формируются, конституируются структуры его личности и идентичности. При этом – как показывает дальнейший анализ – размыкание человека возможно не единственным образом: помимо размыкания по отношению к Божественной энергии (т.е. размыкания, отвечающего синергии), возможно и осуществляется в определенных процессах размыкание по отношению к энергиям бессознательного, а также размыкание путем выхода в виртуальную реальность. Однако, помимо данных трех, иных механизмов антропологического размыкания уже не существует. Поскольку же в событии размыкания человек конституируется, определяются его личность и идентичность, то этим различным способам размыкания соответствуют и фундаментально различные реализации существа «человек».

Так намечаются очертания некоторой новой трактовки феномена Человека. В этой трактовке, человек определяется тем или иным способом антропологического размыкания, и, тем самым, *размыкание выступает как альтернатива понятию сущности человека*, которой человек определялся в классической антропологии. Новое определение, не будучи связано с понятиями и постулатами последней, явным образом неклассично. Опыт неклассической антропологии, постепенно выстраиваемый нами на его основе, мог бы быть назван «антропологией размыкания», но, с равным правом, и «синергийной антропологией» в напоминание о первом историческом примере – «исихастском размыкании». Мы выбрали второй вариант.

Итак, в синергийной антропологии человек представляется как плюралистическое существо, которое самореализуется в трех различных конституциях, отвечающих трем существующим способам антропологического размыкания. Мы называем их, соответственно, Онтологический человек (размыкающий себя онтологически, по отношению к иному образу бытия, в синергии), Онтический человек (размыкающий себя по отношению к бессознательному, т.е. без онтологической трансформации, онтически), Виртуальный человек (размыкающий себя посредством выхода в виртуальную реальность). Подобная концепция человека отличается от классической весьма радикально, и потому развитие синергийной антропологии должно производиться *ab ovo*, от самого фундамента. Оно требует введения целой системы новых понятий, отвечающих не эссенциальной, а энергийной дескрипции человека, и с необходимостью выливается в рабочую программу широких масштабов. Когда в некоторой степени уже созданы основания нового подхода, его концептуальный аппарат, дальнейшие проблемы относятся к двум главным видам: во-первых, развитие приложений синергийной антропологии к актуальной антропологической проблематике наших дней; во-вторых, анализ тех изменений, которые синергийная антропология вносит или может внести в структуру и проблематику всех, вообще говоря, дисциплин гуманитарного комплекса (ибо принятие столь отличной трактовки человека должно с неизбежностью отразиться на многих аспектах всех наук о человеке). И каждый из этих видов несет в себе чрезвычайно обширный и разнообразный комплекс задач.

***

Ввиду этой необычайной широкомасштабности проблематики, насущной проблемой синергийной антропологии весьма скоро оказалась ее *институционализация*: создание рабочего коллектива, который бы занимался ее развитием, а также выход ее идей в научную среду и среду высшей школы с целью подготовки специалистов по ней и при-

влечения сил к разработке ее проблем. В сотрудничестве с О.И. Генисаретским, который давно уже занимался исследованиями в близких темах (включая и изучение исихастской традиции), нам удалось создать необходимый очаг работы в области синергичной антропологии. Поскольку потребности развития нашего подхода шли как в научном, так и в педагогическом направлении, то мы организовали своеобразную двойную структуру: Институт Синергичной Антропологии (ИСА), с небольшим составом и чисто научными задачами, и Центр Синергичной Антропологии (ЦСА), совместно учрежденный ИСА и Государственным Университетом «Высшая Школа Экономики» (ГУ ВШЭ), являющийся подразделением ВШЭ и ведущий в ней все формы педагогической работы. В члены Ученого Совета ИСА вошли известные российские гуманитарии, преимущественно, философы и психологи: А.В. Ахутин, Ф.Е. Василюк, В.П. Зинченко, Н.Л. Мухелишвили, А.П. Огурцов, Г.М. Прохоров и др.

С началом деятельности ИСА и ЦСА весной 2005 г. развитие синергичной антропологии переходит на новый уровень и принимает другие формы. Мы стремимся вести самые активные и широкие контакты с научным сообществом и выходить в студенческие аудитории, ставя целью не просто распространение идей синергичной антропологии, но внедрение нового антропологического мышления, содействие ориентации человека в новой, изменившейся антропологической и духовной обстановке. Реализации этих целей служат следующие главные оси нашей работы (помимо, конечно, продолжающегося ведения исследований):

1) Ведение Открытого научного семинара «Феномен человека в его эволюции и динамике». Семинар, открывшийся в мае 2005 г. и ведущий свои заседания в стенах Института Философии РАН (Волхонка, 14), сочетает научные и просветительские задачи. Здесь мы углубленно разбираем темы наших исследований, но вместе с тем здесь освещается и весь спектр актуальной антропологической проблематики, проводятся дискуссии со смежными научными направлениями, анализируются новейшие тенденции в антропологической ситуации и в науках о человеке. Отредактированные стенограммы заседаний оперативно размещаются на сайте ИСА, и ввиду ширящегося интереса к деятельности Семинара мы планируем в скором будущем публикацию этих стенограмм.

2) Чтение лекционных курсов. Главная аудитория наших курсов – студенты философского, а отчасти и других факультетов ГУ ВШЭ, однако достаточно регулярно циклы и курсы лекций читаются и в других вузах России. География наших педагогических программ обширна: она включает Санкт-Петербург, Новгород Великий, Саратов, Новосибирск, Томск и др. Темы же курсов выбираются на основе общей научно-просветительской стратегии ИСА/ЦСА: внедрять осознание и понимание кардинальных перемен, уже происшедших и происходящих в человеке и мире, формировать новое антропологическое мышление, новый контекст и новую перспективу гуманитарного мышления – вводить в идеи синергичной антропологии. В рамках этой стратегии сотрудниками ИСА/ЦСА в настоящее время разработано и прочтено уже 6 авторских курсов:

«Духовная и культурная традиция в России» (С.С. Хоружий, ГУ ВШЭ, 2005);

«Новая антропологическая реальность и принципы ее понимания» (С.С. Хоружий, Новгородский ГУ им. Ярослава Мудрого, 2006);

«Человек в дальневосточной картине мира» (Е.С. Штейнер, ГУ ВШЭ, 2006);

«Гуманитарные практики и стратегии» (О.И. Генисаретский, ГУ ВШЭ, 2006);

«Мысль Византии: автохтонные концепты и оптика умозрения» (С.С.Хоружий, ГУ ВШЭ, 2007);

«Основы Восточнохристианского способа мышления» (С.С. Хоружий, Новгородский ГУ им. Ярослава Мудрого, 2007).

3) Сетевая активность и международные контакты. Вебсайт ИСА: www.synergia-isa.ru устроен и ведет работу с первых дней основания ИСА, и мы стремимся сделать его активность как можно более разносторонней. «Новостная лента» информирует о текущих событиях научной жизни (лекциях, конференциях, встречах и т.п.) в стенах ИСА, с участием сотрудников ИСА, на темы, близкие к работе ИСА. «Библиотека» содержит обширное собрание текстов по синергийной антропологии и смежной тематике; здесь, в частности, наиболее полно представлены работы С.С. Хоружего, включая и непубликованные. В разделе «Семинар ИСА», как уже сказано, – полные обработанные стенограммы заседаний. Ведем мы и Форум, где возникают дискуссии на весьма разнообразные темы, поступают запросы, по которым мы оказываем консультационную помощь, даем экспертные оценки... Что же касается международной активности, сейчас мы не будем останавливаться на ней подробно. Ее характер уже понятен: завязывая связи с зарубежными университетами, участвуя в международных программах, мы преследуем те же цели внедрения нового антропологического мышления и введения синергийной антропологии в круг рабочих методов современной гуманитарной мысли. Дело движется. Пленарные доклады на конференциях и конгрессах, циклы лекций по синергийной антропологии сегодня прочитаны более чем в десятке стран, и постепенно синергийная антропология приобретает прочную мировую известность.

***

Таковы основные вехи творческого отчета, представленного мной перед дружественную аудиторию «Дома А.Ф. Лосева» 22 февраля 2007 г. Хотелось бы выразить надежду, что сотрудничество исследователей синергийной антропологии с «Домом А.Ф. Лосева» – имеющее истоки еще в тех временах, когда в этом Доме жил и творил Алексей Федорович Лосев, – успешно будет продолжаться и далее.

В.Б. Кудрин

**Презентация книги В.П. Троицкого
«Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева»
(М.: Аграф, 2007)**

6 марта 2007 г. в «Доме А.Ф. Лосева» состоялось представление только что вышедшей книги старшего научного сотрудника Библиотеки Виктора Петровича Троицкого. Вечер открыла и вела заведующая Отделом изучения наследия А.Ф. Лосева и мемориально-выставочной работы д.филол.н. *Е.А. Тахо-Годи*.

Виктор Петрович занимается наследием А.Ф. Лосева уже около 30 лет. Рассказывая об истории написания и публикации книги, *В.П. Троицкий* подчеркнул, что трехчастная структура книги не простая случайность. Первая часть – это сквозные темы и сюжеты, которыми он занимался всю свою жизнь. Здесь нельзя было миновать представления о Чуде. Сюда вошла специальная работа, рассматривающая лосевскую философию чуда. Во второй части – разыскания, проясняющие некоторые обстоятельства и эпизоды жизни Лосева в контексте научной и общественной жизни 1920–1980-х гг. Третий раздел образуют работы, которые повествуют об одной из излюбленных тем Алексея Федоровича и излюбленной теме автора представляемой книги – все, что касается философии математики, философии числа. Ряд опубликованных тут работ нацелены на дальнейшее развитие идей, которые были намечены Алексеем Федоровичем. Например, идея о неединственности натурального ряда чисел. Отправной точкой стал труд Алексея Федоровича «Диалектические основы математики». Представление о «качественных» числах, казалось бы, – возвращение к глухой архаике. Но, с другой стороны, это то, что

неожиданным образом выходит на передний край современной науки, та часть математики, которая подвела научное сообщество к границам человеческого познания. Кризис в представлениях о числе привел к тому, что мы поняли, что далеко не все о числе знаем. Для того чтобы выйти из этого кризиса, чтобы сделать шаг вперед, нужно снова вернуться в архаику: попытаться внести в ткань чистой науки качество – то, от чего на протяжении трех веков наука избавлялась. Лосев наметил огромное количество дорожек, по которым еще никто не ходил. Но самое увлекательное – это «периодическая система начал», которую можно вычленил из «восьмикнижия» Лосева. Эта «периодическая система» объединяет философа Лосева с другими русскими мыслителями систематизаторами в области естественных наук – с Д.И. Менделеевым, Е.С. Федоровым, Н.И. Вавиловым.

В третью часть представленной книги включена и работа, указывающая на связь математических изысканий Лосева и его духовных устремлений, – «Теория множеств как “научно-аналитический слой” имяславия». Показательна процитированная тут строчка из одного имяславческого доклада Лосева: «математическое учение о множествах на службе имяславия». Работа показывает органическую связь таких, на первый взгляд, абсолютно разнородных явлений, как имяславские споры афонских монахов начала XX столетия, и теория множеств, созданная Георгом Кантором во второй половине XIX века и открывшая новые перспективы для математики.

В четвертый раздел книги вошли откомментированные В.П. Троицким две статьи самого Алексея Федоровича «О форме бесконечности» и «О мировоззрении» – очень важные, несмотря на их небольшой объем, а также переписка А.Ф. Лосева с А.А. Мейером, снабженная, как и лосевские статьи, комментариями Виктора Петровича.

Читая Лосева, вживаясь в него, не только приходишь к его образам, но и стиль, требования к языку, требования к слову тоже становятся «с поправкой на Лосева», – признался Виктор Петрович. По словам В.П. Троицкого, «когда читаешь Лосева и когда пишешь о Лосеве – нельзя говорить неточно». Умение работать со словом, умение ставить его точно на место – это то, чему мы должны учиться у Лосева. Он умел писать о сложном просто, понятно, кратко. Это выразилось в его высказывании: «Пока я не могу выразить учение философа в одной фразе, я считаю изучение данной области мысли недостаточным».

Однако на вечере о вышедшей книге говорил не только сам автор. Выступили и поделились своими впечатлениями известные философы *В.П. Визгин* (Институт философии РАН), *С.М. Половинкин* (РГГУ), *А.П. Козырев* (МГУ), доктор искусствоведения, профессор Московской консерватории *К.В. Зенкин*, директор Библиотеки *В.В. Ильина* и хранительница лосевского наследия проф. *А.А. Тахо-Годи* (выступления В.П. Визгина и А.А. Тахо-Годи см. в этом же номере «Бюллетеня»). Видя задачу всех исследователей русской философии начала XX в. в «воссоздании ее в деталях, смыслах и идеях», С.М. Половинкин отметил, что В.П. Троицкий великолепно справился с этой задачей, но счел необходимым поставить перед ним как автором вопрос: «Как сочетается у Лосева аритмология, предполагающая абсолютную счетность мира, с всеобщим перетеканием, континуальной интуицией?» «Аритмология еще в античные времена была проникнута интуицией Света – интуицией светлой точки на необъятном безбрежном темном фоне. Эту интуицию начисто потеряли математики, начиная с XVII в., а с ними, похоже, и все человечество. Мы разучились описывать движение, хотя и управляем движущимися объектами. Видимо, предстоит большая работа», – ответил ему Виктор Петрович.

Как признался А.П. Козырев, ему было особенно интересно увидеть то, что в книге «Виктор Петрович проявляет себя как исследователь в самых различных смыслах этого слова: архивист, путешественник, философ, математик, автор жанра философского

портрета, который добавляет к образу Алексея Федоровича много новых интересных черт». «Троицкий смог продолжить лосевское дело, потому что он удачно сочетает в себе профессионализм математика, глубочайшую общую культуру и ту поэтичность, о которой сегодня говорилось», – резюмировал свое выступление К.В. Зенкин.

В заключение вечера А.А. Тахо-Годи высказала пожелание, чтобы В.П. Троицкий взял на себя труд возглавить постоянно действующий семинар, посвященный творчеству Алексея Федоровича. Предложение Азы Алибековны было горячо поддержано директором Библиотеки В.В. Ильиной. В том, что организацию и проведение семинара решено поручить В.П. Троицкому – нет ничего удивительного, заметила ведущая вечер Е.А. Тахо-Годи: недаром презентация книги Виктора Петровича проходит в рамках первого заседания этого семинара, которому решено было дать название: «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы».

А.А. Тахо-Годи

Выступление на презентации книги В.П. Троицкого

Дорогой Виктор Петрович, дорогие друзья! Сегодня говорили о том, что перед нами – таинственный человек. Я могу это еще раз подтвердить. Хотя книгу свою он написал в «тесном содружестве» с Алексеем Федоровичем, однако, как вы все знаете, к Алексею Федоровичу так и не пришел, лично знаком не был. А почему? Это, между прочим, загадка. Может быть – это скромность невероятная. Может быть – смирение. А может быть и гордость, что «я не такой, как все. Все идут, а я вот и не приду». Так подумал и не пошел.

Ну, трудно, конечно, судить, потому что душа ведь границ не имеет, судя по Гераклиту. Я очень давно люблю один его фрагмент, сорок пятый по Дильсу, о том, что «границы души ты никогда не отыщешь». Это «*psychēs peirata*». Классики здесь сидят, они знают, что это – границы души. Потому что, оказывается, логос души такой глубокий (там прямо стоит этот эпитет «глубокий»), что добраться до души, до ее границ – невозможно. А как понимать «логос», в данном случае никто из переводчиков не знает, потому что в греческом языке «логос» имеет более шестидесяти значений. Поэтому переводить просто как «мера», «объем» или, как Михаил Леонович Гаспаров перевел, «разум» – вряд ли можно. Во всяком случае, логос бездонен. Логос души. Ну а по-русски – «чужая душа – потемки». Вот и всё, попросту говоря.

Придти-то Виктор Петрович не пришел. Из-за чего – мы не знаем. Ну а письмо написал. Письма Троицкого я все сохраняю. Все его, так сказать, «преступления» хранятся у меня в архиве. И в 1978 году он прислал не просто письмо, а еще и стихи прислал. Еще будет отнекиваться, может быть. Но целая поэма! Между прочим, в трех частях. Одна – о микрокосмосе, другая – о макрокосмосе, а третья часть – это Человек. Очень интересная поэма. Молодой человек пишет в письме, что о метафизических предметах лучше выражаться стихами, а вовсе не прозой. И, между прочим, он абсолютно прав, потому что древние (здесь сидящие философы и филологи-классики об этом знают) – и Парменид, и Эмпедокл – любили писать стихами. Гераклит – вообще загадки загадывал метафорические. Конечно, стихами метафизику легче выразить. Недаром самый поздний жанр в греческой литературе – это проза. Попробуйте-ка в прозе всё ясно и четко сказать. Как Фихте определил, а потом и Лосев, «выразить ясно, как Солнце». Конечно, это очень трудно. Вот и у Виктора Петровича были сначала стихи.

Позже Виктор Петрович стал сообщать нам о разных событиях собственной жизни. Конечно – научной жизни. О том, что у него целых четыре статьи об информации и о соотношении ее с категорией времени. Уже тогда очень серьезно этот человек занимался

наукой. А ведь он был офицер – офицер и математик, еще совсем молодой, юный. Мы узнавали из писем Виктора Петровича, что он, например, простоял в длинной очереди два часа в Харькове, где был в командировке. Продавали второе издание «Эстетики Возрождения». Простоял, но так и не купил – не досталось. Или: как он рад, что получил от нас «Эстетику Возрождения» (мы ему послали), что получил журнал «Студенческий меридиан» (здесь сидит Ю.А. Ростовцев, издатель этого журнала), а там печатались беседы Лосева с вымышленным собеседником, с неким Чаликовым. И Виктору Петровичу очень эти беседы понравились, он чрезвычайно ими заинтересовался. Потом, в каком-то письме, вдруг такое замечание: «Чувствую в себе призвание ученичества». Вот о чем он уже думает. Ученичество. Значит, хотелось бы поучиться у Лосева. А в другом письме пишет: «Как бы хотелось прикоснуться к первоисточникам». Не к книгам, а к первоисточникам. А первоисточники – это значит архивы. Так что, видите, намерения были абсолютно точные, а все не приходило к Алексею Федоровичу. Между прочим, сообщал в письмах, что он на юбилеях Лосева был, но, видите, – не пришел. Вскоре всё и разрешилось само собой, когда Алексей Федорович скончался, и мне пришлось тогда Виктора Петровича призвать, попросту говоря, чтобы больше он не скрывался, чтобы появился, наконец, тем более что уже началось издание книг Алексея Федоровича. Мне показалось, что «Античный космос и современная наука» – самое подходящее для Виктора Петровича, потому что и математик, и голова философская, и стиль свой есть прозаический, и ясность ума есть.

Но все-таки характер его еще долго оставался несколько загадочным. В одном из писем он вдруг сообщает (уже после того, как мы с ним познакомились): «Был на кладбище [на Ваганьковском кладбище]. Был у могилы. Мы так хорошо помолчали с Алексеем Федоровичем». Видите – помолчали. Я невольно вспомнила книгу (Алексей Федорович ее любил) «О мистическом молчании греческих философов». Был такой Одо Казель, который в девятнадцатом году в Германии (а уж что там творилось в Германии в 1919 году!) написал эту книгу. У нас было два экземпляра этой книги. Один экземпляр этой книги Алексей Федорович подарил Сереже Аверинцеву. Вот, оказывается, на кладбище помолчали. Ну, видимо, это плодотворное было молчание, потому что потом Виктор Петрович написал прекрасную работу, скромно говоря, «послесловие написал». Но это не просто послесловие, это – самостоятельное великолепное исследование об античном космосе и современной науке. Тут бездна информации, он всё прочитал, всю современную науку изучил, так что тут и сознание было, и знание было, как совершенно замечательно определил Виктор Павлович Визгин. Это была первая работа Троицкого для Собрания сочинений Алексея Федоровича в издательстве «Мысль». Ну а потом началась и архивная работа.

Надо сказать, что части книги, о которой мы сегодня говорим, совершенно соответствуют тем этапам архивной работы, которой Виктор Петрович занимался. Потому что буквально каждая глава – это и есть результат архивной работы. Много было интересных розысков, и часто бывали драматические истории, когда он по каким-то страничкам тексты собирал, подбирал, когда приходилось иной раз их реконструировать. Между прочим, «Музыка и математика» – такая реконструкция. Или, например, приходилось восстанавливать едва читаемые строки, едва читаемые страницы. Всё это делал Виктор Петрович как раз во время своих архивных разработок. Вместе с ним мы ходили на Лубянку, чтобы заказать следственное «Дело» Алексея Федоровича. Признаться, я была несколько удивлена, когда Володя Бибахин в своих несколько загадочных «Записках», написал, что «Аза Алибековна не дает никому на руки следственное “Дело” Алексея Федоровича». Бедный Володя, наивная душа! Следственное дело никогда никому на руки домой не выдавали с Лубянки. Там только можно было читать в читальном зале разные отдельные фрагменты или какие-то ксероксы с них

получить. Вот мы тогда с Геннадием Зверевым сидели вдвоем и в четыре руки переписывали то, что разрешали. Те ксерокопии, которые нам тогда сделали, все теперь напечатаны – буквально все, что мы получили: дневники лосевские, «Манифест» имяславский и тому подобное – это же всё напечатано, только надо книги внимательно читать, конечно, в том числе мою книгу 1997 г. «Лосев» (в серии ЖЗЛ) и тогда не будет возникать наивных вопросов о порядках в главном Архиве ФСБ.

В вышедшей книге Виктор Петрович показался себя не просто исследователем. Конечно, он – ученик и последователь Лосева, но он – самостоятельный исследователь и ученый. Но этого мало. Мне кажется, что он еще – блестящий педагог, потому что так ясно разъяснять сложнейшие вещи, таким простым и лаконичным, понятным языком, – это не каждому дано. Он – великолепный педагог. И мне кажется, во-первых, что этим надо воспользоваться. Виктор Петрович так же, как он в свое время почувствовал призвание к ученичеству, должен призвать к ученичеству людей молодых, для того, чтобы они, возможно, и осуществили тот высший синтез, о котором мечтал юный Лосев, – единение философии, науки, искусства, веры и нравственности. Вот этот высший синтез. Это – во-первых. А, во-вторых, эта книга есть, собственно говоря, великолепная готовая программа для создания в «Доме А.Ф. Лосева» Семинара, посвященного творчеству Алексея Федоровича. Насколько я помню, в Уставе «Дома А.Ф. Лосева» существует пункт о создании такого Семинара. Теперь программа Семинара готова. Каждая глава этой книги – путь, по которому можно вестись этот Семинар для молодежи, потому что в «Доме А.Ф. Лосева» не должно быть беспредметной болтовни о философии, особенно, если участвуют молодые люди. Такого дилетантства не должно быть здесь. И Виктор Петрович не просто должен – он обязан в память Алексея Федоровича возглавить такой Семинар. Лосевский Семинар для молодых людей. (*Аплодисменты*). И я думаю, что с помощью директора Библиотеки, Валентины Васильевны Ильиной (Валентина Васильевна, я думаю, Вы не откажетесь помочь?) эта идея осуществится. Это надо сделать обязательно. Дорогой Виктор Петрович, приступайте к делу! Не почивайте на лаврах! (*Смех, аплодисменты*).

В.П. Визгин

**Феномен Лосева: выступление на презентации
книги В.П. Троицкого**

Мое выступление – чистая импровизация: я сам о нем узнал перед началом вечера, когда Виктор Петрович Троицкий попросил меня выступить. Я скажу несколько слов на тему «пересечения» творческого пути Виктора Петровича с научно-философским *подвигом* Алексея Федоровича Лосева. Другим словом я не могу передать то, что он сделал для нашей культуры в целом и для философии в особенности. Мое видение этого «пересечения» будет субъективным, другим оно и быть не может: я проштудировал далеко не все наследие А.Ф. Лосева, а что касается работ Виктора Петровича, то знакомиться с ними я стал относительно поздно. О начале его творческого пути я знаю разве что понаслышке. Но вот его работа «О периодической системе начал А.Ф. Лосева», подводящая системный итог всему лосевскому «восьмикнижию», меня буквально потрясла: я увидел в ней что-то глубоко конгениальное складу мысли самого Алексея Федоровича. Схватить некое интеллектуально обработанное целое именно как целое, то есть *системно*, связав его звенья логикой и диалектикой высшего единства – вот что я имею в виду, сказав о конгениальности Виктора Петровича Алексею Федоровичу Лосеву. Но это впечатление только обогатилось и дополнительно подтвердило свою достоверность, когда я прочитал очерк Виктора Петровича,

художественно осмысляющий сам феномен Лосева, его корни, его истоки. А лежат эти истоки-корни в необозримых южно-русских степях, таких же бескрайне-могучих, как и сам Философ, этот «русский Прокл», по характеристике его Виктором Петровичем. Речь в нем шла о городе Новочеркасске, с его пыльным майданом и собором на нем. Героем очерка выступила сама Степь, как, кстати, и у Чехова, причем все та же самая – приазовская. Она предстала во всей конкретности своей как «апейрон», как беспредельность щедрых стихийных сил, сил прежде всего, заметьте это, плодородия, то есть спонтанного творчества, могучей производительности. И мощи степного космоса в ученические годы Алексея Федоровича отвечала мощь культурной среды, питающей творчески одаренные личности. Провинциальные, то есть не столичные, учебные заведения России конца XIX и начала XX века поражают нас, живущих в период обостренного культурного декаданса, своей культурно-образовательным потенциалом. Я назову одесские гимназии и университет, давший нам такую фигуру, как Флоровский, харьковский университет, где учился, например, Гехтман, замечательный учитель Флоренского, Эрн, Ельчанинова. Этот список можно пополнять еще и еще. Кстати, упомянутый мною Эрн охотно употреблял такие выражения, как «русский Платон» (о Вл. Соловьеве) и «русский Сократ» (о Г. Сковороде). Вот и Виктор Петрович пошел по этому же пути, назвав А.Ф. Лосева «русским Проклом». В этом на вид таком «стандартном» выражении кроется поразительно точный и глубокий смысл.

А теперь позвольте мне немного поразмышлять. То, что мы называем культурой, можно представить в виде некоторого содержания, охватываемого такими категориями, как информация, знание и сознание, отвлекаясь пока от рассмотрения того, что из них выше или ниже и как они связаны между собой. Первая категория – это *информация*, то, в чем мы все утопаем, неотвязно впиваясь в мониторы мобильных телефонов, компьютеров, просматривая необозримые библиографические указатели... Информация – это прагматически лаконичная «оперативная сводка», дающая самый внешний, самый поверхностный срез культуры и предназначенная всецело для ее внешнего же «потребления». Вторая категория – это *знание*. В знании мы, честно говоря, не особенно утопаем: ведь мы многого не знаем. Даже ученые не утопают в знании, ибо так рвутся к нему, стремясь получить новое знание. И в то же время потенциальные богатства знаний накоплены огромные и утонуть в них – тоже немудрено. Знание отличается от информации тем, что для его создания нужно внутреннее творчество, нужен инсайт, или творческий прорыв-озарение, нужна культура как нечто и многосложное, и в то же время совершенно простое человекомерное образование. И, наконец, третья категория – это *сознание*. То, что я только что сказал о знании, в еще большей степени нужно отнести и к сознанию. Разумеется, и информацией пользуется сознательное существо, хотя эту тему, тему сравнительной релевантности всех трех указанных категорий для мира нечеловеческого, я здесь обсуждать не стану. Но способному к сознанию существу информации и даже знания недостаточно для того, чтобы развить в себе эту способность, реализовать ее в ее глубоких и высоких возможностях. В сознании мы без труда находим общий корень со знанием. Но на объективное знание (objective knowledge Карла Поппера) сознание мало похоже. Что это за «зверь» – мы совсем почти не знаем и не сознаем, хотя в какой-то степени открыты и к нему тоже и какой-то интуицией сознания, безусловно, обладаем.

Так вот, Алексей Федорович Лосев был абсолютно своим человеком во всех этих трех сферах, но третья сфера в его могучей личности понесла наибольший урон от «века-волкодава». Да, безусловно, он явил нам себя человеком смелого целостного, или кафолического, в смысле вселенскости, мировоззрения. Он был не только ученым, но и

художником мысли и слова. Был писателем, а не только академическим исследователем. Но в поздние годы его потенциал художественно цельной «кафоличности» уже не мог раскрыться с таким блеском и силой, как, скажем, в молодой «Диалектике мифа», в этом чуде русской философии. Можно удивляться, насколько информативны его труды, например, многотомная «История античной эстетики» или «Античный космос и современная наука». Но это – информативность знания. Он, казалось бы, знал все, это был настоящий полигистор. Но в этом ли дело, в этом ли феномен Лосева и этим ли он нам по настоящему дорог? Ведь были и другие полигисторы – например, александрийцы, ученые знатоки, и было их, в общем, не так уж и мало. Да, Лосев действительно очень много *знает*, но и предьявляет нам при этом живое *сознание искателя истины*. Он не просто информирует нас о том, что делалось в древней Греции или в немецком антиковедении, – но он знает эти сюжеты как бы *изнутри*. Это – поразительный ученый, он добывает действительно новые знания! Но весь этот процесс совершается в конце концов и в начале начал при свете сознания (вспомним цветаевское «искусство при свете совести»: кстати, *совесть* и *сознание* во французском языке, например, выражаются неспроста одним и тем же словом).

И вот теперь обратимся к Виктору Петровичу. Он начинал свой творческий путь как специалист в области информатики. Информатика – это знание об информации как научной категории, как аспекте объективированной реальности. Головокружительная системология, системология о системологии, сложная система знания о сложных системах, информатика в информатике... Я просто ничего в этом не понимаю. Нет, не совсем так: я знаю определение информации Шенноном, сам когда-то этим увлекался, читал Бриллюэна, Эшби и так далее, и тому подобное. И все это пытался сделать средством какого-то научного синтеза на службе роста «объективного знания». Все это было. Но через месяц (это – символ неумолимости земного времени) – где будет тот снег, в котором мы сейчас вязнем и утопаем? Все это уходит куда-то. И вот выплывает знание: я имею в виду, условно говоря, второй период творческого пути Виктора Петровича. Мы читаем работу Виктора Петровича «О периодической системе начал». Это уже знание. Понимаете, философия – это звучание в трех тональностях: в тональности «кто», в тональности «что» и в тональности «как» (*кто* в каком *что* и *как* воплощал свой опыт поиска и встречи с истиной). И вот, наконец, читая «Русского Прокла» (я имею в виду упомянутый мною выше очерк-эссе¹, а не статью под тем же названием, вошедшую, кстати, в презентруемую книгу), я вижу в этом очерке, если это грубо изобразить, восхождение к сознанию. Понимаете, какая вещь? Информация всем нужна прежде всего. Знание нужно уже меньше, хотя к нему тоже рвутся. Грубо говоря, его тоже можно выгодно продать, говоря современным языком. Но сознание никому не нужно, совершенно никому не нужно! Не кажется ли вам, что мы никому не нужны? Никому не нужен я, никому не нужны Виктор Петрович, Елена Аркадьевна, Аза Алибековна (великая Женщина!). Нужна информация, на худой конец еще, кажется, нужно и знание. Но если мы не культивируем сознания, то мы ничего из мира этих категорий не достигнем, вообще-то говоря! А ведь философия, по слову Мамардашвили, о котором в связи с Алексеем Федоровичем говорит в своей книге и Виктор Петрович, это действительно сознание вслух, сознание в открытом диалоге с другим сознанием. На самом же деле нам нужнее всего то, чем сегодня, кажется, максимально публично пренебрегают. И вот я просто советую вам прочитать эту книгу. Я сам ее прочел не всю, не успел. Но то, что я прочитал, написано человеком, которому есть что сказать об Алексее Федоровиче Лосеве.

И на десерт я хочу остановиться на примере, который более живым образом даст

вам саму идею того, что я попытался выразить несколько отвлеченным образом, говоря о трех категориях культуры. Это связано с именем Михаила Осиповича Гершензона, – человека, в общем-то, той же молодоло-лосевской эпохи, человека глубоко музейного и очень тоже нечуждого всем этим трем категориям. Информатор он великолепный, – кто больше его просиживал штаны в поисках информации? Кстати говоря, его научная студенческая работа была посвящена Эфору, греческому историку IV в. до н. э., которого почти никто не знает («Аристотель и Эфор»). Но я остановлюсь на другом эпизоде его биографии. Жуткой зимой (я не помню какого точно года, кажется, 1900-го) он поехал в деревню Акшено для встречи с Тучковой-Огаревой, и она передала ему не только цилиндр Герцена, но инесметное множество писем деятелей русской культуры первой половины XIX века. И вот в одном письме своем он пишет по поводу этих событий, что просиживал штаны в университетах Москвы и прочих местах, два года сидел в Политехникуме, но, говорит, то, что узнал в Акшене, не листая даже писем, а просто воочию увидев и пережив саму атмосферу старого дворянского дома, никакими информациями (это я уже от себя добавляю, на свой язык перевожу), никакими знаниями исчерпано быть не может, но только лишь какими-то сверхтонкими органами *сознания* может быть как-то схвачено и оценено. И приоткрывшееся ему ни на какой *абстрактный* язык не транскрибируется. Вот если мы к этой сфере будем прикасаться подобным образом, *всем сознанием*, изучая жизнь и наследие Алексея Федоровича Лосева, то, я думаю, что этот потрясающий феномен долгие-долгие годы будет питать нашу культуру в ее стремлении ввысь. В философии, в истории, в культуре в целом все дело в *личности* человека. Порядок же приоритетов у личности обратный тому, о каком я сказал выше, отметив, что сегодня больше всего на поверхности социальной действительности нуждаются в информации, а не в сознании. Быть личностью

«вот в этом все дело! И Алексей Федорович Лосев был огромной силы и глубины личностью. Поэтому я могу рекомендовать всем, чтобы в этом убедиться, читать книгу Виктора Петровича.

1

См.: *Троицкий В.* Русский Прокл. Заметки ad marginem // Грани. 2006. № 219. (Ред.).

В.П. Троицкий

О пользе игры в шар («Читающий Арбат» и Николай Кузанский)

Идея воспроизвести игру в шар, которую когда-то придумал и описал Николай Кузанский, принадлежит *Елене Тахо-Годи*. Толчок к тому был дан летом 2006 г., когда она находилась в научной командировке в Германии и на заседании, которое проводил Institut für Cusanus-Forschung Трирского университета, делала доклад о переводах трудов Кузанца А.Ф. Лосевым. Далее, разумеется, все пути-дороги вели к дому-музею Николая Кузанского в городке Bernkastel-Kues. Там и выяснилось, что среди прочих достопримечательностей гостям демонстрируется старинная игра, по правилам которой нужно было метать особой формы «кривой» шар (который «искусством токаря принял фигуру полусферы с выемкой», как указывал Николай Кузанский в своем трактате *De ludo globi*¹), чтобы попасть в центральную часть мишени из концентрических кругов, расположенных прямо на полу...

Оставалось найти повод, чтобы игра могла бы появиться уже у стен «Дома А.Ф. Лосева». И такой повод вскоре представился, когда нужно было разработать и затем реализовать «философическую» часть фестиваля «Читающий Арбат». Сказано – сделано. Наш заместитель директора по хозяйственной части *Татьяна Ивановна Исраилова* где-то

отыскала подходящей формы шарообразный биток из гипса, заимствованный от неведомой детской игры. Наш умелец *Юрий Жданович Гаркуш* изготовил из большого асбоцементного листа подобие мишени с девятью кругами и пронумеровал их – от края к центру – цифрами от 1 до 10 (здесь 10 – в центре девятого круга). В день фестиваля 26 мая 2007 г. эта нехитрая конструкция, положенная горизонтально, была размещена у входа в Библиотеку, рядом поставили стул и небольшой стенд, на котором укрепили фотографию игрового зала «у Кузанца» и начертали бодрый призыв к играющим: «Попади из Хаоса в Абсолют!». Дежурили у стенда поочередно Е.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкий; им выпала роль «умудренных опытом». Публика шла по Арбату, набредала на наше сооружение и... с удовольствием играла.

Здесь следует немного рассказать об игре в шар, как ее видел и трактовал Николай Кузанский. Прежде всего, эта игра ярко воплотила собой тот общий «структурно-математический» метод, характерный для философии Кузанца и столь часто обращающийся именно к геометрическим формам, о чем специально говорил в «Эстетике Возрождения» А.Ф. Лосев².

Создатель игры видел в ней «символ какого-то высокого созерцания» и «тайный нравственный смысл» (251) и даже прямо указывал, что это именно та игра, «в которую играла бы мудрость» (266), но вместе с тем это еще и «веселая игра» (276). Собственно смысл игры Кузанец формулировал так: «добродетельным упражнением добиться управления даже кривым шаром, чтобы после непостоянных изгибов своего пути он смог успокоиться в царстве жизни» (278). Сам «кривой шар» автор уподоблял человеческой личности (277), случайные пути такого шара он видел «подобными земному человеку и его странствию» (281), в центре всех кругов помещал «трон царя добродетелей», т.е. Христа (276), а за пределами кругов полагалась область вне жизни, царство мрака (287).

¹ Николай Кузанский. Игра в шар // Николай Кузанский. Сочинения: В 2 т. Т.2. М., 1980. С. 252. Далее по тексту при ссылках на данное издание мы указываем номер страницы цифрами в скобках.

² Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1982. С. 294–295.

В трактате *De ludo globi* вниманием философа не оставлена ни одна подробность игры и всякой из таковых придавалось некоторое метафизическое прочтение. Так, отправляясь от общей сферичности «кривого» шара, Кузанец переходил к размышлениям о мире в целом и вечности (254–259); сопоставляя шар и его движение, он затронул соотношение тела и души и заговорил о судьбе (262–270); описание девяти концентрических кругов переросло в стройную картину сотворенного мира, включающую иерархию душевных сил человека и «строй ангельских хоров», следующий Ареопагитикам (287–290); созерцание центра всех фигур позволило не только размышлять о проблеме ценности и достоинстве человеческой жизни (305–311), но и поставить проблему символизации, диалектически заострив вопрос о соотношении означающего и означаемого – до таких глубин не доходил спустя четыре века и сам Фердинанд де Соссюр: «я вижу означенное раньше знака, в знаке и после знака» (313). Здесь перечислены, конечно, далеко не все крупные темы, для которых игра в шар давала существенные поводы.

Фигура на мишени, состоящая из девяти концентрических кругов, изображала, по Кузанцу, «царство жизни», причем центральный круг он уподоблял «солнечному свету, три ближних круга нарисовал огненными, следующие эфирными, а три как бы водяными, переходящими в землистую черноту» (291). Это изощренное живописное решение мы, к сожалению, не рискнули повторить, оставив возможные усовершенствования для

будущих акций.

Вообще большинству тонких космологических, философских, богословских, морально-нравственных интерпретаций, данных Кузанцем, трудно было найти место в том варианте игры, который предлагался широкой публике, гуляющей по Арбату, пусть даже и «читающему». Пришлось ограничиваться почти только внешней, почти спортивной стороной. А именно, ставилась задача как можно чаще попадать неудобным шаром в центральную часть мишени. Того же для начала требовал, впрочем, и Кузанец: «По правилу игры шар должен успокоиться от своего движения внутри круга. Более близкий к центру шар больше выигрывает, смотря по номеру круга, в котором успокаивается. Кто быстрее наберет 34, число лет Христа, будет победителем» (276).

Надо сказать, что задача на практике оказалась чрезвычайно трудной. Как правило, участникам удавалось набирать требуемую сумму за весьма большое число попыток, около десяти. Наши скромные призы получили лишь несколько человек, которым удалось набрать нужную сумму за шесть попыток (т.е. средняя величина набранных очков за один бросок – около 5). Случайно или нет, но среди самых удачливых оказались трое – шестилетняя девочка, студент-философ и хмурый игрок-профессионал («чистая душа», «мудрец» и «грешник»).

Конечно, в своих комментариях организаторы по возможности рассказывали также и о тех философских обобщениях, которые позволяла делать Кузанцу игра в шар (см. выше). К примеру, глядя на прихотливо-непредсказуемые траектории движения шара, участникам игры нетрудно было получать обильную пищу для размышлений на тему о жизненной случайности. Но особенно наглядной, кажется, выходила иллюстрация идеи о трудных путях приближения к Абсолюту, – в этом любой игрок мог убедиться, сравнивая, насколько различным образом движется шар после двух смежных и, казалось бы, схожих по силе и направлению бросков.

Игра в шар на Арбате принесла и следующий весьма любопытный результат. Невольно наблюдая и (скорее подсознательно) анализируя, как трудно и редко получаются удачные попытки у очередного желающего поиграть в шар, автор этих строк, – совершенно неожиданно для себя, – попробовал бросать шар особым образом. Для этого, во-первых, нужно было держать шар обязательно выемкой вверх (обычно игроки экспериментировали с положением шара во всем мыслимом диапазоне), во-вторых, метить шаром следовало отнюдь не в сторону центра мишени (а это делали практически все игроки), но под углом примерно в 40–45 градусов вправо от него и, в-третьих, следовало придавать шару некоторое собственное вращение вокруг оси (по часовой стрелке), причем не очень быстрое. В итоге шар, как правило, описывал плавную спиральную кривую и на втором или, реже, третьем витке спирали останавливался точно в центре кругов. Почти сразу стали получаться серии, когда из трех бросков все три давали по 10 очков подряд!

Конечно, найти выигрышную стратегию в игре – это уже само по себе некоторое достижение. Но следует далее заметить, что, поскольку организаторы призов за набранные очки не получали, пришлось задуматься и о форме той траектории, которую описывает шар Кузанца, устойчивым образом попадая в одну и ту же точку. Как нетрудно было уяснить, эта кривая – хороша известная *логарифмическая спираль*. Впервые она была описана Декартом и, одновременно, Торричелли через 200 лет после создания трактата о шаре. Знал ли Кузанец о спирали подобного рода или, переиначим вопрос, не могла ли игра в шар помочь ему первым открыть, впервые увидеть ее? Утверждать это пока затруднительно. Известно только, что Николай Кузанский знал о существовании *архимедовой спирали* (она устроена значительно проще логарифмической спирали) и даже штудировал знаменитый трактат Архимеда «О спиралях» в латинском переводе³. Но тот

же вопрос можно сформулировать уже применительно к математикам XVII в. – правда, при условии, что игра в шар оставалась в обиходе и была известна тому же Декарту. Во всяком случае, открытие логарифмической спирали Декартом, пока представляющееся фактически умозрительным и чисто аналитическим, благодаря игре в шар и наблюдениям над нею могло бы получить твердую эмпирическую основу. (Отметим по случаю, что особый интерес к спиральям у Декарта во многом был связан с его разработками вихревой теории мироздания, т.е. продиктован явной потребностью постижения физической реальности). Разумеется, пока мы можем ставить такой вопрос только в виде историко-математической гипотезы.

Осталось пояснить, почему появление именно логарифмической (а не архимедовой) спирали в игре Кузанца вызывает столь повышенный интерес и даже энтузиазм. Дело в том, что архимедова спираль, известная еще в Древней Греции, до сих пор остается математической выдумкой или умственным изобретением, чему в природе так и не нашлось аналогов. Иное дело – логарифмическая спираль. Ее форма обнаружена теперь едва ли не повсеместно. По логарифмической спирали размещается вещество в галактиках, происходит перемещение воздушных масс ураганов, раскручиваются рога некоторых видов антилоп и раковины многих моллюсков, укладываются зерна или чешуйки (процесс филотаксиса) в еловых шишках, кукурузе, подсолнухе и ананасе, колючки на кактусах и т.д. Именно такого рода замечательная кривая, универсально предстающая в реальностях столь разных масштабов и признаваемая ныне как самый общий образ органического развития⁴, естественным образом появляется в игре с «кривым» шаром.

Любопытно выдвинуть и другую гипотезу, также возникающую после осознания своеобразного присутствия логарифмической спирали в игре Кузанца. Дело в том, что эта замечательная кривая еще может представляться – даже в популярных пособиях по математике есть констатации этого⁵, – в связи с другой знаменитой кривой, а именно с *локсодромой*, ставшей популярной со времен Великих географических открытий. По сферической линии локсодромы (название образовано от греческих слов «локсос» – *косой* и «дромос» – *бег*, в целом «кособежная») всегда будет двигаться любой корабль, сохраняющий неизменный курс, т.е. пересекающий меридианы под некоторым постоянным углом. Рано или поздно такой корабль достигает полюса Земли (разумеется, если ему не помешают, к примеру, непроходимые льды). Так вот, проекция локсодромы из полюса сферы на плоскость экватора есть в точности логарифмическая спираль. Можно без особой натяжки утверждать, что такое движение корабля по поверхности земного шара к полюсу – это *сферический вариант* игры Кузанца при оптимальной стратегии бросания шара! Осталось сформулировать вторую гипотезу: если до сих пор не была замечена историками науки определенная связь между нашей интеллектуальной игрой в шар и пространственными особенностями движения объекта (корабля) по сфере в сторону. На поставленные вопросы еще только предстоит искать ответы. Но уже в любом случае игра в шар, опробованная на «читающем Арбате» в мае 2007 года, прошла, можно сказать, не без пользы.

3 По данным историка математики Е.А. Зайцева, любезно давшего нам исчерпывающую консультацию, в математических работах Николая Кузанского есть три прямых ссылки на указанный трактат Архимеда

4 Или – образ «равномерного эволюционирования», как назвал логарифмическую спираль С.М. Эйзенштейн в работе «Неравнодушная природа», в главе с характерным названием «О строении вещей».

5 Выготский М.Я. Справочник по высшей математике. М., 1977. С. 790.
заранее заданной цели, то теперь такая связь представляется очевидной.

В.Б. Кудрин

**Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа Арбата» (февраль – апрель
2007 г.)**

15 февраля 2007 г. гостем «Дома А.Ф. Лосева» стал заслуженный деятель искусств России, генеральный директор Музея имени А.А. Бахрушина, заведующий кафедрой истории театра ГИТИСа *Борис Николаевич Любимов*. Борис Николаевич знаком многим своими выступлениями по телевидению о Книге Бытия и серией интереснейших биографических передач, с которыми он выступал по радио на протяжении 1990-х и начала 2000-х годов. Теперь гостям «Дома А.Ф. Лосева» и «Зеленой лампы» предстояло познакомиться с ним воочию. Здания, принадлежащие Музею имени А.А. Бахрушина, разбросаны не только по всему Замоскворечью, но и по левому берегу Москвы-реки в Центральном округе столицы, что дает основание называть Музей «Бахрушинским архипелагом» или «Бахрушинской империей». Музей, основанный Алексеем Александровичем Бахрушиным еще 29 октября 1894 г., ныне насчитывает уже более полутора миллионов единиц хранения. Главной проблемой Музея (как и многих современных музеев) Борис Николаевич назвал проблему фондосохранения. По окончании вечера директор Библиотеки «Дом А.Ф.Лосева» В.В. Ильина познакомила Бориса Николаевича с Мемориальной экспозицией, посвященной жизни и творчеству Алексея Федоровича Лосева.

15 марта 2007 г. гостем «Дома А.Ф. Лосева» стала доктор искусствоведения, советник РААСН, ведущий научный сотрудник НИИ теории архитектуры и градостроительства ЗААСН *Мария Владимировна Нащокина*, известная как крупнейший специалист по искусству эпохи модерна. Ее выступление было посвящено московской архитектуре Серебряного века. Модерн был лишь одним из стилей эпохи Серебряного века, но наиболее ярким его стилем. Цветной московский модерн, широко использующий Абрамцевскую керамику, резко отличается от «нецветного» петербургского модерна, тем более от модерна западноевропейского. В русском модерне, особенно московском, главным был декор. Наиболее значительными архитекторами московского модерна были: Л.Н. Кекушев, Ф.О. Шехтель, А. Эрикссон, В.Е. Дубовской, И.П. Машков.

19 апреля 2007 г. состоялось заключительное заседание клуба «Зеленая лампа Арбата» в этом, уже восьмом, сезоне. Председатель клуба *В.В. Португалова* подвела итоги сезона. По итогам работы ряду помощников клуба, включая сотрудников Библиотеки, были вручены почетные грамоты. Затем слово было предоставлено гостю – члену-основателю Международного научного комитета по сохранению памятников XX века, профессору кафедры истории архитектуры и градостроительства Московского архитектурного института *Наталии Олеговне Душкиной*.

Коснувшись современного состояния памятников архитектуры XX столетия, Наталия Олеговна рассказала о жизненном и творческом пути своего знаменитого деда – Алексея Николаевича Душкина (1903– 1977). Рассказ Наталии Олеговны сопровождался показом уникальных диапозитивов. А.Н. Душкин широко известен как автор станций

метро «Кропоткинская» (изначально – «Дворец Советов»), «Маяковская», «Площадь Революции», «Автозаводская», «Новослободская». Основным принципом Алексея Николаевича в метростроении было стремление «показать, что не существует толщи земли». В 1941–1943 гг. А.Н. Душкин был главным архитектором Метропроекта и Метростроя. Но мало кто знает, что уже в 1943 г. А.Н. Душкин был назначен главным архитектором Центральной архитектурной мастерской Наркомата (потом Министерства) путей сообщения СССР, и в этом качестве не только спроектировал высотное здание Министерства транспортного строительства у Красных ворот, но и восстановил огромное количество разрушенных войной железнодорожных вокзалов. Многие из зданий вокзалов были спроектированы и построены заново. Наиболее значимые из этих работ Алексея Николаевича – вокзалы в Симферополе (1949), Днепропетровске (1950), Сочи (1951). Последней большой работой А.Н. Душкина стал строгий по формам универмаг «Детский мир». С 1947 по 1974 гг. А.Н. Душкин преподавал в Московском архитектурном институте. До самой своей кончины Алексей Николаевич Душкин сохранил полную ясность ума и поразительную работоспособность. К сожалению, станция «Маяковская» (по вине эксплуататоров) находится сейчас в ужасающем состоянии и фактически гибнет, как и многие другие уникальные постройки XX столетия. По окончании времени, отведенного для рассказа, Наталии Олеговне были заданы слушателями новые и новые вопросы. Н.О. Душкина преподнесла в дар Библиотеке свои книги, посвященные архитектуре XX века.

О.М. Ланенкина

**Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева»: февраль – июнь
2007 г.**

Общедоступные концерты классической и народной музыки сегодня особенно важны в России. Сейчас, когда далеко не все могут позволить себе регулярно посещать концерты, наши усилия направлены на то, чтобы каждый имел возможность вновь услышать любимые музыкальные произведения или приобщиться к высокому искусству. Так и хочется повторить слова Н.В. Гоголя: «О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! Не оставляй нас! буди чаще наши меркантильные души! ударяй резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам!»

16 февраля к 15-летию Фонда А.Н. Скрябина – Международного Скрябинского общества в рамках программы 15-летия установления дипломатических отношений между Республикой Хорватией и Российской Федерацией в «Доме А.Ф. Лосева» прошел концерт хорватского пианиста *Велько Глодича*. Концерт состоял из двух отделений: в первом отделении пианист исполнил классические произведения, во втором – джазовые импровизации, в которых он чувствует себя наиболее уверенно и раскрепощено. В. Глодич является преподавателем джазовой музыки, его ученики продолжают совершенствовать свое мастерство в знаменитых европейских академиях (Грац, Роттердам, Амстердам и др.). Сам Глодич продолжает изучение джазовой импровизации, посещая семинары знаменитых современных исполнителей джаза.

5 марта в «Доме А.Ф. Лосева» прошел вокальный концерт, посвященный памяти выдающейся русской певицы *Валерии Владимировны Барсовой* (1892-1967). Ее лирико-колоратурное сопрано явилось блистательным украшением русской оперной сцены. Барсова была солисткой Большого театра, преподавала в Московской консерватории. В концерте приняли участие лауреат Всероссийского конкурса вокалистов имени В.В. Барсовой, лауреат Всероссийского конкурса вокалистов *Лидия Бурмистрова* (сопрано), лауреат Международного фестиваля, солист театра им. К.С. Станиславского и В.И.

НемировичаДанченко *Вадим Бычков* (бас) и *Аркадий Бабов* (фортепиано). В двух отделениях концерта прозвучали романсы и арии из опер русских и итальянских композиторов. Слушателей очаровало камерное пение Лидии Бурмистровой. Она исполнила арии из опер русских и зарубежных композиторов, включив в свой репертуар редко звучащие в концертах произведения (Дж. Пуччини, ария Магды из оперы «Ласточки» и др.). Прекрасно поставленный голос и артистизм при блестящем аккомпаниаторе Аркадии Бабове явились залогом успеха.

В этом же месяце, 26-го марта в Музыкальной гостиной «Дома А.Ф. Лосева» состоялся концерт «Из репертуара Станислава Нейгауза» к 80-летию со дня рождения великого пианиста. В концерте приняли участие студенты Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, класса профессора, Заслуженной артистки России *Елены Рихтер*. В двух отделениях концерта прозвучали фортепьянные произведения Р. Шумана, Ф. Шопена, А.Н. Скрябина, К. Дебюсси, Ф. Листа, С.В. Рахманинова. Исполнителями были студенты и аспиранты консерватории: *Ада Горбунова*, *Нуриеки Сасаки* – стажер из Японии, *Каролина Коротченко*, *Александр Кравцов*, *Сергей Голев*, *Максим Подкурков*, *Александр Воронин*, *Дмитрий Самойлов*, *Рушана Аббясова*, *Николай Саратовский*, *Артем Селиванов*. Все они уже являются лауреатами международных конкурсов. Молодые пианисты старались в своих выступлениях следовать традициям исполнения, заложенных Станиславом и Генрихом Нейгаузами, чью игру отличали артистический темперамент, богатство звуковой палитры, естественность фразировки.

В апреле Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева» приняла активное участие в проведении *Московского международного фестиваля камерной музыки «Весна в России»*. В течение ряда лет «Дом А.Ф. Лосева» является творческим партнером этого фестиваля. Просветительские музыкальные программы – одно из направлений деятельности нашей уникальной Библиотеки истории русской философии и культуры.

Фестиваль камерной музыки стал значительным событием в культурной жизни Москвы 2007 года. Он вызвал у любителей музыки яркие впечатления и принес новые имена исполнителей, свежо и поновому зазвучавших со сцены. Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева» теперь – творческая площадка, помогающая шлифовать свой талант молодым артистам в таком тонком искусстве камерной музыки, которое, по словам Тихона Хренникова, невозможна без «внутренней напевности» и «тщательной отделки». Камерная музыка требует особого настроения, фантазии, глубокого проникновения в текст, дара поэтического прочтения и сопереживания, большой исполнительской культуры. Это музыка несет духовное наслаждение и радостное волнение как слушателям, так и исполнителям. Популяризация этого вида музыкального искусства – одна из составляющих просветительской миссии нашей Библиотеки.

В рамках фестиваля прошли три концерта, в одном из которых выступили гости из Венгрии и Чехии. Программы были достаточно разнообразны, однако не все они были восприняты равнозначно: сложнее воспринималась программа, составленная полностью из произведений современных композиторов. С большим успехом прошло выступление «Доминант-квартета», в которое были включены квартет б, ор. 18 Л. Бетховена и редко исполняемый квартет 1 А.П. Бородина. «Доминант-квартет» в составе солистов МГАФ *До Фьонг Ньи* (скрипка, Вьетнам), *Екатерины Погодиной* (скрипка), *Анны Сазонкиной* (альт), *Татьяны Егоровой* (виолончель) является участником фестивалей: «Млада Прага», Д. Шостаковича в Сочи и Москве, Международных фестивалей камерной музыки в Корке (Ирландия) и Кухмо (Финляндия), в Тоунтоне (Великобритания), «Декабрьских вечеров» в Москве. Квартет – лауреат нескольких Международных конкурсов. 20 апреля в рамках фестиваля прошел концерт ансамбля «Русский акцент» в составе, которого выступили *Ольга Березанская* (меццо-сопрано), *Наталья Кориунова* (фортепьяно) и *Наталья*

Жаркова (виолончель). Исполнение популярных классических арий солисткой «Геликон-оперы» Ольгой Березанской вызвало яркий эмоциональный отклик у слушателей.

За организацию проведения этих трех концертов администрация Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» получила благодарность от Оргкомитета фестиваля «Весна в России».

3 мая благотворительный фонд «Бельканто» представил программу «Музыкальное приношение Генделю», в которой приняли участие *Татьяна Ланская* (сопрано) и *Дмитрий Головкин* (фортепьяно). В программу концерта были включены произведения западноевропейских композиторов. Солистка обладает прекрасными вокальными данными, в настоящее время она является аспиранткой Московской консерватории.

26 мая у памятника А.Ф. Лосеву в рамках фестиваля «Читающий Арбат» прошел концерт духовой музыки лауреата международного конкурса брасс-квintета «*Старые друзья*». В программе были представлены произведения зарубежных и русских композиторов. В состав квинтета входят: *Валерий Володин* (баритон; художественный руково

дитель), *Максим Елизаров* (труба), *Александр Рыканов* (труба), *Александр Денисюк* (валторна), *Анатолий Ковальчук* (труба), *Александр Сухомейло* (ударные).

Брасс-квintет «Старые друзья» Первого отдельного показательного оркестра Министерства обороны РФ был создан в 1998 г. Игра музыкантов отличается высоким уровнем техники исполнения, тонким пониманием и проникновением в художественный замысел исполняемых сочинений, безупречной трактовкой своих партий с учетом формы музыкальных произведений. Молодой состав исполнителей позволяет надеяться на хорошую творческую перспективу. На проведенных в Москве в 2000 г. Дельфийских играх квинтет был удостоен звания Лауреата.

28 мая к 15-летию Фонда А.Н. Скрябина в нашем салоне прошел фортепианный концерт Лауреата международных конкурсов *Сергея Кузнецова*. Игру пианиста отличает не только совершенная техника, но и эмоциональная яркость исполнения. Сергей Кузнецов – участник Конкурса им. П.И. Чайковского 2007 г.

4 июня в «Доме А.Ф.Лосева» прошел очередной и уже традиционный концерт, посвященный памяти А.С. Пушкина. Концерт назывался «Сердце полно вдохновенья». В нем приняли участие солисты МГАФ: Народная артистка России *Людмила Иванова* (меццо-сопрано), Заслуженная артистка России *Ольга Рогинская* (сопрано) и лауреат Международных конкурсов *Андрей Шибко* (фортепиано). В концерте прозвучали арии из опер и романсы на стихи А.С. Пушкина русских композиторов: П.И. Чайковского, М.И. Глинки, Ц.А. Кюи, С.В. Рахманинова, А.С. Даргомыжского, А.Г. Рубинштейна. Украшением концерта стали редко исполняемые в концертных программах вокальные дуэты и «Анданте» из балета «Щелкунчик» (Чайковский/Плетнев).

Серьезная музыка, как говорили древние, несет всякому чувствующему человеку не только удовольствие и очаровывает его сердце, но и «действует на расположение его души». Мы стремимся, чтобы каждый концерт, организованный и проведенный в «Доме А.Ф. Лосева», был маленьким праздником гармонии и красоты.

Конференция «От Гомера до Нонна»

Е.С. Цытлева

О конференции

22 мая 2007 г. в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» состоялась конференция молодых ученых «От Гомера до Нонна». Конференция была организована Античной комиссией Научного совета «История мировой культуры» РАН совместно с Библиотекой «Дом А.Ф. Лосева» и Культурно-просветительским обществом «Лосевские беседы». Она была приурочена к годовщине смерти А.Ф. Лосева и

поэтому проходила в форме расширенного заседания семинара «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы». Как отметила в своем вступительном слове проф. *А.А. Тахо-Годи*: «Если на предыдущих заседаниях семинара “Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы” выступали взрослые и уже состоявшиеся исследователи, то на этот раз главенствующая роль принадлежит тем, кто только-только делает свои первые шаги в науке».

Перед началом выступлений докладчиков всем собравшимся была продемонстрирована медиаверсия выставки «Сначала стань учеником...», посвященной гимназическим годам А.Ф. Лосева. Были показаны фотографии уникальных рисунков учеников и учениц А.Ф. Лосева, дореволюционных гимназических учебников древнегреческого и латинского языков. Директор Библиотеки *В.В. Ильина*, присутствовавшая на конференции, не смогла удержаться от напоминания, что все эти редкие книги являются не только экспонатами выставки, но их можно взять в руки и почитать в Лосевском (научном) читальном зале.

Все выступавшие с докладами – *М.И. Касьянова, В.Г. Мостовая, М.А. Сухова, М.В. Федотова, Е.С. Цыпилева* – являются выпускницами и аспирантками кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, и, за исключением *Е.С. Цыпилевой*, пишут свои диссертационные работы под руководством профессора *А.А. Тахо-Годи*. Аза Алибековна как председатель заседания строго следила за соблюдением как очередности выступлений, чтобы не нарушалась хронологическая последовательность рассматриваемых произведений, так и их продолжительности, не допуская нарушения установленного регламента. Надо отметить, что несмотря на разнообразие, а подчас и сложность рассматриваемых в докладах тем и проблем, каждый из них вызвал неподдельный интерес у слушавших, став предметом оживленных дискуссий.

Логичным продолжением выступлений молодых исследователей стала презентация учебника *В.В. Файера* и *Е.С. Наумовой* «Латинский язык» (М., 2007). Сами в недавнем прошлом выпускники и аспиранты кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, *В.В. Файер* и доцент МГУ им. М.В. Ломоносова *Е.С. Наумова* в настоящее время преподают латинский язык и античную культуру в различных школах и институтах. Результатом обобщения их педагогического опыта и стало написание учебника «Латинский язык».

Завершился вечер докладом доцента кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова *В.П. Завьяловой* «Александрийская школа: смена литературных парадигм». Конечно, *В.П. Завьялову* ни в коем случае нельзя причислить к тем, кто только делает свои первые шаги в науке, она уже много лет является известным и уважаемым ученым и педагогом. Однако мало кто знает, что ее научный путь начался в доме № 33 по ул. Арбат с совета *А.А. Тахо-Годи* заняться изучением творчества Каллимаха. Доклад *В.П. Завьяловой* наглядно показал, что этот совет оказался для нее поистине судьбоносным, а изучение творчества Каллимаха и его современников – делом всей жизни.

В.П. Завьялова

**Александрийская поэтическая школа: смена
литературных парадигм**

Александрийская поэтическая школа, являясь определенным этапом в истории развития античной литературы (хронологически – период правления первых Птолемеев в Египте, расцвет III в. до н.э.; топографически связана в первую очередь с Александрией Египетской), в то же время в истории мировой литературы известна как поэзия, наиболее

ярко отражающая смену ценностных ориентиров в греческом мире при переходе от классики к эллинизму. В новое время понятия «александрийская поэзия», «александрийский» как *эстетический феномен* включаются в более общее представление – «александринизм», которым принято характеризовать новый, по сравнению с классикой, взгляд на эволюцию эстетической культуры, эстетических форм, характерных для эпохи эллинизма в целом.

Ниже мы предлагаем ряд основных тезисов, определяющих понятия «александрийская поэзия» и «александринизм» прежде всего.

Тезис первый. Александрийская поэзия – порождение и отражение культурной жизни *эллинистического города*. Александрия вскоре после своего основания, после того, как она стала столицей Египта (в 305 г. до н.э. столица из Мемфиса была перенесена в Александрию) быстро становится центром не только ремесла и торговли, но и культурно-политическим центром нового масштаба. Александрия – первый многонациональный город, где закладывались основы новых правовых отношений между разными слоями населения. Рост и развитие большого города неизбежно приводит к новой регламентации, урбанизации жизни населения. Александрийская жизнь нам достаточно хорошо известна по произведениям александрийских поэтов – Феокрита, Каллимаха, Аполлония Родосского, Посидиппа и др. С урбанизацией появляется новый стиль городской жизни: возникает тяга к роскоши и комфорту (в поэзии описываются не только новые грандиозные сооружения, как Фаросский маяк, новые храмы, как храм Арсинои, но и царские праздники, процессии, пиры и т.д.). Великолепная Александрия – источник новых, городских впечатлений поэта; в гимнах Каллимаха, идиллиях Феокрита, эпосе Аполлония Родосского мы встречаем не только образы, мотивы, темы города, но, говоря словами Б. Пастернака¹, город для александрийских поэтов становится «суммарным миром, душой», «главным носителем действительности». Александрийских поэтов по праву можно назвать первыми поэтами-урбанистами.

Тезис второй. Александрийская поэзия развивается в условиях особой *научной среды*, возникшей в связи с созданием в Александрии Библиотеки и Мусейона. Верное понимание эпохи и политики государства, желание сосредоточить всю литературную жизнь в Александрии с целью возвеличивания и упрочения славы мирового города побудили первых Птолемеев это направление своей культурной политики сделать основным. И как писал еще И. Дройзен, «успех превзошел их ожидания». Греческая идея сообщества ученых (идея, восходящая к первым пифагорийцам, успешно развитая Академией Платона, Ликеем Аристотеля) теперь в более крупном масштабе и в государственных рамках опирается на разработанные организационные структуры, на своего рода учебно-научные центры, которые при всем историческом своеобразии напоминают аналогичные структуры нового времени. Тогда же в Александрии начинает развиваться книгоиздательское дело, чему способствовала монополия Египта на папирус, а также приток большого числа служащих-писцов. Вскоре Александрия становится центром книжной торговли.

Для успешного осуществления задач, стоящих перед книгоиздательской деятельностью и просто для нужд огромной бюрократической монархии Птолемеев требовалось большое количество грамотных людей, писцов. Так, впервые в Александрии возникает целый ряд новых форм труда, труда принципиально городского, книжного, и как следствие, появляется новый слой профессионалов-горожан, городской интеллигенции, вкусы и интересы которой отражает новая книжная, городская поэзия. Поэтому александрийская поэзия – это поэзия городской интеллигентной среды.

Тезис третий. Первые Птолемеи, воцарившиеся в Египте, принявшие все регалии и титулы фараонов, их статус богов, нуждались в идеологической популяризации своих

особ и своей власти. Поэзия панегириков (например, энкомии Феокрита, гимны Каллимаха и др.) с этих пор становится типичной придворной поэзией. И подобно тому, как столетия спустя в Вергилии можно видеть олицетворение апологетических настроений августовской культуры, так Каллимах ярче других александрийцев выражает настроение птолемеевского двора. Без придворных поэтов, сочинявших ко дням всевозможных торжеств поэтические произведения, не обходился ни один эллинистический правитель. Но и с другой стороны, никогда еще поэтический дар и художественное творчество не считались столь желанными и не ценились столь высоко, как в эпоху александрийской образованности. Высокий статус поэта подтверждается часто его высоким должностным положением: поэты Филет и Эратосфен становятся воспитателями будущих наследников престола; а на должность главного библиотекаря александрийской Библиотеки – одной из высших придворных должностей – чаще назначаются ведущие поэты (например, Каллимах, Аполлоний Родосский, Эратосфен). Поэтам поручается каталогизация, систематизация книжных коллекций Библиотеки (деятельность, например, в Библиотеке Каллимаха, Зенодота, Ликофрона, Александра Этолийского и др.). Культ книги, книжного знания, опыт работы с предшествующей многовековой литературной традицией формирует и определяет первенствующее положение новой науки – филологии, которая теперь и здесь зарождается.

Тезис четвертый. Александрийский поэт впервые представляет собой новый тип творческой индивидуальности, который Страбон назвал: ποιητῆς ἡμᾶ καὶ κριτικός (букв. «поэт, способный разбирать, судить, оценивать»). Так Страбон называет первого из александрийских поэтов – Филета Косского. Римляне таких поэтов назовут poetae docti. Цицерон был одним из первых, кто, рассуждая о мудрости поэта Симонида, сказал, что Симонид не только poeta suavis (поэт приятный), но и poeta doctus.

Тезис пятый. Инновации и оригинальность александрийской поэзии в том, что дух учености и ремесла, тонкость и внимание к слову, тщательность отделки стиха, использование опыта предшественников становятся сознательной творческой установкой поэта. И если попытаться определить основные приоритетные художественноэстетические принципы александрийской поэзии, то в первую очередь, очевидно, следует назвать следующие: polimathia (многознание, ученость), leptotēs (тонкость, изящество), torcia (чеканность, прежде всего формы, слова), syntomia (краткость), paignia (игра, шутка), eirōneia (ирония). Понятно, что каждая из названных характеристик нуждается если не в развернутом доказательстве, то хотя бы в иллюстрации. За неимением в данном случае возможности остановиться на каждом принципе подробнее, сошлюсь на свои публикации, где обо всем этом я пишу подробно и обстоятельно.

¹ Пастернак Б. Люди и положения. Автобиографический очерк // Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1991. С. 311.

Тезис шестой. Что же в конечном итоге александрийская поэзия привнесла в мировой опыт развития литературы? Александрийцы впервые подходят к пониманию того, что в терминах современной эстетики мы называем «эволюцией литературного ряда» или «развитием» литературы. Александрийцы впервые, если не открывают, то широко используют литературный подтекст, иносказание. Мифология впервые становится литературной аллегорией, материалом для перифрастических описаний. Уже на языковом уровне задача для александрийского поэта, пользуясь словами С.С. Аверинцева, «задать уму загадку». Такая «закодированность» касается, конечно, не только отдельных словоупотреблений, редких глосс и именовании. Целые пассажи, помимо прямого (чаще мифологического) значения, приобретают завуалированный намек, требующий

текстуальной и интертекстуальной «расшифровки». Впервые «горизонт ожидания» (пользуясь термином современной рецептивной эстетики) автора и разных его читателей существенно расходятся. Александрийцы, фокусируя внимание на способе передачи содержания, на форме, прежде всего разрабатывают жанры «малых» форм. Малая форма, неизбежно сужающая поле зрения, усиливает, как писал Ю. Тынянов, все стилистические особенности, и прежде всего, словарный, лексический колорит. Повышенное внимание к формальной стороне творчества в сочетании с новыми эстетическими установками впервые приводит к созданию произведений «чистого» искусства, «искусства для искусства», тому, что сами александрийцы называли *technopaignion*, своего рода поэтическим фокусам, трюкам (*Kunststücke*) – фигурным стихам.

Тезис седьмой. Судьба александрийской школы была недолгой; большая часть литературного наследия александрийцев до нас не дошла, сохранилось лишь то (чаще во фрагментах), что в последующие века интересовало римлян. Но эстетика александрийцев, особый стиль в поэзии и жизни, которыми определяется понятие «александринизм» во многом определили развитие литературы как римского, так и нового времени.

М.А. Сухова

К вопросу о функциях эпитетов героинь «Илиады» (на материале образа Елены)

Среди актуальных проблем современного литературоведения по сей день нерешенным остается вопрос об эпитете. Отечественная наука насчитывает не один десяток лет споров, направленных на выработку точного его определения (А.Н. Веселовский, А.А. Потебня, В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский, В.С. Баевский, Л.В. Чернец и другие). Не менее интересным и не определенным окончательно и по сей день, а потому вызывающим интерес, является и вопрос о функционировании эпитета в художественном тексте. Если же говорить о тексте, выбранном для исследования – о поэмах (точнее, об одной поэме) Гомера, то вопрос этот и вовсе является одним из самых злободневных и по сей день. Связано это с постепенными изменениями в понимании художественно-мировоззренческой основы гомеровского эпоса. Начиная с немецких исследователей XIX века и работ М. Парри¹, где эпитеты поэм рассматривались только как традиционные, формульные, исключаящие какое бы то ни было новаторство, через основополагающие работы А.Ф. Лосева² и других исследователей, и кончая трудами Дж. Хейнсворта³, П. Виванте⁴ и других современных исследователей наметился переход к пониманию эпитета как элемента более неоднозначного, чье использование определяется причинами более сложными, чем просто требования метра, позволяющие устному поэту без труда заполнить поэтическую строку.

Материалом для настоящего исследования были выбраны эпитеты центральной героини «Илиады»– Елены. Задачей исследования было наметить различные аспекты функционирования эпитетов героини и посмотреть, к какому пониманию художественной основы поэм Гомера приводит такая функциональная картина.

¹ *Parry M. L'Épithète traditionnelle chez Homère. Paris, 1928.*

² Например, *Лосев А.Ф. Гомер. М., 1996* – и многие другие его работы.

³ *Hainsworth J.B. The Flexibility of the Homeric Formula. Oxford, 1968.*

По результатам исследования представилось возможным выделить основные функции эпитетов Елены (эстетическая, образнохарактеристическая, «формульная», экспрессивная, композиционносюжетная и индивидуализирующая), выделить группы эпитетов в рамках некоторых из этих функций, а также сделать некоторые выводы относительно выбора того или иного эпитета в конкретном контексте.

В рамках функции эстетизации⁵ удалось выделить следующие группы: эпитеты, явным образом содержащие формант «eu»; эпитеты, чья эстетика проявляется на семантическом уровне; группа эпитетов, эстетизирующих эмоции героини; эпитеты с контекстной эстетической семантикой; эпитеты, получающие эстетическую окрашенность в сочетании с другими эпитетами. При этом большая часть эпитетов приходится на третью, четвертую и пятую группы.

Образно-характеристическая функция включает следующие лексико-семантические подгруппы: эпитеты, указывающие происхождение героини; характеристика божественной или смертной ее сущности; семейное положение; внешность; оценочные эпитеты; эпитеты, выражающие эмоции. Интересно, что соотнесение вышеуказанных категорий приводит к выводу, что наиболее наполненными как по общему числу эпитетов, так и по самым «ярким», не «традиционным» определениям оказываются четвертая и пятая группы (контекстные значения и эстетизация в сочетаниях).

Отнесение эпитетов к «формульным» имеет следующие ступени: эпитеты «формульные», являющиеся специальными, то есть, участвующие в формулах, уникальных для героини; эпитеты «формульные», являющиеся общими для нескольких героинь, в том числе и для Елены; группа одиночных эпитетов, не включенных в формулу из нескольких слов, но, тем не менее, встречающихся в определенной метрической позиции и в одинаковом по смыслу контексте; эпитеты, в формулы не включенные, причем среди последних выделяются эпитеты оценочные, служащие средством дальнейшей индивидуализации образа.

Интересно при этом, что даже сугубо «формульные» специальные эпитеты, как, например, «Аргивская Елена», несущие экспрессивную функцию (величественное содержание эпитета, создающее, в том числе, монументальность эпоса), употребляются часто в связи с контекстом, выполняя, таким образом, и сюжетно-композиционную функцию. Так, «Аргивской» Елена называется в первую очередь тогда, когда речь заходит о ее возврате на родину. Получается, что данный эпитет как бы напоминает говорящим о причинах войны и обосновывает законность притязаний ахейцев: они требуют вернуть *их* Елену.

Также композиционно-сюжетную нагрузку несут эпитеты, выражающие отношение героев к Елене (Ахилл, Приам, старцы), и эпитеты ее самооценки. Они объясняют причины поступков героев и проливают свет на их позицию.

Что касается функции индивидуализации образа, то она проявляется на самых разных уровнях текста. Самый общий – на уровне групп (например, среди формульных – специальные эпитеты, эпитеты, не включенные в формулы и встречающиеся один раз). Спорным, правда, остается частотный метод, предложенный И.В. Шталь.⁶ Отдельно стоят оценочные эпитеты, выражающие оценку Елены ей самой или другими, – именно в них проявляется способность к выбору той или иной жизненной позиции, а по Р.В. Гордезиани,⁷ способность к выбору составляет основу индивидуальности (правда, следует добавить, что именно эпитетам в выполнении такой функции ученый отказывал).

Все вышесказанное приводит к выводу, что функции эпитетов в эпосе Гомера гораздо разнообразней, чем принято было считать в начале XX в., а употребление их в том

или ином контексте обусловлено вовсе не только требованиями метра в ущерб смыслу, но и той образности, создающей художественный мир, служащий предметом восхищения многих поколений.

5

На необходимость исследования эстетической стороны эпитетов в эпосе указывает А.Ф. Лосев, см.: *Лосев А.Ф. Эстетическая терминология ранней греческой литературы (эпос и лирика). Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. LXXXIII. М., 1954. С. 51–55.*

⁶ *Шталь И.В. Гомеровский эпитет как элемент художественной системы // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 331–365.*

7

Гордезиани Р.В. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. С. 295. ¹ *Лосев А.Ф. Гомер. М., 1996. С. 212.*

М.В. Федотова

Разумность как моральная категория у Гомера (на примере семантического анализа лексемы *pernymenos / pinytos*)

Анализируя этическую терминологию гомеровских поэм, А.Ф. Лосев называет «мудрость» кардинальной добродетелью гомеровской эпохи, замечая при этом, что ее нельзя понимать этически¹. Однако в ходе работы над диссертацией «Семантика моральной оценки в греческом эпосе», основным материалом которой стали эпизоды с семантикой похвалы и порицания, мы обратили внимание на то, что практически во всех этих эпизодах фигурирует категория разума / неразумия как характеристика, обуславливающая моральное или аморальное поведение героя.

В частности, соединение смыслов *aidōs–nemesis–pinytos* и *aidōs–nemesis–oida* в эпизодах *Od. I, 227* сл. и *II. VI, 351* ясно показывает, что «осознание» в этих пассажах семантически противопоставляется аморальному поведению: в *Od. I, 227* *pinytos* «разумный» как положительная оценка противопоставляется дерзкому, разнузданному поведению женихов (*ybrizontes yperfialōs*); в *II. VI, 351* отсутствием «знания стыда» (*ēdē nemesin te kai aischea poll' anthrōpōn*) Елена объясняет безответственность Париса – одно из качеств, достойных в гомеровской морали сурового порицания (*II. IV, 328–329; IV, 351*). Проанализировав семантику лексемы *pinytos* (*pernymenos*), превалирующую в позитивных оценочных контекстах гомеровских поэм², мы выявили, что *pernymenos* как оценочный предикат означает в гомеровском эпосе способность персонажа различать «плохое» и «хорошее». Так, в *XX, 131*, Телемах, беспокоясь об Одиссее-страннике, сетует на то, что Пенелопа, «хотя и разумная (*pinutē per eousa*), иного из смертных, худшего (*cheirona*), опрометчиво почитает (*tiei*), лучшего же (*areiona*) отсылает, отказав в гостеприимстве (*atimēsas' arorēprei*)» (*131–133*). Уступительная синтаксическая конструкция указывает на несоответствие характеристики – *pinytos* – неспособности правильно оценивать людей. Аналогичную семантику имеет эпизод *Od. XVIII, 227* сл., где характеристика *pernymenos* непосредственно приводится как способность понимать «хорошее» и «плохое»: *esthla te kai cheirea // pernymena panta noēsai* (*227–230*).

На примере этих контекстов мы видим, что разумный человек *соблюдает законы гостеприимства*, неразумный их нарушает. Отметим, однако, что у Гомера только

однажды связь разумности и гостеприимства указана катафатически (Od. VIII, 546–548), в остальных пассажах она выражена через отрицание (Od. IV, 32; IX, 350; XIX, 326 ит.д.).

Далее, лексемой *pernumenos* обозначается *верность* персонажа как положительная моральная характеристика: Od. XX, 228 *pinytē phrenas hikei* – верность Филоития; Od. XXI, 102 *arhrōn* названа Пенелопа, которая *pinytē per eousa* соглашается стать супругой того, кто сможет согнуть лук Лаэртида, и Телемах, который этому решению «радуется неразумным духом» (*terptomai aphroni thymō*)³. Этой же лексемой обозначается *честность*⁴ персонажа как положительная моральная характеристика: Менелай называет Антилоха, прибегнувшего к хитрости во время соревнований, «прежде разумным» *prosthen pernumene* (II. XXIII, 570): *ou s' etymon ge phamen pernysthai Achaioi* – «Не по праву ахейцы говорят, что ты разумен» (XXIII, 440). Ключевым для трактовки этого эпизода является семантическое противопоставление *pernumenos* – *hyperbasiai* (589) – «дерзость», «переход границ» – лексема, которой сам Антилох, извиняясь, характеризует свой поступок (589). При внимательном прочтении «Илиады» становится ясно, что характеристика *pernumenos* – «разумный» присваивается герою, тогда, когда его поведение соответствует объективной справедливости и главному моральному принципу греков «ничего сверх меры»⁵: *pernumenos* Антилох просит прощения за *hyperbasiai*, совершенное в состоянии помрачения рассудка (*aesiphrōn* (XXIII, 603)); Антенор, предлагающий выдать Елену в известном эпизоде, характеризуется лексемой *pernumenos* – «разумный» (VII, 347), а Пандар, нарушивший договор – лексемой *arhrōn* – «неразумный» (IV, 104).

То же и в «Одиссее». Именно этой характеристикой вводятся ответы Телемаха на дерзкие замечания и предложения женихов, благодаря чему «разумность» Телемаха, лексически и семантически противопоставляется разнузданности женихов (II, 129 и 208; *pernumenos* и *hyperphialoisi* (II, 309); *pernumenos* – *eiōthe kakōs erethizemen aiei // mythoisin chalepoisi* (XVII, 392). Поведение женихов в указанных контекстах противопоставляется поведению Телемаха как выходящее за рамки допустимого. Соответственно, *умеренность* и *кротость* как положительная моральная характеристика оказывается у Гомера связанной с разумом, разнузданность – с неразумием и позором. Выявляются следующие семантические оппозиции: *liēn gar pinytē te kai eu phresi mēdea oide <...> periphrōn <...> euergos* (XI, 429 сл., 434 – «слишком разумная, благомысленная, добродетельная» (Пенелопа) / *<...> ergon aeikes <...> aischos* – [замыслила] непристойное дело, позор (Клитемнестра) (433); *epiphrōn, amymōn, esthlos* – «разумный», «беспорочный», «добрый» / *arēnēs* – «некроткий» (XIX, 326 сл.); *aisimos, aganos, ērios* – «разумный», «любезный», «кроткий» / *aisylos, chalepos* – «нечестивый», «грубый» (Od. V, 8-12) / *atasthalos* – «неразумный» (IV, 493); *ybrin echōn, kakomēchanos, margos* – «дерзкий», «зломысленный», «безумец» / *ariston boulēkai mythoisi* – «лучший в советах и речах» (XVI, 418–421; ср. XVII, 581, 585; XIX, 89, 91). Даже в воинственной «Илиаде» доброта и мягкость характера как положительные характеристики превалируют над доблестью, мужеством и храбростью (II. XVII, 670–672). На уровне синтаксиса тезис о несовместимости разумности и гневливости подтверждают уступительные конструкции (*pyka per phroneontōn*), которые использует Феникс для оценки неприимчивости Ахилла (IX, 554), а затем сам Ахилл (XVIII, 108). Естественно, что совершаемое в состоянии неистовства оценивается гомеровскими героями как позорное, а позорное связывается с превышением меры и неразумием: *noon apolōle kai aidōs* – «утратил разум и чувство меры (стыд)» – II. XV, 129 (об Аресе, нарушающем Зевесову волю; ср. II. XXIV, 40 сл.); Менелай же, напротив, прощает обманувшего его на ристаниях Антилоха, поскольку его дух (*thymos*) всегда «не высокомерен и не жесток» (*ou pote hyperfialos kai arēnēs*, XXIII, 611).

Таким образом, проделанный анализ показал, что семантической доминантой исследуемой лексемы является соблюдение / несоблюдение меры и статусных привилегий

в поступках, определяющей семантику положительной или отрицательной моральной оценки. Указанные характеристики в гомеровском тексте можно с полным основанием признать собственно оценочными предикатами⁶, поскольку дескриптивное значение «разумно»/ «неразумно» во всех без исключения контекстах совпадает с оценочным «хорошо» / «плохо».

¹ Лосев А.Ф. Гомер. М., 1996. С. 212.

²В подавляющем большинстве случаев разумность у Гомера выражена апофатически, «поступать разумно» значит «не поступать неразумно» (Od. XIX, 326; XVII, 586 ит.д.), поэтому выделить собственно позитивные оценочные контексты с присутствием исследуемой характеристики, как и сами лексемы, оказалось гораздо труднее, чем описать семантику лексем круга «неразумный» (см.: Федотова М.В. Что такое «неразумный» у Гомера // Материалы международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2004).

³Неразумие Пенелопы обозначается один раз посредством уступительной конструкции, а неразумие Телемаха (arhrōn) – дважды (Od. XXI, 102, 105): соглашаясь с этим решением Пенелопы, он совершает предательство не только по отношению к памяти отца, но и по отношению к своему дому, обязанностям хозяина и хранителя, с которыми не сумел справиться.

4

В «Одиссее» также присутствует семантическая оппозиция *pernupenos* – *pseudos* (III, 20; III, 328), однако моральная оценка обмана не однозначна, а зависит от того, как обман отражается на интересах субъекта высказывания (Od. XIX, 203; XIV, 125; IX, 141; XIV, 288 ит.д.).

⁵ См.: Федотова М.В. Указ.соч.

⁶ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 218.

В.Г. Мостовая

Связь функции сентенции и ситуации употребления в гомеровском эпосе

В «Илиаде» и «Одиссее» значительную часть произведений – почти $\frac{3}{5}$ текста поэм – занимают речи персонажей. Их можно разделить на 2 группы: речи, которые произносятся в связи с конкретными событиями, и занимательные рассказы-повествования о прошлом. Соответственно, связь функции сентенций в речи персонажей с ситуацией употребления должна изучаться с учетом временной соотнесенности момента речи и ее содержания. В качестве одного из опорных терминов мы используем термин формальной школы «сюжетная ситуация»: элемент повествования, характеризующийся определенным расположением персонажей¹. Поскольку сюжетные ситуации тесно связаны с темой художественного произведения, в сюжете и «Илиады», и «Одиссее» можно выделить по 2 базовых типа сюжетных ситуаций: в «Илиаде» это «Битвы» (группа А) и ситуации «Между битвами» (группа В), а в «Одиссее» – «Пребывание героя на родине» (А) и «Пребывание героя на чужбине» (В). Эти ситуации не однородны, они реализуются в различных вариантах, но нас интересуют только те случаи, в которых встречаются сентенции.

В «Илиаде» в группе А встречается 37 сентенций, а в группе В – 67. То есть в батальных сценах встречается чуть больше трети всех сентенций «Илиады»,

при том, что общее соотношение объема этих групп обратное – треть поэмы уделена именно сюжетным ситуациям В. С точки зрения функций предложений группа В также представляет большее разнообразие, чем группа А. В группе В мы выделили такие функции предложений как: 1. Средство убеждения (59)², 2. Эмоциональное воздействие (1), 3. Нагнетание чувства (3), 4. Выражение чувства (3), 5. Дидактика (1), 6. Композиционная (2). В группе А их всего 3: 1. Средство убеждения (20), 2. Эмоциональное воздействие (11), 3. Комментарий (5). Но эти группы различаются не только количественно, но и качественно. Во-первых, одна из трех функций группы А отсутствует в группе В – это функция комментария. Предложения в этой функции встречаются в моменты движения, смены действия (мирное окончание поединка, начало наступления, бегство), и чаще сопутствуют эмоциональным высказываниям как героя, так повествователя. Также в группе А больше предложений, воздействующих на эмоции адресата (ободрение и оскорбление), в то время как в группе В больше предложений, которые сопутствуют выражению чувств самого говорящего (благодарности, горя). Наконец, в группе В предложение как средство убеждения может выступать в 12 качествах, а в группе А – в 9. Несомненно, большее разнообразие как функций, так и их модификаций связано, во-первых, с большим количеством предложений, представленных в соответствующих группах, а во-вторых, с характером сюжетных ситуаций, в которых они присутствуют: советы вождей, народные собрания требуют большей словесной изощренности, чем битвы.

Кроме того, на представленную нами картину распределения предложений по сюжетным ситуациям влияют и характеры героев, как говорящих, так и слушающих. Одиссей, который активно влияет своими советами на дальнейшее развитие действия, все предложения произносит на собраниях и только одну – на поле боя, причем, в момент принятия решения. Ахилл 5 предложений произносит на собраниях и во время переговоров и 4 – во время битвы; из 6 предложений Гектора 4 высказаны им прямо во время военных действий.

Итак, сложность связей между характерами и сюжетными ситуациями влияет на функции употребляемых в этих сюжетных ситуациях предложений. Чаще всего ($\frac{3}{4}$ от общего количества) предложения употребляются в «Илиаде» в роли средства убеждения.

В «Одиссее» мы наблюдаем совершенно иную картину. Здесь состав базовых сюжетных ситуаций более однороден, хотя они и отличаются друг от друга по своей функции: в ситуациях «Пребывание героя на родине» герои стараются восстановить status quo, в то время как их цель в ситуации «Пребывание героя на чужбине» – это возвращение домой у Одиссея и сбор сведений об отце у Телемаха.

Однородность ситуаций определила схожее их стилистическое оформление. В частности, это выражается не только в количестве предложений, которые встречаются в том или ином типе сюжетных ситуаций (60 для типа А и 62 для типа В), но и в полном совпадении их функций: 1. средство убеждения (36 и 28), 2. прояснение собственной позиции, необходимое для ясности речи (9 и 20), 3. комментарий к чужим поступкам (5 и 4), 4. выражение чувства (3 и 2), 5. композиционный прием (3 и 3), 6. выражение насмешки, оскорбления (2 и 1), 7. дидактическая функция (1 и 2), 8. резюмирующая функция (1 и 2).

По сравнению с группой А в группе В заметно сильное увеличение количества предложений, проясняющих позицию героя, и уменьшение количества предложений, служащих средством убеждения. И именно это связано с временной соотнесенностью содержания рассказа и момента речи. В «Одиссее» в рассказах о прошлом предложения чаще выступают в роли пояснения к неоднозначным фактам.

Сентенция как средство убеждения в сюжетных ситуациях группы А может выступать в 8 вариантах, в группе В – в 9. Несмотря на то, что вариантов для реализации функции «средство убеждения» в последней группе больше, чем в ситуациях А, поводы для использования сентенции в качестве средства убеждения здесь возникают реже, что, как и изменение функций, связано с тем, что главный герой, находясь на чужбине оказывается в более благоприятной обстановке, чем у себя на родине.

Подводя итог, можно сказать, во-первых, что основной функцией сентенции в гомеровском эпосе является функция средства убеждения³. Во-вторых, в «Одиссее» сентенция имеет иные функции, нежели в «Илиаде», и это связано в первую очередь с характером сюжетных ситуаций, заданных жанром каждой из поэм. Так, в «Одиссее», в отличие от «Илиады», сентенция практически не используется как средство эмоционального воздействия и выражения тяжелого чувства. Вытеснение из области применения сентенций эмоциональной сферы на фоне увеличения их количества и участия в сюжетных ситуациях иного типа компенсируется в «Одиссее» появлением у сентенции новых функций, таких как поясняющая и резюмирующая.

¹ *Томашевский Б.В.* Теория Литературы. Поэтика. М., 2001. С. 179–191, *Михайлов П., Михайловский Б.* Сюжет // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 11. М., 1939. Стлб. 140–151.

² Число в скобках указывает на количество сентенций, встречающихся в данной функции.

³ Как показала Т.Ф. Теперик, именно это свойство сентенции – способность играть роль средства убеждения позволило Аристотелю рассматривать сентенции как один из риторических приемов, и большинство примеров, которые он использует в Риторике во 2-й книге, были взяты именно из Гомера, см.: Теперик Т.Ф. Функция сентенций в трагедиях Софокла. Дисс.... канд.филол.наук. М., 1984.

Е.С. Цыпилева

Источники для реконструкции древнеримской паллиаты: попытка классификации (на примере комедий Невия)

За исключением комедий Плавта и Теренция, тексты других пьес, относимых к жанру паллиаты, дошли до наших дней в виде небольших и разрозненных фрагментов. Каждый из этих фрагментов представляет собой цитату и, таким образом, одновременно является частью цитируемого произведения (несохранившегося) и цитирующего (сохранившегося полностью или почти полностью). Как писал А.Ф. Лосев¹, структура предмета (и текста) есть его единораздельная цельность. Понимание предмета (и текста), поэтому, заключается в понимании отдельных его частей и того, как они соединяются вместе. В соответствии с этим, рассмотрение текста, содержащего цитату, с точки зрения его структуры и того, как, каким образом цитата встраивается в новый текст, позволяет лучше понять сам цитируемый фрагмент, оценить степень его достоверности и, в ряде случаев, выдвинуть предположения о его месте и значении в утерянном тексте. Иными словами, первый шаг при изучении фрагментов – это всегда изучение контекста, и даже шире, всего текста, внутри которого они сохранились. Покажем на примере фрагментов комедий Невия один из возможных вариантов такого изучения.

Всего до наших дней сохранилось около 135 фрагментов комедий Невия размером от одного слова до 5 стихотворных строк, которые приводятся в текстах 15 античных авторов. В тексте одного автора комедии Невия могут цитироваться от одного до тридцати раз. Количество цитат не связано, как можно было бы ожидать, со временем написания

цитирующего текста, но связано с его жанром. Так, все произведения, в которых комедии Невия цитируются более 2-х раз, несомненно, можно классифицировать как грамматические. Все остальные назовем пока условно неграмматическими (см. таблица 1).

Таблица 1.

Тексты, содержащие менее 2-х цитат из комедий Невия = Неграмматические источники	Тексты, содержащие более 2-х цитат из комедий Невия = Грамматические источники
Цицерон «О старости или Катон Старший»	Варрон «О латинском языке»
Авл Геллий «Аттические ночи»	Фест «О значении слов»
Фронтон, письма	Диомед, <i>Ars grammaticae</i>
Марк Аврелий, письма к Фронтому	Харисий, <i>Ars grammaticae</i>
Макробий «Сатурналии»	Ноний Марцелл, <i>De compendiosa doctrina</i>
Донат «Комментарий к комедиям Теренция»	Присциан, <i>Institutiones grammaticae</i>
Сергий «Комментарий к “Грамматике” Доната»	
Иероним, письма	
Исидор Севильский «Этимологии»	

К грамматическим источникам относится шесть произведений: два словаря, в которых объясняются значения редких слов и форм – *De verborum significatione* Веррия Флакка, дошедший до нас в извлечениях Феста и Павла Диакона, и *De compendiosa doctrina* Нония Марцелла; три грамматических учебника – *Ars grammaticae* Диомеда, *Ars grammaticae* Харисия и *Institutiones grammaticae* Присциана; сочинение Варрона *De lingua Latina*. Во всех этих сочинениях цитаты из комедий Невия приводятся ради объяснения значения и происхождения слов или их форм, либо в качестве доказательства существования в латинском языке тех или иных слов и их форм. Таким образом, при цитировании авторов интересует то, как написан приводимый ими текст, какие слова и формы он содержит.

К неграмматическим источникам нами было отнесено 9 произведений: трактат Цицерона «О старости или Катон Старший», «Аттические ночи» Авла Геллия, «Сатурналии» Макробия, письма Фронтонна, Марка Аврелия и Иеронима, «Этимологии» Исидора Севильского и два комментария – Доната к комедиям Теренция и Сергия к «Грамматике» Доната. Последние два сочинения попали в эту группу ошибочно: во-первых, по своему жанру это грамматические сочинения, а во-вторых, в них цитаты из комедий Невия приводятся не для красоты слога, а в качестве примеров существования определенных грамматических конструкций (Донат) или употребления наречия *admodum* (Сергий). Во всех же остальных произведениях цитаты из комедий Невия приводятся ради их содержания: в качестве некоего остроумного высказывания, необходимого для подтверждения мысли автора, или свидетельства о реалиях. Особый случай представляет сочинение Авла Геллия «Аттические ночи». Как известно, это произведение является *miscellanea*, собранием кратких эссе на самые различные темы, никак не связанные между собой. Именно этим и можно объяснить то, что в одном случае Авл Геллий цитирует комедию Невия при объяснении значения глагола *rescire* (Gell. II 19, 6), а в другом – при

рассмотрении различных исторических свидетельств о распутной молодости Сципиона Африканского (Gell. VII 8,4).

Итак, рассмотрение цитирующих текстов вынуждает нас внести ряд изменений в предложенную ранее классификацию. В соответствии с причинами, побуждающими авторов цитировать комедии Невия, все цитирующие тексты можно разделить на две группы: на те, в которых цитаты приводятся ради их содержания, и на те, в которых цитаты приводятся ради рассмотрения их языка (см. таблица 2).

Таблица 2

Тексты, в которых цитаты приводятся ради их содержания	Тексты, в которых цитаты приводятся ради их языка
Цицерон «О старости или Катон Старший»	Варрон «О латинском языке»
Авл Геллий «Аттические ночи» VII 8, 4	Авл Геллий «Аттические ночи» II 19, 6
Фронтон, письма	Фест «О значении слов»
Марк Аврелий, письма к Фронто	Диомед, <i>Ars grammaticae</i>
Макробий «Сатурналии»	Харисий, <i>Ars grammaticae</i>
Иероним, письма	Донат «Комментарий к комедиям Теренция»
Исидор Севильский «Этимологии»	Ноний Марцелл, <i>De compendiosa doctrina</i>
	Присциан, <i>Institutiones grammaticae</i>
	Сергий «Комментарий к “Грамматике” Доната»

М.И. Касьянова

О соотношении сюжета и фабулы в I песне поэмы Нонна Панополитанского «Деяния Диониса»

Вопрос о сюжете и фабуле, и, более широко, о композиции поэмы Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» является одним из наиболее спорных. Написавший свою поэму на стыке античности и Византии, «в эпоху широчайшего синкретизма <...> в науке, философии, религии <...> искусстве и <...> литературе»¹, Нонн имел в распоряжении более чем тысячелетнюю традицию античной литературы и сознательно использовал в качестве образцов и Гомера, и трагиков, и эллинистических поэтов, и авторов романов. Синкретизм и пестроту – эти главные особенности своего стиля – Нонн отмечает и сам. В самом начале «Деяний Диониса» он называет свою поэму «*poikilos hymnos*», то есть гимном «пестрым», или «искусным, всевозможным, покрытым изображениями», как предлагает переводить слово «*poikilos*» А.В. Захарова². Эта пестрота, пойкилия, указанная Нонном, является главным принципом организации текста «Деяний Диониса» и проявляется на всех уровнях текста, в том числе, и на уровне его композиции.

¹ История греческой литературы: В 3 т./ Под. ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. М., 1960. С. 138.

Об одном из таких сложных и «пестро» организованных с точки зрения композиции мест поэмы, в котором содержится не вполне ясное сюжетное противоречие,

и пойдет речь ниже.

В первых двух песнях поэмы параллельно развиваются две сюжетные линии, которые затем сливаются в одну. Фабула первой сюжетной линии такова: Зевс в образе быка похищает Европу из Сидона и везет ее на Крит (46–136). Сойдясь с Европой, он возвращается на Олимп, где возлежит на ложе с богиней Плуто, оставив при этом без присмотра свои перуны. Этим небрежением пользуется Тифон. Зевс узнает, что его перуны пропали и просит Кадма, блуждающего среди гор в поисках Европы, о помощи. Тот с помощью хитрости обманывает Тифона и помогает Зевсу вернуть перуны.

Вторая сюжетная линия посвящена Кадму. Пока Зевс плывет с Европой на Крит, Кадм из Сидона отправляется на поиски Европы. Когда Зевс привозит Европу на Крит, о Кадме сообщается, что он пребывает среди неких Аримов (321). Когда же Тифон похищает у Зевса перуны (138–144), т.е. уже намного позже того, как Зевс оставил Европу и вернулся на Олимп, Нонн вдруг сообщает о Кадме, что тот только пришел (elthe 140) к пещере Аримов. То есть, если изложить события в их хронологической последовательности, Кадм, согласно Нонну, сначала «пребывает», находится у Аримов, и только потом к ним приходит. Затем Зевс просит Кадма о помощи и тот обманывает Тифона и помогает Зевсу.

Чтобы попытаться объяснить это сюжетное противоречие, необходимо вернуться к изложению событий еще раз, однако теперь следует рассмотреть их не в хронологической последовательности, а так, как они появляются в тексте поэмы.

Итак, Зевс похищает Европу и та плывет на спине быка, сожалея о своей судьбе. Оставляя Европу сидящей на быке, Нонн перебивает повествование рассказом о Кадме, говоря что *hothen*, «откуда», т.е. из Сидона, скиталец Кадм пришел в кровавую пещеру Аримов, когда (*eute*) неистовствующие горы сотрясают ворота несокрушимого Олимпа. Происходит это бедствие на Олимпе потому (*gar*), что когда Зевс возлежал на ложе с Плуто, Тифон похитил у Зевса перуны. С момента упоминания о Тифоне, время в поэме начинает развиваться ретроспективно. Назвав Тифона, Нонн останавливает повествование и рассказывает о том, как Тифону удалось захватить оружие Зевса. Происходит это, как уже было сказано, когда Зевс находится на Олимпе с Плуто, а, между тем, несколько строк назад, Нонн оставил Зевса в образе быка, плывущим с Европой на Крит (I, 137). Таким образом, между началом битвы Зевса и Тифона и последним сообщением о Зевсе и Европе, которые еще даже не приплыли на Крит – большой временной промежуток. Изложив историю с похищением перунов и показав страшные картины мировой катастрофы, Нонн возвращается к Кадму. Он во второй раз сообщает, что тот находится у Аримов (321). Однако теперь, Нонн уделяет Кадму только одну строку, оставляет Кадма и возвращается к эпизоду с Зевсом, который в образе быка везет Европу на Крит. При этом это повествование начинается не с того момента, где Нонн в последний раз оставил Европу (то есть плачущую на спине быка), но ведется уже с более позднего времени, когда бык с Европой на спине уже прибыл на Крит (322). Грамматически переход от рассказа о Кадме к истории о похищении Европы оформлен с помощью союзов *ofratofra*, что говорит об одновременности действий, а имперфект глагола *erefoitee* («пребывал» у Аримов) указывает, что действие длительное. То есть пока Кадм пребывал у Аримов, бык привез Европу на Крит. Как было уже сказано раньше, с точки зрения хронологии этого быть не может, так как известно, что Кадм пришел к Аримам только тогда, когда Зевс уже начал воевать с Тифоном.

² Захарова А.В. Лексика и символика «пестроты», «неустойчивости» и «отображения» в поэзии Нонна Панополитанского. Дис.... канд. филол. наук. М., 1997; Захарова А., Торшилов Д. Глобус звездного неба. Поэтическая мастерская Нонна

Панополитанского. СПб, 2003.

Закончив изложение эпизода с Европой сообщением о помещении на небо быка в награду за то, что он привез Европу, Нонн теперь переносится далеко вперед и предсказывает, что Тифону осталось недолго владеть перунами Зевса (362–363), и только затем, уже в третий раз, сообщает о странствующем Кадме (365). Только тогда, уже не прерываясь, он ведет речь о помощи Кадма Зевсу в борьбе с Тифоном. Это предсказание о скором поражении Тифона с точки зрения времени меняет восприятие всего последующего рассказа о помощи Кадма. Исходя из этого предсказания, уже известно, что Зевс скоро вернет себе перуны, следовательно, весь дальнейший рассказ – это своего рода ретроспекция, взгляд назад, на то, что уже известно. Поэтому и грамматически повествование о помощи Кадма в битве с Тифоном вводится с помощью *gar* (Тифону более не суждено было владеть оружием Зевса, потому что (*gar*) Зевс Кронид с лучником Эротом...).

Эту сложную систему ретроспекций, включающую хронологическое несоответствие, можно попытаться объяснить с помощью закона о хронологической несовместимости Ф.Ф. Зелинского, который А.Ф. Лосевым был назван «древнейшей стилевой основой эпоса»³. Согласно этому закону в классическом эпосе рассказ «никогда не возвращается к точке своего отправления»⁴. Этим законом, во-первых, объясняется тот факт, что Нонн, рассказывая о Европе, возвращается не к той точке, в которой он первоначально оставил Европу, то есть на спине быка, но начинает излагать всю историю с того момента, как Зевс и Европа уже прибыли на Крит.

Один из вариантов действия закона хронологической несовместимости заключается в том, что «при изображении действий на различных театрах действие на театре А доводится до того пункта, где оно обращается в “пребывание”, после чего поэт переходит в театру В ит.д.»⁵. Таким образом и Нонн, говоря о прибытии Кадма к Аримам, обращает это прибытие в «пребывание», на что указывает и появляющийся во втором упоминании Кадма глагол *erefoitee*. Ведь «правильное» с точки зрения хронологии развитие событий даже в ретроспективном (как происходит у Нонна) изложении по закону хронологической несовместимости становится невозможным для Нонна. Сообщив о прибывшем к Аримам Кадме и сообщив о начале борьбы Зевса и Тифона, Нонну теперь, чтобы вернуться к эпизоду с похищением Европы, необходимо сообщить и о том, где находился Кадм в то время, как Зевс с Европой прибыли на Крит. По указанному закону, Нонн не может излагать два происходящих в одно и то же время эпизода параллельно. Поэтому он вынужден просто «остановить» время действия поэмы и «растянуть» момент «пребывания» Кадма у Аримов на время эпизода с прибытием Зевса и Европы на Крит. Этим объясняется и использование союзов *ofra-tofra* при соединении этих двух эпизодов.

Таким образом, кажущееся на первый взгляд хаотичным прерывание и чередование нескольких связанных друг с другом эпизодов представляет собой последовательную систему ретроспекций, построенную на основе закона о хронологической несовместимости. Сама же организация сюжета таким образом, когда потребовалось сложное чередование эпизодов, излагающих события, происходящие параллельно, отвечает главному принципу построения текста «Деяний Диониса» – принципу пойкилии, где прерывистость повествования и отсутствие формальных переходов от эпизода к эпизоду призваны создать у читателя ощущение пестроты и разнообразия действия.³ Лосев А.Ф. Гомер. М., 1996. С. 170.

<...> которые образуют в нем жизнь духовную, т.е. умственную и нравственно-разумную. На какой бы низкой стадии развития ни стоял человек, он всегда будет проявлять заложенные в основе его существа способности, и мы не можем встретить такого человека, даже среди дикарей, у которого бы по временам не появлялось бы хотя бы самых слабых проблесков нравственного сознания. Но если развитие умственных способностей и достижение при его посредстве нравственного и материального благополучия – удел немногих, то совесть (или нравственный закон) является одинаково принадлежностью каждого человека, и ее определения действуют <...>

<...> являясь опорой его слабым и неокрепшим силам; совесть побуждает взрослого человека служить на пользу общества и является звездой-путеводительницей всей его семейной и общественной жизни; наконец, совесть, только она одна, доставляет удовлетворение старику, возбуждая в нем сознание важности и пользы совершенных им при жизни поступков. Только ею одною держится человеческая жизнь.

Столь великое значение совести для человека делает необходимым, и в то же время весьма интересным, более глубокий анализ ее, чем это требуется в практической жизни. На самом деле, каково происхождение этой <...>

<ре>бенка или у дикаря проявляется так, как у культурных людей, то это указывает лишь на то, что совесть есть нечто постепенно развивающееся. Теория эволюционной этики может быть справедливой только в том случае, когда развитие нравственных понятий предполагает готовыми налицо элементами морального сознания. Начала же нравственных понятий, проявляющиеся хотя бы в виде сознания приличности или искренности известных поступков, или в виде благоговения перед доблестными подвигами соотечественников свойственны и детям и дикарям. Мы не ошибемся, если скажем, что нравственность – продукт <...>

<...> действий животного.– Это признание врожденности в человеке нравственных постулатов требует и признания неосновательности тех философских соображений, которые возводят пользу и удовольствие в *принцип* нравственного суждения о совершаемых поступках. Мы говорим о двух философских учениях о совести – об евдемонизме и утилитаризме. Ни то ни другое учение не может удовлетворить человека, потому что человек – существо нравственно-разумное. Напрасно Спиноза тщился доказать, что нравственно то, что полезно, и то, что бесполезно, – безнравственно. Всякий, хотя несколько развившийся в отношении нравственных понятий человек, будет утверждать, что, если принять утилитаризм, <...> все равно, что оставить учение утилитаристов и перейти на почву этики идеалистической. Из трех главнейших систем морали последнее, по-моему, есть учение наиболее близкое к истине. Главное, что идеальное следование этому учению исключает даже возможность тех страданий, которые доставляются т<ак> н<азываемыми> «угрызениями совести». Учение, проповедующее духовное совершенствование и считающее за цель нравственного развития не «пользу» и не «удовольствие», а высшее духовное благо, есть то, чему учит Христос и что является сокровенным желанием нашего сердца. Поборником идеалистической этики является в современной философии отчасти Паульсен, но главным образом <...> В. Вундт. По его учению, благо <...> удовольствие потому, что оно есть благо.

Однако какое же отношение к нашей теме имеет рассмотрение моральных систем, евдемонизма, утилитаризма и идеалистической этики?– Нам это нужно для определения условий, под действием которых человек *может* сказать: «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!» Странники трех вышеуказанных систем морали отнесутся к такому восклицанию различно. Утилитаристы и евдемонисты, за исключением тех только из них, которые под удовольствием и пользой понимают не одно материальное удовлетворение,

сочтут вероятно подобное признание за ложь. Искренно его произнести может только человек, придерживающийся теории идеалистической этики, независимо, разумеется, от того, сознательно или бессознательно он будет следовать правилам последней.

Таким образом, главным условием возникновения сознания собственной вины, сознания, в котором бы не противоречили друг другу сердце и ум, является уверенность в необходимости совершения добрых поступков ради них самих, уверенность в независимости от внешних условий проявлений нравственно-разумного существа в человеке. Только при этом условии можно истинно сокрушаться в своих грехах, только при нем можно переживать настоящее чувство удовлетворения после добрых дел.

Итак, человек с нечистой совестью жалок. Но что значит, в данном случае, быть жалким человеком?— Это значит постоянно иметь у себя в уме сознание дурного поступка и ненавидеть себя за его совершение; это значит быть палачом самого себя и презирать свою жизнь, как глупую шутку, где зло всегда является победителем; это значит сознавать свой вред для общества и считать себя худшим самого последнего его члена; это значит завидовать нищему, который, оставаясь голодным и не одетым, пользуется правом смело смотреть каждому в глаза; это значит, наконец, оставаться заблудшим сыном Отца, на любовь Которого отвечает самым низким свойством своей человеческой природы — проявлениями темной склонности ко злу. Насколько такие люди действительно жалки, это показывают нам великие художники слова: Шекспир своим Макбетом, Алексей Толстой Иоанном Грозным, Пушкин Борисом Годуновым.

Проникая глубже в психику человека с нечистой совестью, мы прежде всего находим, что такой человек жалок вследствие постоянного воспоминания о дурном поступке. Как бы низко человек ни стоял по нравственным понятиям, его сердце всегда остается более или менее чутким, и он всегда способен различать доброе от злого. Даже самый закоренелый преступник и тот отлично знает, что такое добро и что такое зло, а если он и преступник, то только потому, что для него добро и зло имеют одинаковую ценность. Вследствие же этого человек, не привыкший к таким поступкам, которые вызывают страшные угрызания совести, и совершивши преступление однажды, укоряет себя за то, что в данном случае он не приложил своей воли для предупреждения злого поступка. Он знает, что мог бы поступить иначе, знает и то, что у него была для этого возможность, однако он употребил во зло свободу своей воли и сделался потому рабом своего низкого чувства. Вот эта-то уверенность, что в данный момент он мог поступить и не противореча требованиям нравственного долга, и есть главный источник того искреннего чувства, которое мы называем «угрызением совести». Таким образом, психология воспоминания о совершенном преступлении, воспоминания, являющегося главным источником страданий, которые делают человека жалким, черпает свое содержание из теории свободы воли. Это мы можем проверить сейчас же на Б. Годунове. Человек, безусловно обладающий большим государственным талантом (что признается и историей), с сильной волей и блестящим умом, мог бы принести пользу государству, даже не имея на голове «шапки Мономаха». Мало того, не совершивши преступление и оставшись главным советником государя, он был бы неизмеримо *больше* и отечеству полезен, и сам себе приятен. «Кровавые мальчишки» не беспокоили бы его воображение в течение многих лет, народ бы был им доволен, да главное и совесть оставалась бы чистой. Однако властолюбие нарушило духовную цельность Годунова и его природную доброту, которая делала его раньше и любящим отцом, и замечательным человеком, и справедливым судьей. Потеряв же под собою нравственную почву, он сознательно направил свою волю к достижению престола, и благодаря этому не задумался даже перешагнуть через труп невинного младенца. А раз совершивши преступление, он стал катиться вниз, в темную пропасть непростительных заблуждений, жестокости,

несправедливости и настоящего злодейства. Здесь Годунов жалок не только в смысле «низок», но жалок в смысле «достойный сострадания». Итак, нечистота совести делает жизнь человека невыносимой. Он как бы теряет прежнюю чувствительность к злым поступкам и начинает совершать их уже более свободно. Это же влечет за собой еще большие страдания, которые в результате являются причиной окончательной гибели человека, если, конечно, раскаяние его не введет раньше течение духовной жизни в ее обыкновенную колею.

Но, продолжая дальше психологический разбор душевного состояния человека, у которого совесть нечиста, мы находим еще один фактор, делающий его жалким и несчастным. Дело в том, что к чистым угрызениям совести примешивается еще *сожаление* относительно совершенных поступков. Психология строго различает угрызение совести и сожаление. Первое имеет место потому, что у нас есть совесть, второе же <—> вследствие того, что нам присуще стремление к личной пользе. Борис Годунов мучается не одними угрызениями совести. Его беспокоит то, что против него поднялось общественное мнение. Он переносит страдания не только во имя чистоты совести, но также и вследствие того вреда, который доставляется ему общественным судом. Эти страдания не относятся к совести, но они обязаны своим происхождением нечистоте последней. Народ не хочет иметь на престоле цареубийцу, ему не дороги все заботы о нем Годунова, и он готов свалить на своего «избранника» всякую вину. И народ отчасти прав; он не может смотреть теперь на Годунова прежними глазами, и, по его мнению, если Борис не остановился перед таким страшным преступлением, как убийство младенца, то он не в состоянии и впредь удержаться от подобных же поступков. И ожидания народа оправдываются. Борис увидел, как смотрит на него народ, и ему со злобой приходится сознаться:

«Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже».

Но в этом виноват не народ, а его запятнанная совесть. Благодеяния коварного злодея не нашли себе отклика в народной душе. Даже больше того, народ как бы сам желает отомстить ему за царевича Дмитрия. Это символически изображено Пушкиным в сцене с Пименом. Здесь устами Пимена говорит сама народная совесть:

«О, страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили!
Владыкою себе цареубийцу

Мы нарекли». И из кельи монаха выходит самозванец. Такое отношение народа, конечно, еще больше делало Бориса жалким и несчастным. Отвергнутый своею совестью, он отвергается и окружающими людьми. Народ не дорожит его гуманностью; его обвиняют в смерти жениха Ксении; он ускорила кончину Федора; он уморил свою сестру-царицу... «Все я!»... , говорит Борис, и это «все я» вместе с постоянным воспоминанием о «едином пятне» на совести заставляет его произнести следующие, полные трагизма и ярко рисующие его, как жалкого человека, слова отчаяния: «Как язвой моровой

Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком, стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста».

Пять раз в трагедии появляется Борис Годунов на сцену, и каждое его появление навеивает какое-то тягостное, тревожное чувство. С первых его слов – «Ты, отче патриарх, вы все, бояре»... и кончая последними, так и кажется, что у него на душе совсем не то, что на языке. Рядом с той сценой, где Борис произносит свою

речь перед вступлением на престол, речь, будто бы полную мира и любви, были слышны смех и шутки из народной толпы, которая, по меньшей мере, оставалась безучастной, тут же слышатся и злобные замечания Шуйского. Но настоящим жалким человеком Борис является во второй и в третий раз, где окончательно обрисовываются темные томления его мятущейся души. Будучи несчастливым, как царь, порвавши дружбу с народом и озлобивши бояр, которые при вести о Самозванце почувствовали свою скрытую до тех пор силу, Борис не больше пользуется счастьем и в личной, духовной жизни. Он дорого заплатил за престол. Теперь уж его «ни власть, ни жизнь не веселит»; он теперь не умен, а суеверен; не добродушен, а жесток. Его давит своею тяжестью столь желанная им «шапка Мономаха», патриарх своей доброй речью не успокаивает, а только надрывает наболевшие раны в его груди. Никто его не понимает, никто не может и помочь.

«Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый; эта ведьма,
От коей меркнет месяц, и могилы

Смущаются и мертвых высылают», эта совесть, наконец, губит Бориса, в продолжение тринадцати лет сносившего ее удары.

Выше мы определяли условия, при которых возможно настоящее сознание вины, «угрызения совести». Мы нашли, что главным таким условием является идеалистическое понимание нравственности; теперь же, убедившись в этом на ярком примере, мы можем определить и точнее, когда могут возникать угрызения совести по поводу совершенного преступления. Совесть может заговорить и подействовать искупляюще только у того человека, который признаёт за своими нравственными принципами религиозную санкцию.

Пример Бориса Годунова слишком ярок в этом отношении, чтобы нам долго останавливаться на разъяснении неразрывности истинной морали с религией. Если та сцена в трагедии, где Борис является в последний раз, содержит в себе нечто примиряющее, то это только благодаря тому, что Борис был христианином. Он бессознательно поступает так, как поступает теперь сознательно сторонник идеалистической этики, или, проще говоря, сторонник христианской морали. Разумеется, здесь мы не можем останавливаться на доказательствах того, что настоящая нравственная жизнь может быть только при условии веры в Провидение, Которое премудро ведет мир к осуществлению универсальной нравственной цели. Однако мне думается, что пример Бориса Годунова может красноречивее многих доказательств сделать очевидной истинность того положения, что нравственный человек не может не быть религиозным. Отнять у совести религиозную санкцию – все равно, что превратить отношения между людьми из нравственных в юридические. Это доказано Пушкиным с поразительной убедительностью.

Примечания

Данная гимназическая работа А.Ф. Лосева публикуется впервые по рукописи, сохранившейся в архиве философа. Первые листы ученической тетради с текстом сочинения дошли до нас со значительными механическими повреждениями, поэтому начало работы имеет многочисленные лакуны (переданы при публикации знаком <...>). Заглавие было также повреждено и восстановлено по содержанию. Нет и точной датировки, обычно сопровождавшей другие сочинения Алексея Лосева. Можно предположить, что работа относится к 1910–1911 годам, т.е. ко времени учебы автора в выпускном классе Новочеркасской классической гимназии.

Кроме цитат из «Бориса Годунова», Лосев использовал также стихи из «Скупого рыцаря» А.С. Пушкина: «Когтистый зверь, скребущий сердце...». В кратком обзоре основных этических теорий, с которых Лосев начинает свое сочинение, упомянуты:

евдемонизм (эвдемонизм), рассматривающий основным стремление человека к счастью (от греч. eudaimonia – счастье) и разрабатываемый еще со времен античности в различных направлениях; *утилитаризм* (от лат. utilitas – польза), зародившийся в эпоху Возрождения и развиваемый в Новое Время рядом мыслителей; *идеалистическая* этика, фактически отождествляемая здесь с этикой христианской. Отметим как немаловажный и вряд ли случайный тот факт, что за пределами рассмотрения оставлена этика *категорического императива* И. Канта.

В лосевском сочинении есть две пометы гимназического педагога, сделанные синим карандашом: напротив слова «мучается» строгая ремарка «Провинциализм!», а заключает работу итоговое – «Прекрасное сочинение. 5».

Публикация А.А. Тахо-Годи, подготовка рукописи к публикации и примечания В.П. Троицкого

Наши публикации

В.В. Емельянов

Значение «Истории античной эстетики» для исследования философии и культуры Востока (реплика на круглом столе IV Философского конгресса)

В духовном облике А.Ф. Лосева отчетливо различаются четыре составляющие: филолог-классик, русский религиозный философ, писатель и культуролог. Как филолог-классик, Лосев известен своими переводами греческих философских текстов и трудами по сравнительному языкознанию. Но в этой области можно назвать и другие, не менее почтенные имена, вполне конгениальные Лосеву. Как русский религиозный философ, он оказался потомком и наследником предыдущих поколений. Ко времени его философского расцвета метафизика всеединства не могла развиваться в России по политическим причинам, поэтому философские работы Лосева во многом остаются достоянием истории философии. Лосев-писатель был современником ярких литературных талантов Серебряного века и во многом находился под их влиянием. Но Лосев-культуролог в двух своих модификациях – философ и историк культуры – далеко обогнал свое время. Его идеи в этой области открывают целое направление, и именно здесь Лосев понастоящему начинает быть нужен всем гуманитарным наукам наступившего столетия. Можно сказать, что к этой главной своей ипостаси Лосев с течением времени стянул и все другие таланты, – талант философа, филолога и писателя. Его подлинным открытием стало систематическое исследование и моделирование европейских типов культуры – античности, средневековья и Возрождения. Его главными культурологическими трудами стали «Очерки античного символизма и мифологии» (1930) и многотомная «История античной эстетики» (далее – ИАЭ; 1963–1994). В этой реплике речь пойдет о том методологическом примере, который подает ИАЭ востоковедам, изучающим категории восточных культур.

В ИАЭ можно увидеть три составляющих лосевского культурологического метода. Во-первых, это филолого-лингвистический анализ категории с позиций классической филологии, этимологии и теории литературы. Здесь нужно различать такие моменты анализа, как:

- а) анализ всех трудностей и ошибок в интерпретации термина учеными прошлого; б) установление этимологии термина и родственных ему слов в индоевропейских языках; в) установление семантического поля термина в греческом языке различных эпох и диалектов; г) рассмотрение

термина как предфилософской категории в мифо-эпической традиции; д) анализ художественных тропов, в состав которых входил данный термин; е) анализ употребления термина в философском языке и образной системе конкретного автора.

Во-вторых, это философско-диалектическое осмысление категории с конечным ее определением для данного этапа истории философии. В-третьих, это художественное осмысление философской категории или личности философа с помощью литературных приемов. Но над всей этой частной методологией видна более общая и значительная идея – идея понимания культуры как общности и как типа.

Для Лосева всякое явление может рассматриваться только диалектически – то есть одновременно как часть породившего его целого и как уникальный по своим свойствам феномен. Но и целое, и феномен Лосев воспринимает всегда диахронически, и в этом уникальность его позиции. Целое способно к движению так же, как и любая его часть, поэтому состояние «целого» в одну историческую эпоху неизбежно должно отличаться от его состояния через некоторое время. Методология Лосева-культуролога имеет своей целью «типологию и конкретную выразительную морфологию» культурно-исторических типов. Для нее характерны определения культуры, философии культуры, типа культуры и как частный случай – античного типа культуры. Согласно Лосеву, «культура есть предельная общность всех основных слоев исторического процесса (экономических, социальнополитических, идеологических, практически-технических, ремесленных, научных, художественных, моральных, религиозных, философских, национально-народных, бытовых)»¹. Философия культуры в понимании Лосева есть «постановка и решение проблемы о том, а) как соотносятся между собою отдельные слои исторического процесса, б) как они все вместе относятся к их предельной обобщенности, то есть к их исторически обусловленному и каждый раз специфически доминирующему первопринципу, в) как этот первопринцип данной культуры относится к первопринципам других, хотя бы ближайших, культур, г) как необходимо характеризовать все слои исторического процесса в свете этого первопринципа»². Тип культуры он определяет как «систему взаимных отношений всех слоев исторического процесса данного времени и места. Эта система образует неделимую целостность в качестве определенной структуры, которая наглядно и чувственнопредметно выражает ее материальную и духовную специфику, являясь основным методом объяснения всех слоев исторического развития — как в их теоретическом противопоставлений, так и в их последовательно-историческом развитии»³. Тип античной культуры по Лосеву «есть предельная обобщенность природно-человеческой телесности в ее нераздельности с ее специфически жизненным назначением»⁴. Античный культурный тип характеризуется следующими основными чертами:

1 *Виртуальный эйдологизм.*

2 *Чувственно-материальный космологизм.*

3 *Диалектика.*

4 *Рассудочный восторг, или восторг рассудка.*

5 *Вечное возвращение.*

6 *Аисторизм.*

7 *Героизм и судьба, или скульптура и фатализм*⁵.

¹ Лосев А.Ф. Философия культуры // Лосев А.Ф. Держание духа. М., 1989. С. 218–219.

² Там же. С. 233.

³ Там же. С. 219–220.

⁴ Там же. С. 220.

⁵ Там же. С. 233–236.

Казалось бы, в этом конечном определении античной культуры дано максимальное обобщение античности в ее парадигме. Но Лосев видит еще дальше. Он понимает, что и сама античность является только частью того культурного мегатипа, который сложился в древнем мире во II–I тыс. до н.э. Этот культурный мегатип имел в своем историческом развитии две модификации, которые отчетливо названы уже в книге «Античная мифология в ее историческом развитии» (1957) и еще раз определены в последнем томе ИАЭ. Это эстетика хтонизма и эстетика героизма. Первая характеризуется торжеством земного, женского, хаотического начала, преобладанием чудовищ, связанных с культом Матери-Земли. Это общинно-родовая эстетика. Вторая названа олимпийской эстетикой. Она возникла в результате борьбы богов-героев с хтоническими чудовищами и имеет своей основной идеей стройный космический порядок. Это эстетика аристократическая и рабовладельческая⁶. От этого предельного чувственно-материального космоса пролегает долгая дорога к антропологизму и персонализму раннего христианства, которое порождает уже третью эстетику – эстетику преодоленной телесности. Такую эстетику (римскую, византийскую и древнерусскую) можно назвать монашеской (у нас ее изучал, главным образом, В.В. Бычков).

Для Лосева прежде всего существуют исторически обусловленные мегатипы культуры⁷, которые, в свою очередь, состоят из локальных типов. Каждый локальный тип культуры порождает свой набор предфилософских категорий, который, однако, согласуется с набором всех других категорий в рамках данного мегатипа. Каждая предфилософская категория, еще принадлежа мифологии, потенциально способна стать философской и использоваться при построении метафизики любого вида⁸. Став же философской категорией, она приобретает различные оттенки, связанные с ее употреблением в речи конкретного автора, и дальше она уже зависит от его уникальной и неповторимой поэтики и стилистики. Однако все философские категории обязательно согласуются со всеми другими в рамках данного локального типа культуры. Такой целостный взгляд на историю культуры, как бы с высоты птичьего полета или с позиции той высшей силы, которую неоплатоники называли Единым, предопределяет и саму структуру многотомной ИАЭ.

Стройная культурологическая методология Лосева, удивительно прогрессивная в своей основе, берет начало в философии положительного всеединства, где мир рассматривается как единство Единого и Многого и где каждая вещь является вестью о породившем ее Целом. Именно поэтому для Лосева оказались неприемлемы изоляционизм О. Шпенглера или этнологизм А. Тойнби. Если над всяким единичным, партийно-групповым или национальным началом возвышается нечто более общее и значительное, если мир представляет собой диалектическое единство материального и идеального, – нет никакого смысла выводить законы мироздания из чего-то, что будет отличаться от мироздания по масштабу. Если классовая борьба есть только частное проявление культуры в определенное время – абсурдно выводить историю человечества во все века из классовой борьбы. Если древний мир не знает борьбы наций – ошибочно говорить о вечности национальных различий.

⁶ Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 43–100; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Ч. 2. М., 1994. С. 347–348.

содержанию и хтоническое по эстетическому содержанию, классическое как рабовладельческое и героическое, послеклассическая эпоха – разложение героизма и переход к средневековью. Еще одно обоснование такого членения античной культуры см.: Лосев А.Ф. Античная философия и общественно-исторические формации // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 398–452. О попытках культурологов вычленивать мегатипы культуры см. мою статью: Емельянов В.В. Три эры (история и перспектива культурологической идеи) // *Asiatica*. Труды по философии и культурам Востока. Вып. I: К 50-летию со дня рождения профессора Е.А. Торчинова. СПб., 2005. С. 5–18.

⁸ Например, кит. Дэ или др.-инд. Дхарма. См.: Универсалии восточных культур. М., 2001. С. 328–331, 403–404.

В своей методологии Лосев предстает абсолютным гуманистом, преодолевающим множество различий и противоречий с помощью правильного представления о месте человека и человеческого общества в истории. Но интересно, что такое представление оказывается возможным только на основе философии положительного всеединства, т.е. общая методология научного исследования строится вовсе не на научном, а на религиозно-философском основании.

Метод ИАЭ должен послужить маяком для исследователей восточной философии и предфилософии.

В связи с этим, во-первых, нужно попытаться определить степень универсальности предложенных Лосевым характеристик античного типа культуры. Для этого необходимо найти оппозиции к этим характеристикам и задать к определениям Лосева вопросы уточняющего характера. Если для античности характерны эйдологизм, космологизм, аисторизм, диалектика, рассудочный восторг, вечное возвращение, героизм и фатализм, то должны существовать культуры с присущими им противоположными чертами. Например, оппозицией космологизму (Греция, Индия) должен быть антропологизм (Рим), оппозицией рассудочному восторгу – эмоциональный восторг (Шумер), оппозицией аисторизму (Греция, Индия) – историзм (Египет, Китай, Израиль), оппозицией вечному возвращению (Шумер, Греция) – представление о линейном времени (Вавилон, Израиль). Должны существовать оппозиции и эйдологизму, и диалектике. Оппозицией героизму в системе самого Лосева является хтонизм. То есть, должна быть разработана таблица категорий, при помощи которых может характеризоваться любой тип культуры. Для востоковедения такого рода типизация имела бы большое значение.

Во-вторых, отталкиваясь от специфики изученного Лосевым материала, следует определить специфику восточной мысли. В отличие от античности, восточные философские категории рождались из ритуально-мифологических конструкций, непосредственно связанных с календарными и иными ритуалами. И первым этапом развития мышления в этих обществах нужно признать синкретическое действо, в котором слово было только составной частью и не сопровождалось рефлексией. На втором этапе появляется мифологическое комментирование ритуала как в форме литературных текстов, так и в форме специальной комментаторской литературы. На третьем этапе возникает философская традиция, в которой категории по-разному применяются различными школами и авторами⁹.

⁹ Там же. С. 14–41.

В-третьих, интересным примером частичного применения лосевского метода (хотя А.Ф. Лосев и не упомянут в данном издании) является сборник «Универсалии восточных культур» (М; 2001). В его теоретических статьях дан обзор важнейших категорий каждой национальной культуры Востока (они названы здесь культурными универсалиями), а в

справочной части даны словарные статьи по каждой категории, в которых указан ее буквальный перевод, связь с ритуалом, употребление в мифологии и основные значения в философских текстах. Но, в отличие от ИАЭ, мы не видим подробного филологического анализа категории, ее рассмотрения в исторической динамике и попытки ее современного философского осмысления (исключением является только статья А.В. Смирнова¹⁰). И самое главное – анализ частных философских категорий не переходит в этом сборнике в определение характерных черт типа данной культуры, не говоря уже об определении черт культуры в масштабе породившего ее исторического мегатипа.

Основной задачей культурологов, изучающих историю философии, как западной, так и восточной, должно стать выявление и определение основных черт мегатипа культуры, иначе называемого исторической эрой. Для каждой эры характерна своя система ценностей, своя религиозно-нравственная идея, свой тип хозяйственной деятельности, свои формы теоретической мысли и искусства. Современные исследования древнего мира показывают, что в своем определении эстетики хтонизма как общинно-родовой и матриархальной Лосев был прав только отчасти. Сопоставление греческих мифов типа «Теогонии» с хурритскими, вавилонскими, угаритскими мифами II–I тыс. приводит к выводу, что все эти мифы отражают борьбу единоначальных лидеров со своими родственниками и с авторитетом родовой общины. Такая борьба прослеживается повсюду начиная со второй половины II тыс. до н.э.¹¹ Героическая же (по Лосеву) эстетика является выражением повсеместного в древнем мире (Ассирия, Персия, Индия, Греция, Рим) перехода общества от общинного города-государства к единоначальному государству имперского типа, с сильным выделением эстетического начала, с предпочтением гармоничного и пропорционального ужасному и безобразному¹². Важно понимать, что хтонизм не был изначальной модификацией культурного мегатипа. В III тыс. ему предшествовал принципиально иной набор ценностей и категорий, который по причине слабой изученности пока лишен определения.

10 Смирнов А.В. Номинальность и содержательность: почему не критическое исследование универсалий культуры грозит заблуждением // Универсалии восточных культур. С. 244–289. Автор статьи считает недостаточным описание культуры через вычленение и анализ ее категорий, поскольку не менее важное значение имеет анализ самой логической процедуры смыслообразования: «<...> если изучаемая культура строится на иных, нежели “родная” для исследователя, основаниях рациональности, то не обращать внимание на эту процедуру значит упускать из виду самое главное, что определяет в изучаемой культуре содержательность семантических структур. И напротив, цель сравнительного исследования состоит прежде всего в том, чтобы вскрыть процедуры формирования смысловых структур в разных культурах. При этом не столь важно, какие именно структуры мы изберем в качестве объекта анализа: имеет значение не сама по себе содержательность, а закономерность ее формирования, последняя же действует равно в создании любых смысловых структур в пределах одной культуры» (с. 317).

¹¹ Емельянов В.В. Змееборческий миф по клинописным источникам // Морфология праздника. К 110-летию со дня рождения В.Я. Проппа. СПб., 2006. С. 23–33. То, что Лосев называет хтонизмом, на самом деле является мнением человека героической эпохи о предыдущей, общинно-родовой. В божествах материнского рода герою только кажутся безобразные чудовища, а в предшествующую эпоху эти божества были носителями силы плодородия и считались прекрасными. Также и первые христиане видели в прекрасных статуях героической эпохи только зловредных идолов. Следовательно, если героизм объективно существует как культурный мегатип, то хтонизм – это, скорее всего, следствие субъективизма героического сознания и вряд ли он может считаться за мегатип предыдущей эры.

¹² Подтверждением этому – весь героический эпос этих народов (Гильгамеш, Илиада и Одиссея, Махабхарата, Энеида). Российский индолог Я.В. Васильков различает в тексте эпоса «Махабхарата» материал трех различных исторических слоев: архаического, героического и религиозно-дидактического. Архаический эпос характеризуется тем, что он

очень сильно вовлечен в традиционную систему мифов и ритуалов. Герои архаического эпоса – божественного происхождения; они как бы повторяют на земле те действия, которые их отцы-боги совершили при сотворении мира. Общий взгляд на мир архаического эпоса проникнут оптимизмом: фоном эпического действия и его моделью обычно служит оптимистически окрашенный миф первотворения. Классический, или героический, эпос имеет дело с героем, который не выполняет волю богов, а один перед лицом всемогущей судьбы осуществляет свой выбор: действовать во исполнение велений Судьбы, или восстать против нее – и погибнуть. Мировоззрение классической героики характеризуется крушением архаических патриархальных ценностей и глубоким пессимизмом и фатализмом, верой во всемогущество безличной и непостижимой Судьбы. Мифологический фон эпического действия теперь часто образуется уже не мифом о сотворении мира, а мифом о конце мира, то есть мифом эсхатологическим. Поздний, или религиозно-дидактический пласт эпоса, характеризуется соответствием идей повествования религиозной догматике или религиозно-философским представлениям «осевого времени» (см.: *Васильков Я.В. Древнеиндийский эпос «Махабхарата»: историко-типологическое исследование. Автореферат дисс.... д.ф.н. СПб., 2003. С. 15–17*). Очевидно, что здесь на индийском материале подтверждается схема А.Ф. Лосева, но вместо хтонизма корректно используется архаика.

Греции в тот период еще не существовало, а потому Лосев и не мог увидеть этот более старый культурный мегатип на примере европейской культуры.

Только историки Востока способны выявить основные характеристики древнейших культурных мегатипов. Поэтому работа Лосева должна быть продолжена следующим образом:

- 1   Нужно взять за основу его методологию как в общем, так и в частностях.
- 2   Нужно понять, что специфика восточной философии весьма отлична от античной, и сперва описать ее апофатически.
- 3   Нужно понять категории восточной философии как составные части локального типа культуры.
- 4   Нужно понять категории восточной и западной философии древности как составные части единого мегатипа культуры и уточнить лосевские определения и характеристики модификаций мегатипа.
- 5   Нужно попытаться определить и охарактеризовать сами мегатипы с точки зрения хронологии, географического пространства и ценностных систем.

А.Л. Доброхотов

Морфология эстетики XVIII века в очерке А.Ф. Лосева¹

Философия культуры А.Ф. Лосева исследуется, как правило, на материале его классических работ, но – при всех преимуществах опоры на законченные тексты – это сужает перспективу рассмотрения уже в силу установок, обусловленных критикой конкретной культуры. Так, лосевская типология античной культуры, изученная достаточно хорошо, по-своему автаркична и не нуждается в системном сравнении с другими типами; типология Ренессанса предельно полемична и потому сопротивляется нормативному описанию. В поисках новых аспектов полезно было бы обратиться к фрагменту замысла Лосева об истории эстетических учений². У этого текста есть ценные особенности: рассмотренная в нем типология Нового времени с одной стороны провоцирует культур-критику, с другой – генетически содержит близкие Лосеву идеи символизма и трансцендентализма, и, наконец, требует соотнесения с предшествующими эпохами. В частности, Лосев в этом тексте показывает, как в исторических судьбах классицизма и неоклассицизма проявлена великая когнитивная драма чувственности и

рассудка, как она трансформируется в плодотворный диалог романтизма и трансцендентализма, как этот диалог становится разрушительным (раздел 8 главы о романтизме – «Одна замечательная антитеза в недрах немецкого романтизма»– содержит культурологически виртуозный анализ противоположности и скрытой «близичности» Шопенгауэра и Гегеля), и как эта «относительная мифология» обеспечена личностным ресурсом культуры. Сосредоточимся на лосевской формуле XVIII века – в той мере, в какой она следует из соответствующих разделов указанного текста. Ключевым тезисом является характеристика эстетики этой эпохи как синтеза рационализма и эмпиризма. Обычно эта схема применяется к истории философии, причем роль создателя такого синтеза отводится Канту. Лосев, однако, сместив точку синтеза к концу XVII – началу XVIII века, высвечивает процессы поиска, которые зачастую ускользают от взгляда историков. «<...> Эстетика уже не понимала рассудок и чувственность в таком разрыве. Субъект здесь мыслился как живая объединенность того и другого, часто даже прямо как цельное живое существо, которое, будучи перенесенным на объективный мир, создавало одушевленную вселенную»³.

Действительно, здесь одной фразой очерчен стержневой мотив века: поиск живой посясторонней индивидуализированной целостности. Достаточно посмотреть на «карту» открытий Просвещения, чтобы верифицировать данную формулу.

Наиболее впечатляющим философским примером будет, пожалуй, учение Юма: отобрав у мышления идею субстанции, причинности, долженствования и даже тождественного Я, он фактически оставил только одну когнитивную силу – свободную ассоциацию впечатлений. Но гуманистическая аура в его философии сохраняется, поскольку этой силы достаточно, чтобы вернуть единство мира обратно, основав его на живом эмпирическом синтезе. Таким же образом Юм и многие его современники (главным образом – соотечественники) спасали добро при помощи «морального чувства» и красоту при помощи «эстетического чувства». Что же касается чувства как такового, то здесь показательно увлечение философов теорией зрения: трактаты Беркли, Рида, Дидро о зрении и осязании направлены на доказательство способности чувства выполнять функцию разума и достраивать впечатление до статуса объекта (Гуссерль недаром видел в этих работах один из истоков своей феноменологии). Еще одна иллюстрация – мангеймская школа с разработанной ею техникой длящихся динамических нарастаний и спадов звучания («мангеймские вздохи»). То, что поначалу воспринималось как забавный фокус, стало одной из основ венской музыкальной революции и романтической музыки XIX века с ее эмоциональным континуумом и субъективной повествовательностью. Пожалуй, и рождение романной техники повествования с ее эпическим временным континуумом, психологической сосредоточенностью и моральным релятивизмом можно считать проявлением отмеченной установки. Эту же морфему можно обнаружить и в религиозном измерении эпохи. На смену классическому деизму с его абсолютной точкой онтологического отсчета приходит континуум мерцающих религиозных переживаний и теофаний.

1 Работа выполнена в рамках проекта аналитической ведомственной целевой программы Минобразования России: РНП.2.1.3.7230.

2 Лосев А.Ф. Конспект лекций по истории эстетики Нового времени // Тахо-Годи А.А., Тахо-Годи Е.А., Троицкий В.П. А.Ф. Лосев – философ и писатель: К 110-летию со дня рождения. М., 2003. С. 346–377.

³ Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 353.

Таков мир Сведенборга со взаимным прониканием, размытыми границами рая, ада и земной юдоли; эмоционально центрированный мир благочестия у пиетистов; субъективно центрированные руссоистский «деизм сердца» и вольтеровский «деизма разума»; окрашенный истерией мир позднего янсенизма; мир неморального волюнтаризма поздних иезуитов. Характерен интерес к национальной самобытности, к фольклору. Пока это происходит в таких невинных формах, как плодотворный интерес к «особенному», не растворившемся во «всеобщем», что обогащает плюральное представление о культуре. Но Гёте – по крайней мере – уже видит в этой тенденции некую угрозу и развивает (в полемике со штюрмерством и ранним романтизмом) контра-мотив: рассуждения о «мировой литературе» и «мировой культуре». Показательна критика репрессивного характера традиционных моральных норм. Либертинаж борется с «противоестественностью» этики. Штюрмерская литература понемногу поэтизирует насилие и темные аффекты. В свете этого понятен сдвиг умственного интереса эпохи от этики к эстетике с ее неповторимыми формообразованиями в качестве предмета понимания, и сосредоточенные размышления над феноменом игры, в котором веку иногда видится тайна культуры. Возникают заметные сдвиги в стилевых формах искусства, в его топике, в диспозиции и статусе жанров. Так, «интимизируются» классицизм и барокко; формируется психологический роман и «роман воспитания»; закрепляется эпистолярный жанр; появляются «готические» мотивы в литературе и живописи; обозначается «виртуальная» архитектура (Пиранези, Леду); в литературу приходит «культурный эксперимент» (Свифт, Дефо, Вольтер); реабилитируются «чужак» (Стерн), «мечтатель» (Руссо), «авантюрист» (*passim*); признается «равночестность» музыки другим высоким жанрам; понемногу восстанавливается уважение к мифу. Довольно характерна также для века жанровая доминанта литературы и музыки, которые, если и не оттесняют другие жанры, то меняют их изнутри.

Набросок, рисующий тенденции века, показывает, что Лосеву удалось выделить в своей формуле морфологический остов мира Просвещения. Поскольку эстетика интересна еще и тем, что она позволяет высветить самосознание эпохи, Лосев не упускает из поля внимания ее «культур-программную» сущность. Анализируя французскую эстетику века, Лосев обращает специальное внимание на Дидро, у которого стержнем теории, с лосевской точки зрения, является категория *соотношения*. Это замечание далеко не тривиально, поскольку процесс перехода от концепта субстанции к концепту функции (если воспользоваться терминологией Э. Кассирера) и к логике отношений принято описывать скорее на материале конца XIX в., тогда как Лосев обнаруживает этот процесс в сердцевине просвещенческой мысли. В тоже время Лосев отмечает некую неслучайную (возможно – системную) противоречивость Дидро: «<...> историка эстетики удивляет у Дидро трудно обозримое разнообразие и противоречие выдвигаемых им эстетических принципов»⁴. В последнее время появились работы, в которых был переоткрыт этот феномен сосуществования взаимоисключающих парадигм в эстетике Дидро⁵.

⁴ Там же. С. 354.

5

Свидерская М.И. Дидро о Шардене: к вопросу о творческом методе художника // Из истории классического искусства Запада. М., 2003; *Библер В.С.* Век Просвещения и критика способности суждения. Дидро и Кант // Западноевропейская художественная культура XVIII века. М., 1980. С. 159 – 160; *Ямпольский М.* Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец

Старого Режима. М., 2004. С. 305 – 324 (глава «Антимимесис: Дидро»).

Еще один лосевский тезис-ключ к морфологии века: понятие «середина». Анализируя английскую эмпирико-психологическую эстетику и немецкую штюрмерскую эстетику, которые – каждая по-своему – уклонялись от принципа прекрасного как посредника между способностями человека, Лосев подчеркивает, что наиболее гармоничным воплощением этого принципа стали теории Винкельмана, Лессинга, Гёте и Шиллера. Особенно наглядным становится понимание Лосевым функциональной роли «середины», когда он дистанцирует от означенной группы мыслителей Гердера, не сумевшего освоить эту великую интуицию⁶. Гёте же рассматривается как мыслитель, воплотивший этот принцип с предельной силой. Характеристика Гёте в этом контексте, пожалуй, принадлежит, к числу лучших лосевских портретовдефиниций: «Остро и тонко очерченная форма вещи, которая в то же самое время является и жизненно действующей, пульсирующей органической ее сущностью, или, другими словами, *резко очерченная и жизненно пульсирующая морфология всего бытия*, – вот то углубление и расширение эстетического миропонимания Винкельмана, которое мы и должны считать естественным завершением всей винкельмановской эстетики у Гёте»⁷.

В пассаже, посвященном Шиллеру, стоит выделить формулу «эстетический историзм»⁸, которая глубоко и точно позиционирует эстетику и культурологию Шиллера по отношению ко всем направлениям просветительской мысли. Следующий раздел посвящен уже романтикам, которые открывают другую эпоху.

Портретирование эстетики Просвещения дало Лосеву повод обрисовать характер эпохи так, что мы можем присоединить эту типологическую модель к уже хорошо известным нам лосевским образам Античности и Возрождения.

⁶ Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 360–361.

⁷ Там же. С. 364.

⁸ Там же. С. 366.

В.Л. Марченков (США)

Песнь Орфея и мечта об имманентном бессмертии¹

Со времен позднего архаического периода в Древней Греции миф об Орфее служит одним из наиболее заметных средств в истории европейской культуры для формирования и выражения идей о человеческом бессмертии и о той роли, которая отдается в кругу этих идей искусству вообще и музыке с поэзией в частности. В развитии представлений о бессмертии можно проследить следующие этапы. В античности они вплетены в общую космологическую картину мира, и задачей музыки и поэзии признается подражание гармонии космоса – с тем, чтобы такая же гармония царила и в душе человека. Это, в свою очередь, является залогом разумного и благого порядка в круге перевоплощения душ, а также должного вознаграждения в посмертном существовании. С развитием философских идей и религиозных представлений, которые часто связываются исследователями с традицией так называемых «орфиков», происходит разделение единого космоса на имманентное, посюстороннее существование и трансцендентное, потустороннее.

¹ Этот прочитанный в «Доме А.Ф. Лосева» доклад представляет собой краткое изложение одной из главных тем книги «Миф об Орфее и власть музыки», над которой автор работает в данный момент.

Соответствующие средневековые представления сосредотачиваются как раз на последнем – на стремлении к *трансцендентному* бессмертию, которое является частью

эсхатологической картины мира. Здесь главный смысл человеческой деятельности полагается в запредельном мире, и вся эта деятельность, включая искусство, призвана обеспечить бессмертие человеческой души, понимаемой как нечто резко противопоставленное имманентной природе человека, его телесному существованию. Задачей музыки и поэзии, а также и всех остальных видов искусства является подготовка человеческой души к загробной жизни, отвлечению ее от интересов и страстей жизни здешней посредством создания образа – визуального, звукового и поэтического – окончательного исполнения Божьего замысла о человеке. Постепенно вызревают также и представления об индивидуальном бессмертии, корни которых надо искать в античности, но которые становятся достаточно устойчивыми лишь на исходе средневекового периода. Для создания образа посмертного существования искусство неизбежным образом пользуется образами имманентного мира. Этому способствует главный миф средневековья – миф о Святой Троице. В философском отношении самой важной идеей, содержащейся в этом мифе, является диалектическое единство трансцендентного и имманентного, интеллигибельного и чувственного – единство, в котором ни то, ни другое начало не теряют своего собственного характера, но при этом и не разделены непреодолимым взаимным различием. Музыкальным выражением этого мифа становится средневековая полифония.

Однако постепенно, в силу внутренних причин, в средневековой культуре нарастает приоритет, как бы это ни казалось странным, имманентного и чувственного бытия, в то время как трансцендентное начало вытесняется на периферию мировоззрения. Впрочем, оно не исчезает полностью, а само имманентизируется: Божья воля становится законами природы. Вот в этот-то момент и выдвигается мечта об имманентном бессмертии. Она пронизывает многие слои культуры, но одно из самых ярких выражений получает в новом музыкальном жанре – опере. В частности, мечта эта составляет главную движущую идею в опере К. Монтеверди и А. Стриджиджи «Орфео» (1607). Орфей пытается воскресить Эвридику при помощи своей музыки, причем главным в его искусстве оказывается, в конечном счете, не техническая виртуозность, а непреодолимая воля. Заключение оперы остается, однако, платоническим: Орфей воссоединяется с Эвридикой лишь в звездном небе, в абстрактном потустороннем существовании. Более полная победа имманентизма становится темой оперы К.В. Глюка и Р. Кальцабиджи «Орфей и Эвридика» (1762). Здесь силой, разрывающей путы трансценденталистской метафизики, является простое, честное человеческое сердце и разум, отказывающийся остановиться перед какой бы то ни было загадкой бытия. Наградой влюбленным оказывается счастливая посюсторонняя жизнь, одержавшая победу над смертью. Роль трансцендентного начала сводится до минимума и обыгрывается так, чтобы показать его неразумность, жестокость и, в конечном итоге, бессилие.

Проблема для такого представления о бессмертии состоит в том, что его невозможно воспринимать всерьез: оно – явление чисто игровое, эстетическое, не имеющее прямого отношения к реальным условиям человеческого существования. И все же его никак нельзя сбрасывать со счетов. Имманентное бессмертие является мечтой новоевропейского человека – мечтой, в жертву которой он готов принести свое самое дорогое достояние: рациональное мышление. В романтизме предпринимается, например, попытка спасти эту мечту посредством эстетизации всей действительности, что, в конце концов, приводит к непреодолимым противоречиям и краху романтического мировоззрения. Самым ярким проявлением этой мечты сегодня являются усилия науки и техники, направленные на продление индивидуальной человеческой жизни. Будь то клонирование, генетическая инженерия или сращивание живого организма с механизмом в биоинженерии и робототехнике – нигде современной культурой не ставится всерьез

вопрос о пределах, конечной цели этих усилий. Подразумевается, что чем дольше сможет жить отдельный человеческий индивид, тем будет лучше. Как бы его ни затушевывали ссылки на «здравый смысл», оптимальный предел для современного, в сути своей научно-технического, взгляда на человеческую жизнь – это вечность, то есть бессмертие в данном, непреображенном теле. Последнее поддерживает, согласно этому воззрению, собственное существование посредством технологии, которая стремительно поглощает современное искусство и направляется неуклонной волей человека, лишённого какого бы то ни было трансцендентного измерения. Эта воля человека-технолога представляется в качестве начала, способного привести к единству бесконечную сложность имманентного мира. Одной из ярчайших музыкальных демонстраций подобного состояния дел является опера Х. Бертуисла и П. Зиновьева «Маска Орфея» (1986), в которой сложность становится едва ли не важнейшей эстетической категорией, находящей выражение в дроблении – потенциально бесконечном – персонажей и сюжетных ходов. Песнь Орфея распадается на множество песен, непримиренное многоголосие которых повествует о распаде, безудержной фрагментации и мира, и человека.

Исключительный упор на бесконечном разнообразии мирового бытия предельно обостряет философскую проблему ограниченности чисто имманентистского представления о человеке. Как логическая категория имманентное необходимым образом требует для своего существования противоположной категории – трансцендентного. Низводя последнюю до состояния иррелевантности, современное сознание диалектически превращает само же имманентное в столь же иррелевантную категорию. В этом состоит логический механизм превращения чувственно-имманентного бытия в чистую кажимость, за которой не стоит ничего реального, никакой действительности – превращения, ставшего темой немало нашумевших в последние десятилетия учений о реальности как симулякре и о разумном мышлении как тождественном риторике, не имеющей никакого отношения к истине. Миф об орфеевой песне и его метаморфозы в новой и новейшей истории подсказывают, однако, что учения эти и соответствующая им художественная практика движутся не чем иным, как мечтой об имманентном бессмертии. По мере того как иррациональный характер этой мечты становится все более и более очевидным, ее приверженцы стремятся оправдать ее ссылками на иррациональный характер всего мирового бытия вообще. Но песнь Орфея сегодня зовет к чему-то иному, а именно – к преодолению внутренней ограниченности этой мечты и питающих ее односторонних форм мышления. Орфей и Эвридика призывают нас к диалектической метаноиие.

Справочно-библиографический раздел

Учебники древних языков в книжном собрании А.Ф. Лосева (рассказывает А.А. Тахо-Годи)

-Аза Алибековна, среди подаренных Вами 10-ти тысяч изданий из коллекции Алексея Федоровича Лосева очень много гимназических учебников. Известно, что Алексей Федорович преподавал в гимназиях еще до революции и некоторое время после, занимался со студентами в 50-е, 60-е годы, с аспирантами до последних дней своей жизни. Эти учебники Алексей Федорович приобретал для занятий? Где Алексей Федорович покупал эти книги, в какое время? Это издания, уцелевшие после всех катастроф, или были приобретены уже после второй мировой войны?

-Ну, во-первых, надо сказать вообще о том, почему были такие разнообразные учебники, по которым занимались в гимназиях. И почему учебники относятся к концу

XIX века и к началу XX-го. То есть это старые учебники. Учебники советского времени – это другое. Другая проблема.

А вот гимназические учебники. Обратили вы внимание вообще на фамилии авторов этих гимназических учебников?

-Ходобай, Черный, Семенович, Адольф. Книгоиздатель Козман. Потом, есть киевские, харьковские учебники.

-А учебник Черного вы назвали? Потом есть Гибель. По-моему, там тоже есть?

-Да, да.

-Потом там, по-моему, должен быть учебник Мора. Обратите внимание на эти фамилии. Ходобай, Эмиль Черный, Гибель и так далее. Дело в том, что русское правительство как раз во второй половине XIX-го века, решило как можно больше и сильнее укрепить древние языки во всех гимназиях для того, чтобы отвлечь гимназистов от всевозможных выступлений в связи с народническим движением. Это была очень серьезная акция, которую проводил Министр народного просвещения граф Дмитрий Толстой. Хотя, я думаю, что она не только не удалась, но наоборот потерпела крах. Многие гимназисты как раз латинский и греческий возненавидели. На эти языки отвели огромное количество часов, которые вытеснили другие, гуманитарные курсы.

Для преподавания нужны, как известно, учебники. Но опыта своего не было. Поэтому русское правительство основало при Лейпцигском университете семинарию специальную, учебную. И туда были приглашены из славянских стран только славяне, которые должны были учиться в семинарии и окончить ее на средства русского правительства. И после этого они обязаны были прибыть в Россию, преподавать в гимназиях, писать гимназические учебники и тем самым отдавать долг русскому правительству, которое давало им высшее образование при Лейпцигском университете.

Там кончил семинарию, например, знаменитый Фаддей Францевич Зелинский, с мировым именем филолог-классик, по национальности поляк. Там же кончил и учитель Алексея Федоровича, друг Зелинского, Иосиф Антонович Микш, чех по национальности. Так что имейте в виду, что все это были славяне. И вообще большинство студентов семинарии были чехи. Но государственной самостоятельности у чехов не было. В те времена никакой Чехословакии не существовало, а так называемая Богемия была частью Германии.

Но, в конце концов, уже в начале XX-го века, особенно до и после 1905 революционного года, выяснилось отрицательное воздействие такого засилия древних языков. Поэтому установили латинский язык как обязательный, а греческий язык как факультативный. Но существовали специальные гимназии с обоими языками. Например, знаменитая 5-я Московская гимназия по соседству с Арбатом. Или, например, женская классическая гимназия Фишер на Пречистенке, где даже пьесы ставили на греческом языке. У нас дома сохранились некоторые тексты и ноты к постановкам.

Алексей Федорович сам учился в классической гимназии. И у него был замечательный учитель, Иосиф Антонович Микш, известный переводчик русской классики на чешский язык. Его имя значится в чешской энциклопедии Отто, в качестве не просто переводчика, но и ученого, а не только преподавателя.

Так что надо иметь в виду, что авторы, которые писали учебники, были люди чрезвычайно образованные, и также в плане лингвистическом.

Алексей Федорович учебники имел, когда сам учился, и потом, когда сам преподавал, после окончания университета. И когда готовился к профессорскому званию, и даже в советской школе 20-х годов, потому что никаких тогда других учебников не существовало. Это потом, очень поздно, стали появляться учебники советского периода. Надо сказать, что многие из старых учебников достигали большой глубины и давали такие

знания, что некоторые преподаватели нынешней кафедры классической филологии МГУ, той самой, которой я тридцать четыре года заведовала, не раз просили в подарок эти учебники. И я их по мере возможности снабжала этими учебниками. Вот, например, знаменитый учебник Эмиля Черного. Его греческий синтаксис выходил в разных видах, дополнялся, исправлялся автором. В этом учебнике интересны сопоставления и с латинским языком, и с древнегреческим, и с церковнославянским. Алексей Федорович книги очень любил и любил своих учеников, поэтому он старался эти учебники иметь у себя. А в связи с военной катастрофой у него погибло огромное количество книг, поэтому он стал восстанавливать свою библиотеку. Вам трудно себе представить, как приобретались книги во время войны. Я тогда была юной студенткой и видела, как люди, покидая Москву, оставляли на тротуарах около Московского университета на Моховой горы книги. Это 41-й год. И кто хотел, мог эти книги себе взять – не пропадать же им. А бывало и такое, например: закрыли 5-ю гимназию, а она находилась как раз неподалеку от нас. И когда ее закрыли по указу Советских властей, а там была богатейшая библиотека, то книги выкинули на улицу. И люди приходили, брали книги для того, чтобы спасти их. Алексей Федорович тоже ходил туда и собирал книги – ведь их должны были сжечь.

Занимаясь с учениками в институте, он никогда учебников не жалел, всегда их раздавал, чтобы каждый мог иметь у себя. Надо сказать, что часто «благодарные» ученики книги просто не возвращали. И приходилось потом со следующей группой, начинать снова.

У меня есть знакомый из Тамбова, который мне прислал книгу своих воспоминаний, где есть глава под названием «Философ». Эта глава – воспоминания об А.Ф. Лосеве. Автор пишет, что студенты тогда даже не подозревали вообще, что существует русская философия, а ведь были 50–60-е годы, и как они удивились в дальнейшем, когда узнали, какой замечательный человек, оказывается, был Алексей Федорович Лосев, который преподавал обыкновенный латинский язык. Написано очень искренне это воспоминание старого теперь профессора, знакомого с трудами знаменитого философа, но тогда наивного студента.

Можно указать на учебник Григоревского по Коху и Кэги, очень известный. Он у вас должен быть в коллекции. А вы знаете, что их было множество изданий. Учебник вышел даже в 1917-м году. Григоревский интересен тем, что здесь не просто изложение грамматики, не просто правила и школьные тексты, но здесь, во-первых, тексты из сочинений греческих писателей, то есть ученик приобщается к подлиннику, во-вторых, Григоревский приводит священные тексты из Ветхого Завета, из Евангелия, а также богослужебные, в том числе и молитвы. Это же редчайший учебник. Захочет вдруг человек почитать по-гречески евангельский текст или пасхальные и другие праздничные песнопения, а они здесь рядом.

Существовал также учебный словарь того же Эмиля Черного. И не только греческо-русский, но, что особенно важно, русско-греческий словарь. Есть большие словари. Но одно дело -большой словарь. Кто там из ребят разберется, а словарь учебный всегда под рукой.

А то, что закрывали гимназии, так это очень просто. Вообще боролись с идеями. Поэтому всю филологию и всю историю закрыли в начале 20-х годов. Ведь в Московском университете закрыли (да и в других) в 1921 историко-филологический факультет. И, как вы знаете, в 22-м году были по указу Ленина высланы из страны более двухсот ученых разных направлений, не обязательно философы, но и экономисты, юристы, биологи и т. д. Поэтому какая могла быть филология!

И вот наши филологи, которые занимались классическими языками, все пошли кто куда. Большею частью в юристы, экономисты, переводчики. Были открыты курсы какие-то

при Московском университете. Факультеты общественных наук – ФОНы. Там примитивнейшие давали сведения историко-общественного, социального порядка для людей, которые пришли, можно сказать, буквально от сохи. Потому что в университет могли принимать кого угодно в это время. Вот Алексей Федорович ездил в Нижегородский университет. В 19-м году многие из Москвы ездили преподавать в только что открытый университет, поскольку в Москве был голод в годы 19-й, 20-й, 21-й. Многие молодые ученые ездили преподавать в Нижний и оттуда везли с собой продукты. Их еще задерживали по дороге и обирали продотряды. Поэтому надо было запастись разными справками, что ты везешь свой гонорар, можно сказать. Но самое интересное что? У нас дома сохранились чудом планы этого Нижегородского университета. Вот здесь шкаф, за вашей спиной, где собраны книги Алексея Федоровича в одном экземпляре. Еще один, другой, такой же есть. Здесь же брошюра с планами, программами и списками студентов. Там прямо указано, что принимаются все, кто угодно, даже не имеющие вообще никакого образования. И в этих списках мало тех, кто учился в гимназии, а в основном, люди, которые вообще нигде толком не учились. Представляете, какая подготовка? Вот что делалось. Разваливали все.

-Преподавание латыни и древнегреческого в школах в 20-30-е годы вообще не велось?

-Нет. Ну что вы! Все исчезло накрепко. Все исчезло. Но дело в том, что в середине тридцатых годов открыли так называемый ИФЛИ, Институт философии, литературы, истории. И вот там преподавали многие гимназические учителя латынь и даже греческий, но для студентов, не имевших никакой гимназической подготовки, т.е. преподавали элементарно.

А университет не имел филологического факультета. И только во время войны, в 42-м году, объединили университет и ИФЛИ. И тогда открылся филологический факультет, а также кафедра классической филологии. Но тем не менее, в 42-м году вышла маленьким тиражом грамматика греческого языка Александра Николаевича Попова, который еще при мне преподавал у нас на кафедре.

Это был опытнейший преподаватель, совершенно замечательный, Александр Николаевич. У него была до революции даже своя гимназия – Поповская гимназия. Она была рядом с Арбатом, на Знаменке, почти напротив огромного здания Генштаба, очень приятное здание с колоннами. Это была гимназия Попова.

В 1948-ом году известный профессор Сергей Иванович Соболевский издал учебники латинского и греческого языков. Очень редкое издание, которое потом появилось репринтом. Конечно, это замечательное справочное издание, но вообще, можно сказать, трудные книги. Зато все построено в них на настоящих текстах из разных греческих и латинских авторов.

В конце войны-то школы разделили, были мужские и женские школы, такие, так сказать, стали вдруг возникать рудименты старины. И было постановление, исходившее от самого Сталина, о том, чтобы вводить логику и вводить древние языки в школы, дисциплину укреплять. В начале сороковых годов открылись также кафедры классической филологии в разных городах страны. И поскольку тогда как раз Алексея Федоровича из университета изгнали как идеалиста-философа и перевели в Московский педагогический институт им. Ленина, то он и стал профессором такой кафедры и отделения классической филологии, которое как раз я там и кончала и у Алексея Федоровича училась.

Дело в том, что латинский язык я начала изучать еще дома. Мне прислал учебники мой дядюшка, брат моей мамы, профессор Леонид Петрович Семенов, из Владикавказа, где был наш родовой дом. Мне очень хотелось изучать латинский язык. Он прислал мне учебник Сидорова. И я по нему стала заниматься. Меня поощрял мой отец Алибек

Алибекович, который кончал классическую гимназию во Владикавказе и для него латинский язык и греческий – были свои. Поскольку отец работал в Центральном Комитете партии (заведовал всеми школами страны), то он мне оттуда приносил (там прекрасная была библиотека) необходимые книги, не только латинские, но и французские, так как меня обучали уже языкам с детства -европейским языкам. А с греческим я познакомилась уже на 1-м курсе, когда была студенткой. Был там факультативный курс греческого языка на факультете русского языка и литературы. Преподавал известный профессор Михаил Николаевич Петерсон. Это выдающийся лингвист. Ему теперь посвящены специальные книги. Он преподавал желающим студентам древнегреческий. Так что я на 1-м курсе с ним занималась.

Но самое любопытное, что против древних языков в школе оказались, знаете кто? Родители. Родители подавали петиции и заявляли: зачем наших детей пичкают ненужными какими-то там древними языками? В это время те, кто кончал классическое отделение, шли преподавать в московских школах. В центре здесь были хорошие школы, они как раз очень ценились. Представьте себе, именно родители были возмущены, что этот предмет никому не нужен. Нужно техникой заниматься, надо совсем другими делами заниматься. И кончилось все тем, что взяли и отменили вдруг всё. Опять все отменили. А как раз вот в этот момент, в конце 40-х, начали появляться советские учебники. У вас должен быть учебник Алексея Ивановича Васнецова. Это племянник знаменитого художника Васнецова. Но надо сказать, что учебник был трудный и неудачный. Хотелось ему, видимо, чтоб быстрее овладели языком, и поэтому сразу же давался материал достаточно сложный.

Так что, видите, приходилось поэтому пользоваться Алексею Федоровичу вот этими прежними учебниками.

-До сих пор Греко-латинский кабинет Шичалина переиздает дореволюционные словари: Петрученко, Вейсмана.

-А как же! Знаменитые все эти словари. Но конечно, это учебные словари, не те, что научные мощные словари. Вон тут у нас стоят – целый строй. Я когда занимаюсь со студентами, их достаю и показываю. Ребята записывают, просматривают их, если надо что-то выяснить, внимательно читают. Конечно, Юра Шичалин хорошо издает. Это мой ученик и аспирант, он у меня писал свою кандидатскую диссертацию.

-У Шичалина одна из первых классических гимназий в нашей стране?

-Одна гимназия классическая есть в Петербурге, при университете. Она раньше даже открылась. А эта гимназия – Юры и Лены Шичалиных (Лена тоже моя бывшая ученица, аспирантка и диссертантка). Они открыли свою гимназию. Большие энтузиасты своего дела.

Так что смущаться от того, что много разных учебников не надо. Это очень хорошо. Преподают на классическом отделении в МГУ и по Вольфу – перевод с немецкого. И Елена Цыпилева, которая преподавала греческий в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева», использует современный учебник.

-Елена Цыпилева занимается по учебникам Славятинской.

-Да, эта та самая Марина Николаевна Славятинская, которой когда-то я подарила синтаксис Эмиля Черного. Он ей постоянно необходим. Она мне тоже дарила свой учебник разных годов издания.

-А Греко-латинским кабинетом Шичалина издан в 3-х книгах Вольф-Малинаускене.

-Да, да. Надя Малинаускене (она тоже моя ученица)– очень серьезный знаток языков. У нее есть история латинского языка и начальный курс древнегреческого языка.

Все свои работы она мне дарит.

У меня даже есть списки книг, которые всегда лежали на столе в кабинете у Алексея Федоровича. Теперь эти книги лежат вот в этом шкафу, который сзади вас. Называется «Большой» шкаф. На столе в кабинете Алексея Федоровича всегда лежали горы книг, самые необходимые. И тут были книги по истории языка и сравнительному индоевропейскому языкознанию, все что связано с общим языкознанием и старославянским, и греческим, и латинским. И обязательно лежали учебники. У меня есть свой каталог книг. Не то что там у вас – электронный. Я это новшество не очень признаю. Электричество не вечно, выключат его и все погибнет. А книги, несмотря на все катастрофы, остаются. И мой каталог пригодится. Смотрите. Вот учебник Козаржевского, у вас он тоже есть. Конечно, конечно. Учебник нашего дорогого Андрея Чеславовича. Есть и латинский язык и греческий язык, разных годов. А этот с дарственной надписью 75-го года учебник. А вот и Эмиль Черный, пожалуйста, греческая этимология. И польские учебники. И Александр Николаевич Попов для заочников. Обязательно. Учебник Мирошениковой, Федорова. Это все, что лежало у Алексея Федоровича на столе. И конечно, церковнославянский язык. Причем, самые разные издания. Ведь каждый излагает по-своему. Обязательно надо иметь разные учебники, если ты занимаешься по-настоящему. А иначе это будет односторонность. А вот эта серия, желтенькие книжечки, стала выходить, когда начали распространять латынь. Но это не учебники, а тексты с комментариями.

-Аза Алибековна, но Алексей Федорович вынужденно преподавал языки?

-Нет. Во-первых, он их очень любил. И в гимназии он преподавал отнюдь не вынужденно.

-Вы пишете в книге «Лосев», что Алексею Федоровичу не хватало средств. Он ничего не получал как оставленный при университете. Расскажите, каким был преподавателем Лосев?

-Конечно, приходилось преподавать, но важно главное – как человек преподает. Какой Алексей Федорович преподаватель был в гимназии, это знают те, кто у него там учился. Недаром в библиотеку «Дом А.Ф.Лосева» приходила племянница одной из любимых учениц Алексея Федоровича и принесла ксерокопии стихов, посвященных Алексею Федоровичу. Три девицы, как пишут они в стихах, это Реформатская, дочь известного ученого, вторая – Маня Лорие, а третья была Воздвиженская Елена, которая всю жизнь поддерживала свою связь с Алексеем Федоровичем. Она умерла раньше Алексея Федоровича. И она, и ее муж. Муж ее – Василий Иванович, был сыном последнего настоятеля Успенского собора в Кремле. Так что это была замечательная семья. Отец Елены Васильевны был выдающийся генетик Четвериков. А генетиков, как вы знаете, Лысенко преследовал в 40-е годы. Так что потом от этих всех преследований он тяжело заболел и скончался. Так что вот эта троица, они как раз сидели на первой парте. Вы видели, наверное, картинку, как Алексей Федорович, рыжеволосый, ими дирижирует в классе. А они зубрят исключения и склонения. Алексей Федорович потрясающий, конечно, педагог. Я-то уже помню, как он уже преподавал в своем институте, на классическом отделении. Но там он, главным образом, читал лекции. На филологическом факультете он преподавал латинский язык. Смешно, конечно, – элементарная латынь. И он говорил. «Кто я такой? Учителишка». Но бывали и семинары по античной литературе в связи с русской и зарубежной литературами. Писали рефераты, делали доклады. У нас дома многие сохранились.

-На вечере памяти В. Бибихина, в декабре 2006 года, Вы рассказывали о том, что ученики приходили к Алексею Федоровичу заниматься, на Арбат, аспиранты. И что у Вас хранятся списки учащихся – 600 человек.

-Да. Вот у меня тут же и лежат эти списки, где и программы Нижегородского университета. Аспиранты за этим столом и занимались, где мы с вами сидим. И тут, бывало, сидело 15–16 человек. Как они умещались, я не знаю. Алексей Федорович сидел вот здесь, где я сижу, а они вокруг, а кто-нибудь на диване. Есть же фотографии, снятые самими аспирантами. И Володя Бибихин тоже здесь сидел и учился.

Я сказала на вечере в его память, что Володя хотел, чтоб мы вместе издали книгу об Алексее Федоровиче. И грустно получилось – ничего не вышло. А у меня есть семьдесят страниц комментариев в электронной версии на сорок страниц его текста. Не знаю, может быть, потом продолжу. Не знаю, не знаю, как это будет. Конечно, надо обязательно комментировать его текст. Это точно. Там встречаются разные люди, о которых Володя и представления не имел точного. Много фактических ошибок. А к тому же он наивно доверяет сплетням и слухам людей, прошлое которых ему не известно. Поэтому, конечно, надо обязательно комментировать текст Бибихина.

-У нас есть учебник, ну, правда, не древних языков, а истории, на котором – автограф владельца – Вальтер Филипп. Сын промышленника. У Алексея Федоровича с Борисом Пастернаком был общий ученик?

Да. Это Филиппы. Богатая немецкая семья. Их особняк был великолепный на Пречистенке. Если вот идти вверх, то по правую сторону. И его в 1914 году весь разгромили. Началась война, и начали всех немцев громить. На Кузнецком мосту в музыкальных салонах сбрасывали рояли и пианино немецких фирм. Как будто бы главное – громить московских немцев. Дело-то было не в этом. Немцы, как известно, потом помогли большевикам захватить власть и деньги на это дали. Вот такая история. И после разорения Филиппы переехали в Шереметевский переулок, тоже недалеко от Арбата. Если идти по Воздвиженке, то надо идти по левой стороне. И там, где Кремлевская больница, свернуть за угол. Это и есть Шереметевский, он выходит на Никитскую. Я сама пешком ходила на Моховую через Шереметевский в университет. И там за оградой, с левой стороны этого переулка, огромный роскошный дом. Он действительно принадлежал Шереметевым. Но в это время сдавали дом под квартиры. Были огромные квартиры, в такую, из 10-ти комнат, Филиппы и переехали. А поскольку Алексей Федорович с Борисом Леонидовичем учились вместе на одном историкофилологическом факультете, а Пастернак был в семье Филиппов воспитателем, он и рекомендовал Алексея Федоровича. И Алексей Федорович тоже стал воспитателем Вальтера. Они очень дружны были с Вальтером. И надо сказать, что, как выяснилось потом, это уже мне рассказывал Евгений Борисович Пастернак, что, оказывается, Вальтер приезжал сюда в 70-е годы и побоялся навестить Алексея Федоровича. Боялся, что своим визитом может повредить Алексею Федоровичу.

-Сейчас возникают гимназии. Пытаются возродить интерес к древним языкам. Насколько это возможно?

-Надо, чтобы учителя сами были знающими. И чтобы заронили в ребятах интерес к языкам, литературе и культуре римлян и греков. Без языка понять в подлиннике нельзя ни одно явление культуры. Как хорошо взять хотя бы маленькое стихотворение Горация или Катулла, прочитать на латинском языке, объяснить, прокомментировать, заняться строением стиха, попробовать самому перевести. Конечно, есть преподаватели-энтузиасты. Например, в той же гимназии Шичалина или еще пример: есть Юридическая академия, и там заведует преподаванием латинского языка один из тех, кто здесь сидел в свое время за этим столом. Миша Нисенбаум. У него есть свой учебник для юридических вузов. Он сам не кончал классического отделения, он был студентом-искусствоведом в Свердловском университете и написал оттуда в 1980-м году Алексею Федоровичу письмо. Прочитал VI том «Истории античной эстетики», посвященный неоплатонизму и особенно

Плотину. Этот юноша не просто прочитал, но понял трудный текст и написал огромное письмо Алексею Федоровичу, которое разобрать было тоже очень трудно из-за сложного почерка. Но я все-таки разобрала, написала ему открыточку. И, представьте себе, он решил перебраться в Москву. А в Москве у него в арбатском переулке жила бабушка. Он приехал в Москву, остановился сначала у бабушки. Работал дворником, маляром. А сам – прекрасный художник, искусствовед. И добился, что ему, как замечательному работнику, выдали какую-то комнатенку, а потом уже он стал известным человеком. Но в те далекие времена он приходил к Алексею Федоровичу и занимался вместе с аспирантами. А потом я его забрала к себе на кафедру классической филологии, чтобы он там прослушал тоже курс древних языков. Вот он необычайный энтузиаст. И в этой Юридической академии чего он только там ни делает с древними языками. Сам пишет музыку на стихи Катулла и у нас на факультете ставил целый спектакль со стихами Катулла, конечно, на латинском языке.

И когда у меня молодежь собирается в рождественские дни, мои аспиранты, ученики, я иной раз приглашаю Мишу. Он великолепный гитарист и сам музыкант, композитор, играет, поет, голос хороший. Всем доставляет радость.

Или, например, очень известный протоиерей и ученый – отец Валентин Асмус, тоже мой студент, нашего классического отделения, сын Валентина Фердинандовича Асмуса, философа, который был дружен с Алексеем Федоровичем. Валентин, когда учился, то он, в основном, все усилия прилагал на изучение языков, на греческий и на латинский. Остальные предметы его мало интересовали. Но их тоже приходилось сдавать. Но сдавая языки, он блистал. Тогда опасно было говорить вслух, что изучал он древние языки, чтобы читать Отцов церкви. А теперь это ученый батюшка. Отец Валентин Асмус. И сын его, Михаил тоже кончил классическое отделение очень успешно.

Или еще пример, Виктор Васильевич Бычков, профессор и доктор наук, крупнейший эстетик. Его книги, вот здесь, в этом шкафу, где собраны эстетические труды. У него есть эстетика Отцов церкви, эстетика Блаженного Августина. Это настоящий ученик Алексея Федоровича. Он имел техническое высшее образование, но пришел в МГУ на философский факультет. А придя на философский факультет университета, увидел, что без классического образования нечего ему делать. Он пришел ко мне на кафедру и просил разрешения посещать занятия по древним языкам. Полностью прошел и сдал все курсы. В дальнейшем своего сына прислал, Олега. И Олег у меня на отделении получил классическое образование. А сейчас Олег, под Нью-Йорком, где есть специальный Центр по латинской патристике – профессор, специалист по латинским Отцам церкви, а отец – специалист по греческой патристике. Это ведь редчайшие специальности. Даже в плане международной науки.

Так что наши классики – народ очень ученый и образованный. И в разных жизненных случаях могут применять свои знания. Потому что древние языки очень дисциплинируют, тренируют человека. Представляете, например, чтобы всегда помнить греческую грамматику, ее надо методично повторять. Учитель Алексея Федоровича, профессор Новосадский Николай Иванович, говорил, что как пианист ежедневно повторяет трудные упражнения, так и я каждый день повторяю всю грамматику. А Алексей Федорович, бывало, когда не спит (он бессонницами тяжелыми страдал) ночью вспоминал все греческие глаголы, их спряжения и так далее. Я ему говорила, что от этих упражнений он и не спит, потому что мысль работает. Он же думал, что если он станет перечислять все исключения, он устанет и заснет.

-Правда, говорят, что интерес к древним языкам падает по всему миру.

-Да. И объясняется очень просто. Ведь существует так называемая Болонская программа образования, распространяемая и в Европе, и у нас. Основана на том, что не

выгодно иметь огромное количество высококвалифицированных специалистов. Нет рабочих мест, нет денег для высокой науки, для всех, кто желает. Поэтому надо снижать уровень образования для того, чтобы можно было в разных, в средних и низких сферах работать, куда высокообразованный не пойдет. Эта программа связана с экономикой и политикой. И никакого отношения не имеет к улучшению процесса образования. Оставляют только в Европе и в Штатах так сказать отдельные очаги в известных университетах. Один из моих учеников, филолог-классик обосновался в Англии, в Ливерпульском университете. У них хорошее классическое отделение. Он недавно приезжал и посетил меня. Рассказал о своих печатных работах, о хороших журналах, связанных с античностью, где публикуются работы и по языку и литературе, истории и математике. Да вообще античная культура тысячелетняя и изучать ее, не зная древних языков, нельзя. Историю науки изучать без языков невозможно.

-У нас переводчики с древних языков сейчас достойные появляются?

-Есть произведения, которые не переводили. Или переводили мало. Это поздняя литература греко-римского мира.

Но это определенный упадок литературы – повторяли то, что было давным-давно. Империя Римская уже кончалась. Конечно, прошло полторы тысячи лет, и все когда-либо кончается, и даже империи,. Прошло время и классической, и эллинистической великой литературы. Но все-таки еще появлялись вещи интересные и достойные.

Перевели лет десять тому назад (Ю. Голубец) огромную поэму Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» (около V в. н.э.), 48 песен – по размеру «Илиада» и «Одиссея» вместе взятые – очень трудная вещь. Переводят софистов – «За пиршественным столом» для серии «Литературные памятники» под названием «Пир мудрецов» Афиней (переводчики – среднее поколение классиков, среди них О. Левинская, Б. Никольский и др.). Профессор Н.А. Чистякова в «Литпамятниках» издала новый перевод александрийской поэмы Аполлония Родосского «Аргонавтика», перевела Псевдо-Лонгина.

Еще работает старейший, замечательный переводчик С.К. Апт. Но эта тема, которая не имеет отношения к нашему вопросу об учебниках в коллекции А.Ф. Лосева.

Беседу вела О.И. Козлова

Н.К. Малинаускене

Habent sua fata libelli – Книги имеют свои судьбы А. Ф. Лосев. «Античная литература»

Этот учебник выходил в свет неоднократно в разных издательствах и с разным авторским составом. Об истории его появления рассказала А.А. Тахо-Годи в книге «Лосев», изданной в 1997 г. в серии «Жизнь замечательных людей»: «При его подготовке тоже пострадали, так как в этот учебник, пользуясь знакомством в издательстве “Учпедгиз” влезла известная Н.А. Тимофеева, прихватив с собой Г.А. Сонкину и Н.М. Черемухину под прикрытием идеи пользы коллективного учебника, а не двух родственных авторов. Не знаю, что бы мы стали делать с Алексеем Федоровичем, в пору было отказаться, но жаль проделанной работы. Мириться со всеми несуразницами, прямыми ошибками, устаревшими установками было не вмоготу» (с. 309). На помощь пришел академик А.И. Белецкий, указавший на ошибки и стилистический разнобой коллективного результата, а также на необходимость общей редакции одним человеком.

В 1963 г. вышло первое издание «Античной литературы» под ред. проф. А.А. Тахо-Годи с грифом учебника для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература». В качестве авторов указаны: А.Ф. Лосев, Г.А. Сонкина,

А.А. Тахо-Годи, Н.А. Тимофеева, Н.М. Черемухина. В том же авторском составе с некоторыми доработками учебник переиздавался в издательстве «Просвещение» в 1973, 1980, 1986 гг.

Приведем аннотацию, предваряющую издания 1973 и 1980 гг.: «Первая часть книги содержит материалы по истории греческой литературы, начиная с фольклора и включая эпоху эллинизма. Рассматривается творчество Гомера, Гесиода, Эсхила, Еврипида, Аристофана, полно представлена лирика, проза V–IV вв. до н.э.

Вторая часть учебника посвящена римской литературе. При обзоре раннего периода римской литературы подробно рассматривается творчество Плавта и Теренция. Литература периода войн и конца республики представлена творчеством Цицерона, Лукреция и Катулла. При рассмотрении эпохи принципата и империи основное внимание уделено Вергилию, Горацию, Овидию. Литература I в. н.э. и позднее представлена творчеством Сенеки, Петрония, Ювенала, Марциала».

Перечислим разделы, которые принадлежат А.Ф. Лосеву в издании 1963 г. («Учпедгиз»). Это общее «Введение» с характеристикой античной общинно-родовой и рабовладельческой формации и периодизацией античной литературы. В первой части «Греция» это главы: «Гомеровский эпос», «Гесиод», «Классическая лирика. Элегия и ямб», «Классическая лирика. Мелос VII–VI вв. до н.э.», «Классическая лирика. Мелос VI–IV вв. до н.э.» (в оглавлении издания 1973 г. опечатка в датировке), «Социально-историческое значение классической лирики и переход от лирики к драме», «Происхождение драмы», «Эсхил», «Происхождение и развитие комедии до Аристофана», «Аристофан». Во второй части «Рим» А.Ф. Лосевым написаны «Введение», главы: «Архаическая пора доклассического периода», «Зрелая пора доклассического периода (середина III в.– до первой половины II в. до н.э.)», «Лукреций», «Общий обзор классической литературы периода принципата», «Вергилий», «Овидий», «Общее заключение к истории античной литературы».

Во втором, дополненном издании 1973 г., вышедшем в издательстве «Просвещение», А.Ф. Лосевым были добавлены новые материалы: глава «Мифология», в главе «Проза V–IV вв. до н.э.» раздел «Философия. Платон», в главе «Гораций» раздел 10 «Гораций – теоретик римского классицизма». В третьем, переработанном издании 1980 г., Алексеем Федоровичем сделаны небольшие, но принципиальные дополнения. В главе «Проза V–IV вв. до н.э.» в разделе «Философия. Аристотель» появились статьи «Риторика» и «Значение Аристотеля как литературного критика». В добавленной главе «Риторика и учение о стиле» Лосевым написан раздел «Псевдо-Лонгин». В римской части глава «Цицерон» дополнена разделом «Цицерон о красоте в природе и искусстве», глава «Послеклассическая литература. Ранняя Римская империя» – разделом «Квинтилиан». В четвертом издании 1986 г. (М.: «Просвещение»), в пятом 1997 г. (М.: ЧеРо), в шестом 2001 г. (М., Минск) и в седьмом издании 2005 г. (М.: ЧеРо, при участии издательства «Омега-Л») главы, написанные Алексеем Федоровичем, перепечатаны по третьему изданию.

Совершенно очевидно, что Алексей Федорович взял на себя ключевые, теоретические области, сформировавшие концепцию учебника. К какой области человеческой деятельности и знания ни обращался Лосев, он всегда рассматривал ее как часть единого целого, определенного типа культуры, в котором реализуется тот или иной тип мышления. Так и античная литература для него была одним из проявлений античной культуры. Для ученого было важно не просто дать сумму сведений об авторах, их произведениях и наборе художественных средств, а показать, как общественные явления определяют не только идейное содержание художественного произведения, но и его стиль. Кроме того, он предложил свою интерпретацию творчества тех авторов, которые

были предметом его научных интересов в течение долгого времени.

Еще студентом, готовя дипломную работу «О мироощущении Эсхила» (1914–1915 гг.) под руководством профессора Н.И. Новосадского, Лосев прочитал все трагедии Эсхила. По словам А.А. Тахо-Годи, «трагедии Эсхила, мощные, беспощадные, суровые, полные символов и загадочных знаков, написанные возвышенным, часто темным, почти сакральным языком <...> по стилю своему и по трактовке архаических мифов оказались внутренне глубоко близкими Алексею Лосеву, убежденному символисту и мифологу» («Лосев», с. 48). Эта работа полностью была опубликована только в 1995 году в книге «Форма. Стиль. Выражение» в издательстве «Мысль». В составе учебного пособия «Греческая трагедия» статья об Эсхиле выходила в 1958 г.

В 1916–1917 гг. Лосев, продолжая изучение античной философии и литературы, прежде всего греческой трагедии и лирики, а также Цезаря, Цицерона, Вергилия, Овидия, Тацита, написал статьи «Эрос у Платона», «Происхождение греческой трагедии», реферат «Риторика последних сочинений Овидия в сравнении с его “Героинями”» (две последние работы пока не обнаружены в архивах). Статья «Эрос у Платона» стала его первой опубликованной работой (в «Юбилейном сборнике профессору Г.И. Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве» 1916 г.) и положила начало платоновским студиям ученого, продолжавшимся всю жизнь. Позднее она была перепечатана в «Вопросах философии» (1988 г. № 12), в книге Лосева «Философия. Мифология. Культура» (М.: Политиздат, 1991) и в томе «Бытие. Имя. Космос» (М.: Мысль, 1993).

Об исследованиях Лосева по античной мифологии, Гомеру и Гесиоду уже говорилось в нашей рубрике в очерке о книге «Гомер» в третьем выпуске «Бюллетеня» (2006 г.). В многотомной «Истории античной эстетики» 1963–1994 гг., основном труде ученого, который начал издаваться вскоре после появления «Гомера» и над которым Лосев работал в течение долгих лет, разработана проблематика практически всех встречающихся в «Античной литературе» авторов с художественно-эстетической точки зрения. К «Истории античной эстетики» примыкает впервые изданная в 1979 г. «Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н. э.» (М.: Изд-во МГУ), впоследствии вошедшая наряду с исследованиями ученого по Плутарху и Диогену Лаэртию в том «Эллинистически-римская эстетика» (М.: «Мысль», 2002). В этой работе, в частности, есть страницы, посвященные иррациональности Вергилия в сравнении с гармоничностью Цицерона. Специально посвящена Вергилию статья «Хтоническая ритмика аффективных структур в “Энеиде” Вергилия» в сборнике «Ритм, пространство и время в литературе и искусстве» (Л.: «Наука», 1974).

В едином русле с А.Ф. Лосевым концепцию учебника с самого начала развивала А.А. Тахо-Годи, выступившая во всех изданиях не только в качестве редактора, но и как автор целого ряда глав. Она же вместе с Алексеем Федоровичем составляла и дополняла библиографические списки к каждому изданию. В первом издании в части «Греция» ею написаны главы «Эллинизм», «Новоаттическая комедия. Менандр», «Феокрит из Сиракуз», «Лукиан из Самосаты». В следующем издании Азой Алибековной были добавлены в части «Греция» глава «Догомеровская поэзия», раздел «Историография. Ксенофонт» в главе «Проза V–IV вв. до н.э.», главы «Аполлоний Родосский» и «Плутарх»; в части «Рим» – раздел «Античная литература в веках» главы «Общее заключение к истории античной литературы». Как уже указывалось, начиная с третьего издания, учебник обогатился главой «Риторика и учение о стиле», в которой Азой Алибековной написаны разделы «Дионисий Галикарнасский» и «Деметрий».

Указанная тематика отражает научные интересы автора прежде всего в области литературы эпохи эллинизма, о глубоком понимании специфики которого свидетельствуют многочисленные научные публикации А.А. Тахо-Годи. В частности, в

сборниках «Вопросы классической филологии» ею были опубликованы статьи о языке Менандра (1965 г.), статьи «Природа и случай как стилистические принципы новоаттической комедии» (1971 г.), «Стилистический смысл хтонической мифологии в “Аргонавтике” Аполлония Родосского» (1973 г.). Для серии «Университетская библиотека» Аза Алибековна подготовила издание «Античные риторика» (1978 г.). Совместно с А.Ф. Лосевым были написаны разделы «Риторика» в томе «История античной эстетики. Ранний эллинизм» (1979 г.) и «Лукиан» в «Эллинистически-римской эстетике» 1979 г.

Прочие главы в первых изданиях имели в основном фактографический характер. Они распределялись следующим образом: Н.А. Тимофеевой были написаны глава «Еврипид», в главе «Проза V–IV вв. до н. э.» раздел «Аристотель» и глава «Греческий роман» в части «Греция», а также главы «Плавт», «Геренций», «Конец доклассического и начало классического периода. Время кризиса и гибели республики», «Катулл», «Тибулл и Проперций», в главе «Послеклассическая литература. Ранняя Римская империя» раздел «Петроний», глава «Послеклассическая литература. Поздняя Римская империя» в части «Рим»; Г.А. Сонкиной принадлежали глава «Софокл», в главе «Проза V–IV вв. до н.э.» раздел «Ораторское искусство» в части «Греция», глава «Цицерон», в главе «Гораций» разделы 1–9, в главе «Послеклассическая литература. Ранняя Римская империя» разделы «Сенека», «Марциал», «Ювенал» в части «Рим»; Н.М. Черемухиной – глава «Зарождение литературной прозы», разделы «Геродот», «Фукидид» главы «Проза V–IV вв. до н.э.» в части «Греция» и глава «Историография I в. до н.э.», разделы «Федр» и «Тацит» главы «Послеклассическая литература. Ранняя Римская империя» в части «Рим».

Благодаря общей редакции А.А. Тахо-Годи учебник приобрел определенную цельность, тем не менее содержательная и стилистическая неравнозначность глав, написанных в русле концепции Лосева, с одной стороны, и текстов соавторов, работающих в чисто описательной манере, ощутима. Достаточно сравнить, например, в разделе, посвященном Аристотелю, статьи «Философия» и «Поэтика», написанные Н.А. Тимофеевой, и статью Алексея Федоровича «Риторика», освещающую не только предмет и задачи риторики по Аристотелю, но и проблему прекрасного в его понимании, стиль как предмет риторической эстетики Аристотеля и как искусство, а также статью о значении Аристотеля как литературного критика.

В третьем издании 1980 г. произошли некоторые изменения в составе соавторов учебника. Валентина Петровна Завьялова, защитившая в 1977 г. под руководством А.А. Тахо-Годи диссертацию «Функционально-стилистическое значение тропов в гимнах Каллимаха», подготовила для учебника новую главу «Каллимах». Отметим также, что и впоследствии в своих научных работах В.П. Завьялова обращалась к проблематике именно художественной выразительности в творчестве Каллимаха, а недавно было издано ее учебное пособие к спецкурсу по эллинистической поэзии «Каллимах. “Гимн к Артемиде”» (М.: ГЛК, 2002). Прежнюю главу «Катулл» Н.А. Тимофеевой заменила глава «Лирическая и лироэпическая поэзия середины I в. до н.э.», написанная Ириной Владимировной Шталь, автором диссертационной работы, а затем и монографии «Поэзия Гая Валерия Катулла» (М.: «Наука», 1977), в которых немало внимания уделено специфике художественного мышления поэта. В четвертом издании появились именной и предметный указатели, составленные А.А. Столяровым. Последующие издания были стереотипными, однако библиографический список постоянно пополнялся. В последних изданиях на обложку и титульный лист вынесено имя Алексея Федоровича Лосева.

Учебник «Античная литература» был переведен на литовский (Вильнюс: «Минтис», 1973) и украинский (Киев, 1976) языки. Литовское издание учебника (переводчики: В. Бяржинис, А. Киндярис, Й. Мацайтис) сыграло неоценимую роль в моей

жизни. Именно он предлагался студентам в библиотеке Вильнюсского университета. Именно по нему я осваивала литовскую литературоведческую терминологию, передачу имен авторов, мифологических и литературных персонажей на литовский язык, когда в 1976 г. начала читать курс античной литературы на Каунасском вечернем факультете Вильнюсского университета.

Как опытный лектор, Лосев сумел в учебнике в сжатом виде и в доступной форме представить основные выводы своих многолетних исследований. Для него всегда было характерно соединение последних достижений науки и простоты изложения, так что материал лекции мог заинтересовать любого слушателя. Для понимания мастерства Лосева-лектора ключевыми являются его собственные размышления, публиковавшиеся в журнале «Студенческий меридиан» (1984, № 9–10) и обобщившие его педагогический опыт.

Там мы читаем: «Быть профессором – значит заниматься не только наукой, но и быть педагогом-лектором, отлично представляя, кого и как учить... Совсем не обязательно большому ученому, лишенному дара слова, браться за преподавание». И далее: «Блеск остроумия, применяемый без меры, неуместен и даже безнравственен»; «Главными моими учителями были студенты», ибо «только из встречных вопросов аудитории обнаруживаю свои ошибки»; «Быть хорошо знакомым с основами своей науки, когда идешь в аудиторию, – только часть дела. А если хочешь быть действительно лектором, то есть не только владеть знаниями, но и уметь передавать их слушателям, ты должен посмотреть, как твое слово действует на студента, усваивает ли он сказанное тобой или нет».

Особенно Лосев подчеркивает роль диалога в лекционной практике: «Лектор – живой человек, а это уже предполагает общение, живой разговор. Значит: вопросы и ответы...» Кроме того, мысль должна возникать и развиваться перед аудиторией: «Только тогда профессор пробудит сознание слушателя, когда будет не только произносить и изречь истины, но и показывать биение научной мысли». И родиться она должна образно: «Профессор <...> – творческая личность за кафедрой, а не голая таблица логарифмов. Его творческая деятельность в данном случае — образное преподнесение предмета». Для Лосева важными были «изложение как можно более свободное и менее сухое», стремление «быть на высоте современного состояния науки» и одновременно быть «доходчивым для широкой публики» (А.Ф. Лосев. История эстетических учений (фрагмент из предисловия) // Мировое древо. 1992, № 1).

Свидетельство этому мы находим в рассказе поэта Якова Козловского, который во время войны после ранения лежал в московском госпитале. Туда приходили помощники, так называемые шефы, стремившиеся облегчить положение раненых кто чем мог: «Но одного из шефов послал нам сам Бог... То был профессор Алексей Федорович Лосев... Он представлял нам лишь в одной своей ипостаси: упоительного толкователя древнегреческих мифов. Это были незабываемые часы... Мы сочувствовали Зевсу в его подвигах и любовных похождениях, корили в душе ревность и мстительность зевсовы жены Геры, восторгались проделками нимф и фавнов и все норовили узнать с полевой картой в руках, где на Кавказе был прикован к скале Прометей» («Литературная газета». – № 24–25, 20–26 июня 2001 г.).

Олег Сергеевич Широков, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ, рассказывал своим аспирантам о лекциях Лосева по античной литературе и мифологии в МГПИ им. Ленина как о самых ярких и глубоких впечатлениях своей студенческой жизни. Он был лосевским студентом еще до того, как классическое отделение пединститута закрыли. Моему же поколению повезло услышать на филологическом факультете МГУ лекции Азы Алибековны Тахо-Годи, которая

продолжила лосевские традиции в самых разных областях, в том числе и в изложении курса античной литературы.

В библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» имеются следующие издания книги:

Лосев А.Ф., Сонкина Г.А., Тахо-Годи А.А. Античная литература: Учебник для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература»/ Под редакцией профессора А.А. Тахо-Годи. 3-е издание, переработанное. – М.: Просвещение, 1980 (2 экз.).

Лосев А.Ф., Сонкина Г.А., Тахо-Годи А.А. Античная литература: Учебник для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература»/ Под редакцией А.А. Тахо-Годи. 4-е издание, доработанное. – М.: Просвещение, 1986 (1 экз.).

Лосев А.Ф. Античная литература: Учебник для высшей школы / Под редакцией А.А. Тахо-Годи. 7-е издание, стереотипное.– М.: ЧеРо, при участии издательства «Омега-Л», 2005 (2 эк.).

Е.А. Тахо-Годи

Судьба изгнанника (книга К. Хюфена о Федоре Степуне)

В 2007 г. история отечественной мысли отметила невеселый юбилей – исполнилось 85 лет со дня высылки лучших философских умов начала XX века из советской России. Отметим эту вежу в истории русской философии и мы, обратив внимание наших читателей на книгу об одном из этих изгнанников – о Федоре Степуне. Федор Степун покинул Россию осенью 1922 г. не на знаменитом «философском пароходе» – ему разрешено было уехать иным путем – на поезде. Но не все ли равно по морю или по железной дороге отправляться в изгнание – ссылка все равно остается ссылкой, даже если новая жизнь за пределами России – как научная, так и чисто человеческая, бытовая, – внешне сложилась относительно благополучно.

Книга Кристиана Хюфена «Федор Степун: политический интеллектуал из России в Европе: 1884–1945 годы» вышла уже достаточно давно, в 2001 г., в известном немецком издательстве «Lukas Verlag». Хотя прошло уже шесть лет со времени ее появления в свет, вряд ли многие из наших читателей, интересующихся русской философией, знают о ее существовании. Поэтому мы сочли уместным, вспоминая черный для русской философской мысли 1922 г., обратить внимание всех, кто откроет наш «Бюллетень», и на это издание.

Книга о Степуне – итог диссертационной работы исследователя. Монография охватывает первые две трети жизни Степуна. Однако «русский» период жизни мыслителя, т.е. период с 1884 по 1922 гг., для ее автора во многом лишь некий «пролог» к последующей жизни и деятельности Степуна в Европе. Недаром этому этапу степунской биографии – от детства, поры ученичества, заграничных странствий, писания диссертации о Вл. Соловьеве, публицистике 1910–1914 годов и до первой мировой войны и большевистского переворота 1917 г. – в обширном, шестисотстраничном, томе отведено около 80 страниц первой, обзорной главы книги, носящей скорее характер вступления. Это может вызывать вполне понятные сожаления у русской аудитории, которой хотелось бы увидеть Степуна на широком фоне интеллектуальной жизни Серебряного века. Однако не стоит сразу же упрекать автора за излишний лаконизм и диспропорцию. Начавшаяся для Степуна после 1922 г. «Vita Nuova» – менее исследована и вообще малоизвестна русскому читателю. Для воссоздания картины автор немало поработал в архивах в США и Великобритании

К. Хюфен выделяет три основных хронологических отрезка внутри первых двух десятилетий пребывания Степуна в Европе: 1922–1925, 1925–1933 и 1933–1945. Им он и посвящает три отдельных главы.

В первой из них автор останавливается на участии Степуна в жизни русской эмиграции, на общении с И. Фондаминским (Бунаковым), И. Буниным, на публикациях в русских эмигрантских изданиях, в первую очередь в выходящем в Париже журнале «Современные Записки» и в журнале «Своими путями», издававшемся в Праге. Другие разделы той же главы посвящены взаимоотношениям Степуна с его немецкими коллегами по философскому цеху, например, с Э. Гуссерлем или с И. Коном (Jonas Cohn), отношение Степуна к Х.-Г. Гадамеру или к М. Хайдеггеру, которого он слушал в Фрайбурге в 1923 г. (подробнее об этом говорится в специальном параграфе следующей главы). Предметом отдельного рассмотрения стала публицистика Степуна 1920-х годов, главным образом его статьи из цикла «Мысли о России».

Этот цикл привлекает особое внимание К. Хюфена потому, что вопрос о степунской историософии, данной им интерпретации русской революции, ее предпосылок и ее последствий является одним из центральных в работе исследователя. В главе, посвященной деятельности Степуна в Высшей технической школе в Дрездене, где Степун с 1927 по 1937 г. занимал ставку профессора социологии, освещаются не только такие проблемы, как методология и истоки степунской социологии, отношение его как социолога к социализму или к формалистической социологии, к демократии или идеократии, к тем или иным немецким научным сообществам, но и роль Степуна в создании в Дрездене кружка интеллектуалов при поддержке Р. Кронера и П. Тиллиха. Кстати, находясь в Дрездене, Степун продолжил свой дореволюционный российский опыт лекционных турне по стране. И об этом тоже можно прочитать в этой главе, как и об отношении Степуна к театру и кино, о его понимании культуры в целом. Предметом изучения становятся и религиозные воззрения мыслителя, приведшие его к участию в журнале «Новый град», и степунские «Письма из Германии», печатавшихся в «Современных записках». Как считает исследователь, Степунсоциолог, имея прочную философскую (а именно феноменологическую) основу, сумел не только дать анализ русской революции, но и провидчески оценить те тенденции, которые привели Германию к национал-социализму.

Хотя в заглавие книги обозначен как крайняя дата 1945 год, однако, по сути, автор не касается жизни Степуна после начала Второй мировой войны. Четвертая, заключительная глава посвящена событиям эпохи диктатуры национал-социалистов: 1933 – 1939 гг. В эти годы Степун пишет свои знаменитые воспоминания «Бывшее и несбывшееся», первые главы которых увидели свет по-русски в «Современных записках» и по-немецки в журнале «Hochland». Степунские публицистические работы этого периода, в первую очередь «Христианство и политика» (1933–1934) и «О свободе. Демократия, диктатура и “Новый Град”» (1938), К. Хюфен предлагает рассматривать как квинтэссенцию теоретической и стратегической линии «новоградцев».

В заключение стоит сказать, что этот объемный труд включает в себя и краткую библиографию сочинений самого Степуна, список важнейших работ о мыслителе, а также достаточно обширный блок фотографий, по которым читатель может проследить за эволюцией степунского облика на протяжении почти четырех десятков лет.

Л.Г. Бебих Л.Г., Н.А. Бекасова

**Советуем прочитать
(Новые книжные поступления в «Дом А.Ф. Лосева»: 2007)**

1. 27–72 Дионисий

Д 76 Дружинин, Алексей Иванович. Жизнь и труды св. Дионисия Великого, епископа Александрийского / свящ. А. Дружинин. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. – 344 с.; 22 см. – (Библиотека христианской мысли. Исследования). – Библиогр. в подстроч. примеч. – 1000 экз. – ISBN 5–89740–154–3 (в пер.). **Аннотация:** Предлагаемое исследование посвящено изучению жизни и трудов одного из самых замечательных пастырей и богословов III в., святителя Дионисия Великого, главы Александрийского огласительного училища и епископа Александрии в 247–264 гг. Просвещенный защитник христианского вероучения от нападков языческих философов, несгибаемый хранитель чистоты христианской истины от искажений, каким подвергалась она в лжеучениях еретиков и раскольников, св. Дионисий особо прославился своей мудростью в управлении Церковью и руководством верующими на пути к нравственному усовершенствованию и вечному спасению. По непреложному суждению Церкви, он первый удостоился получить имя Великого, что полностью соответствует его действительному значению в истории христианства.

2. 27–9

Д 46 Дионисий(еп. Александрийский; 3 в.). Творения св. Дионисия Великого, епископа Александрийского, в русском переводе: научное издание / пер., примеч. и введ. свящ. А. Дружинина под ред. Л. Писарева. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. – 211 с.; 22 см. – (Библиотека христианской мысли. Источники). – Библиогр. в подстроч. примеч. – 1000 экз. – ISBN 5–89740–150–5 (в пер.). **Аннотация:** В настоящем издании, в одном общем систематическом собрании, представлены все сохранившиеся творения святителя Дионисия Великого — одного из самых почитаемых пастырей III в. и крупного богослова, главы Александрийского огласительного училища и епископа Александрии в 247–264 гг. В переводе на русский язык даются догматико-полемические сочинения св. Дионисия, его послания и письма, экзегетические труды, а также сочинения, приписываемые св. Дионисию. Издание предварено краткими сведениями о жизни и творениях св. Дионисия, первого в истории Церкви удостоенного имени Великого.

3. 27–9

С 71 Спасский, Анатолий Алексеевич (1866 – 1916). Начальная стадия арианских движений и Первый Вселенский собор в Никее. Исследования по истории древней Церкви: научное издание. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. – 281, [1] с.; 22 см. – (Библиотека христианской мысли. Исследования). – Библиогр. в подстроч. примеч. – 1000 экз. – ISBN 978–5–9900890–2–0 (в пер.). **Аннотация:** Анатолий Алексеевич Спасский (1866–1916) – замечательный русский историк древней Церкви и богослов, профессор Московской Духовной академии, ученик и преемник по кафедре знаменитого А.П. Лебедева. В настоящий том его сочинений, названный по его статье «Начальная стадия арианских движений и Первый Вселенский собор в Никее», вошли самые различные статьи по древней церковной истории, созданные в период 1902–1911 гг., в годы наивысшего творческого расцвета этого выдающегося церковного ученого. Написанные на высочайшем научном уровне, сочинения А.А. Спасского вместе с тем отличаются прекрасным литературным стилем, читаются легко и с удовольствием.

4. 27–9

С 71 Спасский, Анатолий Алексеевич (1866 – 1916). Обращение императора Константина Великого в христианство. Исследования по истории древней Церкви: научное издание. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. – 282, [1] с.; 22 см. – (Библиотека христианской мысли. Исследования). – Библиогр. в подстроч. примеч. – 1000 экз. – ISBN 978–5–9900890–1–3 (в пер.). **Аннотация:** В настоящий том сочинений А.А. Спасского, названный вслед за его статьей «Обращение императора Константина Великого в христианство», вошли самые разнообразные церковно-исторические исследования, созданные в период 1896–1905 гг. Все труды А.А. Спасского объединены единой сквозной темой актуальности древней церковной истории для

настоящего времени, ее непреходящего интереса и жизненной важности для христиан наших дней.

5. 27–9

Б 87 Бриллиантов, Александр Иванович (1867 – 1933). Лекции по истории древней Церкви: научное издание; вступ. ст. и науч. ред. А.Ю. Братухина.– СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. – 465, [2] с.; 22 см.– (Библиотека христианской мысли. Исследования). – ISBN 978–5–9900890–3–7 (в пер.). **Аннотация:** Александр Иванович Бриллиантов (1867–1933(1934?)) — выдающийся русский церковный историк и замечательный богослов, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии с 1900 г., преемник по кафедре истории древней Церкви великого В.В. Болотова, его духовный наследник и продолжатель замечательных традиций русской церковно–исторической научной школы, столь трагически оборвавшейся в 1917 г. «Лекции по истории древней Церкви»– это впервые издаваемый курс лекций А.И. Бриллиантова, читанный им для студентов Санкт–Петербургской Духовной академии на протяжении многих лет. Основное внимание в лекциях уделяется истории триадологических и христологических споров в ранней Церкви на протяжении первых шести Вселенских соборов, формированию христианской догматики и опровержению многочисленных ересей того времени.

6. 27–9

Л 19 Лактанций, Луций Цецилий Фирмиан (ок. 250 – ок. 325). О творении Божиим; О гневе Божиим; О смерти гонителей; Эпитомы Божественных установлений; пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указ. В. М. Тюленева.– СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. – 252, [1] с.; 22 см.– (Библиотека христианской мысли. Источники). – Загл. и авт. также на лат. яз.– Библиогр. в подстроч. примеч.– Указатель имен собственных, встречающихся в сочинениях Лактанция / В.М. Тюленев: с. 245–252. – 1000 экз.– ISBN 5–89740–156–X (в пер.). **Аннотация:** В настоящем томе сочинений христианского латинского апологета IV века Лактанция (ок. 250 — ок. 325 г.), одного из самых интересных мыслителей раннего христианства, современника Константина Великого, публикуются его малые произведения: «О творении Божиим», «О гневе Божиим», «О смерти гонителей» и «Эпитомы Божественных установлений». В этих сочинениях Лактанций, полемизируя с язычниками, поднимает важнейшие вопросы христианского мировоззрения: о природе человека, о Божественном промысле в мире, об истории и возможности спасения. Сочинения Лактанция дают представления о развитии христианской мысли в первые века ее существования, об отношении христианских апологетов к античному наследию. Для всех интересующихся историей древней Церкви и становлением христианской догматики.

7. 27–9

Л 19 Лактанций, Луций Цецилий Фирмиан (ок. 250 – ок. 325). Божественные установления. Книги I – VII = *Divinae institutiones*; пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указ. В.М. Тюленева.– СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. – 505, [1] с. ; 22 см.– (Библиотека христианской мысли. Источники). – Авт. также на лат. яз.: *Lactantius*. – Указ.: с. 490–503. – Библиогр. в подстроч. примеч. – 1000 экз. – ISBN 5–89740–155–1 (в пер.). **Аннотация:** Целий Луций Фирмиан Лактанций (ок. 250 — ок. 325 гг.) – один из самых значимых писателей раннего христианства, чье творчество оказало заметное влияние на всю последующую святоотеческую мысль и интеллектуальную атмосферу раннего Средневековья, а в дальнейшем нашло отклик даже в творчестве средневековых богословов, почитавших Лактанция как «христианского Цицерона». В настоящем издании вниманию читателей предлагается перевод на русский язык «Божественных установлений», главного сочинения Лактанция, в котором автор, с одной стороны, полемизирует с приверженцами язычества и дает систематическую критику различных школ античной философии, а с другой – утверждает незыблемые основы христианского вероучения, основанные не на шатком человеческом разуме, а на

божественном Откровении. Этот труд Лактанция, современника Константина Великого, стал первой попыткой изложить на латинском языке основные положения христианского вероучения.

8. 27–9 Ц 44 Церковные историки IV – V веков: [сборник]/ [сост. М.Ф. Высокий, М.А. Тимофеев; пер. с лат.: М.Ф. Высокий, В.А. Дорофеева; пер. с древнегреч.: В.А. Дорофеева; коммент., указ. М.Ф. Высокого]. – М.: РОССПЭН, 2007. – 621, [1] с.: ил., портр.; 21 см. – (Классики Античности и Средневековья). – Указатели в конце кн. – Парал. тит. л. на лат. яз. – На с. 5: Памяти Елены Сергеевны Голубцовой посвящается эта книга. – 800 экз. – ISBN 978–5–8243–08–34–1 (в пер.). **Аннотация:** В книге представлены сочинения латинских и греческих христианских авторов, определившие развитие основных жанров исторической литературы эпохи Средневековья. Библиографические труды Иеронима Стридонского и Геннадия Массилийского содержат уникальную информацию о жизни и литературных трудах церковных писателей Востока и Запада. «История гонений» Виктора Витенского живописует полную драматизма судьбу Церкви Северной Африки во время завоевания вандалов. Филосторгий продолжает византийскую традицию церковного историописания, заложенную Евсевием Кесарийским и Сократом Схоластиком. Издание сопровождается научной статьей, обширными комментариями и специализированными указателями. Книга предназначена для историков античности, раннего Средневековья, святоотеческой традиции и всех интересующихся историей христианства.

9. 1(091)(430)Ницше

X 15 Хайдеггер, Мартин (1889 – 1976). Ницше = Nietzsche / М. Хайдеггер; пер. с нем. А.П. Шурбелева; послесл. Б.В. Маркова. – СПб.: Владимир Даль, 2006. – 22 см. – (Мировая Ницшеана : МН / редкол.: ... Б.В. Марков (пред.) и др.). – Авт. также на нем. яз.: Martin Heidegger. – ISBN 5–93615–054–2 (в пер.). Т. 2. – 2007. – 456, [1] с. – Библиогр. в тексте. – ISBN 5–93615–072–2 .

10. 1(091)

Б 86 Бофре, Жан (1907 – 1982). Диалог с Хайдеггером = Dialogue avec Heidegger: [в 4 кн.]. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – 19 см. – (Programme A. Pouchkine). – ISBN 5–93615–047–X (в пер.).

Кн. 1: Греческая философия: Philosophie grecque / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. – 2007. – 252, [2] с. – Библиогр. в подстроч. примеч. – ISBN 5–93615–074–7 (в пер.).

11. 1(470)Хоружий

X 82 Хоружий, Сергей Сергеевич. Синергическая антропология как звено традиции русской мысли / Ин-т синергической антропологии. – М.: ИСА, 2007. – 29 с.; 21 см. – (Сообщения ИСА. R 5). – (обл.). **Аннотация:** Доклад прослеживает основные этапы развития русской философской традиции, уделяя особое внимание ее истокам. Показано, что эти истоки двойственны: они включают в себя «Востонохристианский дискурс», созданный в Византии и представляющий собой синтез греческой патристики и православной аскетики (исихазма), и западную традицию классической метафизики. Взаимодействие этих двух составляющих на почве русской культуры и является ключевым фактором русского философского процесса. Раскрывается логика идей, определяющая переход от религиозной философии Серебряного века к следующему этапу процесса – богословию русской эмиграции, проделавшему возврат к патристико-аскетической основе и проблематике, затем от этого этапа – к исследованию исихастской антропологии, и наконец – к созданию синергической антропологии в современных работах автора. Дано описание идей и аппарата синергической антропологии и обсуждение ее актуальных проблем.

12. 1(091)(470)

Б 43 Белоус, Владимир Григорьевич. Вольфила, или Кризис культуры в зеркале общественного самосознания. – СПб.: Мирь, 2007. – 431, [1] л. портр. с.; 17 см. – Библиогр.

в подстроч. примеч.– Указ. имен: с. 425–431. – Из содерж.: Философия культуры Андрея Белого. – 1000 экз.– ISBN 978–5– 98846–021–3 (в пер.). **Есть автограф.**

13. 1(091)(470)Лосев

Т 70 Троицкий, Виктор Петрович. Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева. М.: Аграф, 2007. – 445, [1] с.; 21 см.– Библиогр.: с. 426–433 и в примеч.: с. 380–425. – Указ. имен: с. 434–442. – Указ. мифологических и литературных персонажей: с. 443. – 1000 экз.– ISBN 978–57784–0333–8 (в пер.). **Есть автограф. Аннотация:** Книга посвящена жизни и творчеству выдающегося русского философа Алексея Федоровича Лосева (1893–1988). Основной мотив исследования: громадное наследие не принадлежит только архиву, только свершившемуся, оно еще и необычайно современно и своевременно, чревато новым, вооружает для встречи с будущим. Ряд фундаментальных тем (проблема информации, типология бесконечностей, периодическая система начал, представление о чуде как научной категории и др.) рассмотрен здесь в порядке дальнейшего развития глубоких идей А.Ф. Лосева. В приложении публикуются некоторые важные работы из архива философа, снабженные авторским комментарием. Это переписка А.Ф. Лосева и А.А. Мейера (1930-е годы), а также две работы А.Ф. Лосева «О форме бесконечности» (1932) и «О мировоззрении» (1986). Издание приурочено к 90-летию со дня выхода в свет (1916 г.) первой научной публикации А.Ф. Лосева и адресовано как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами философии.

14. 1(091)(470)Лосев

Г 18 Гамаюнов, Михаил Михайлович (1951 – 2001). Числовая символика И.С. Баха. Тропами Лосева: [сборник статей и воспоминаний; сост. М.Т. Гамаюнова]. – М.: Институт Ноосферных разработок и исследований, 2007. – 197 с.: ил., портр., факс. ; 21 см.– Библиогр. в конце ст.– Из содерж.: К учению А.Ф. Лосева о музыке как «жизни чисел»; Некоторые ницшеанские мотивы в «музыкальном мифе» А.Ф. Лосева; «Крейслериана» профессора А.Ф. Лосева; «Союз музыки, философии, любви и монастыря»; Из бесед с А.Ф. Лосевым; Памяти А.Ф. Лосева; Лосев А.Ф. Отзыв о статье М.М. Гамаюнова «Диалектика слова, числа и звука в творчестве И.С. Баха (на примере цикла “Клавирные упражнения”»); Тахо-Годи А.А. Памяти друга.

– 153 экз. – ISBN 5–9485–004–4 (обл.). **Есть автограф.**

15. 1(091)(470)Лосев

К 21 Карабущенко, Павел Леонидович. Философия и элитология культуры А.Ф. Лосева / П.Л. Карабущенко, Л.Я. Подвойский.– М.: Литературная учеба (ЛУч), 2007. – 255, [1] с.; 22 см.– Библиогр.: с. 248–256 (206 назв.) и в примеч. после глав. – 2000 экз.– ISBN 978–5–88915–018–3. – ISBN 978–5– 88915–018–3 (ошибоч.) (в пер.). **Аннотация:** Имя А.Ф. Лосева прочно вошло в историко-философскую науку, но до сих пор отсутствуют научные труды, анализирующие и обобщающие наследие А.Ф. Лосева. В первую очередь, это касается философии и элитологии культуры. Настоящая монография представляет собой одну из первых работ, где предпринята попытка восполнить этот пробел. Материал, содержащийся в данной монографии, может быть использован в процессе преподавания таких дисциплин, как философия, культурология, философия культуры, эстетика, а также при чтении спецкурсов и проведении социальнокультурных практикумов.

16. 811.161.1 И 56 Имя. Семантическая аура: [сборник]/ Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; отв. ред. Т.М. Николаева.– М.: Языки славянских культур, 2007. – 360 с.: табл.; 22 см.– (Именослов / Имя. Филология имени собственного / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Ин-т славяноведения; редкол.: ... Т. М. Николаева (пред.) [и др.]). – Библиогр. в конце ст. и в подстроч. примеч.– Из содерж.: От имени к тексту / В.Н. Топоров. «Скрытое» имя в русской поэзии / В.Н. Топоров. Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры / Н.Н. Запольская.– Сб. посвящается памяти Владимира Николаевича Топорова (1928 – 2005). – 800 экз.– ISBN 5–9551– 0163–2 (в пер.). **Аннотация:** В настоящем сборнике собраны статьи, открывающие новое на-

правление в языкознании: изучение «семантической ауры» имени собственного. Это направление стало возможным благодаря развитию лингвистики текста и той теории текста, которая отличает исследователей Московской семиотической школы. Сборник посвящается памяти замечательного ученого — Владимира Николаевича Топорова (1928—2005), ранние и малодоступные труды которого представлены в этом издании.

Вслед за этим сборником последуют и другие того же направления, которые будут интересны филологу самого широкого профиля.

17. 80

Б 87 Брагина, Наталья Георгиевна. Память в языке и культуре.— М.: Языки славянских культур, 2007. — 514 с., [2] л. цв. ил.; 22 см. — (Studia philologica). — Библиогр.: с. 433—452. — Указатели: с. 453—514. — 800 экз.— ISBN 5-9551-0170-5 (в пер.). **Аннотация:**

Книга посвящена концепту память — одному из ключевых в языке и культуре. Память исследуется в ее соотнесенности с философским, мифологическим, религиозным, литературным, социокультурным и политическим типами дискурса. Анализируются отношения концептуального согласования памяти и времени, пространства, любви, жизни, смерти, бессмертия, славы, детства, старости, ума, рассудка, разума, воображения и т. д. Рассматриваются социальные роли, формирующие коллективную память: гений, герой, тиран, вождь, красавица и др. Материалом исследования служат фразеологизмы, устойчивые метафорические словосочетания и клишированные фразы. Употребление слов-концептов иллюстрируют фрагменты из произведений русской литературы XIX—XX вв. и примеры из современной публицистики. Книга адресована широкому кругу лингвистов, семиотиков, литературоведов, философов, социологов и психологов, а также читателям, интересующимся общегуманитарными проблемами.

18. 1(470)Пятигорский

П 99 Пятигорский, Александр. Что такое политическая философия: размышления и соображения: цикл лекций [предисл. Олега Алексеева]. — М.: Европа, 2007. — 141, [3] с.; 23 см.— (Политучеба). — Рез. парал. рус., англ. — 2000 экз. — ISBN 978-5-9739-0104-2 (обл.). **Аннотация:** К чему приводит общее снижение уровня политической рефлексии?

Например, к появлению новых бессмысленных слов: «урегулирование политического кризиса» (ведь кризис никак нельзя урегулировать), «страны третьего мира», «противостояние Востока и Запада». И эти слова мистифицируют политическое мышление, засоряют поры нашего восприятия реальности. Именно поэтому, в конечном счете, власть может нам лгать. Работу с мифами политического мышления автор строит на изобилии казусов и сюжетов. В книге вы найдете меткие замечания о работе экспертов, о политической воле, о множестве исторических персонажей.

19. 94(05)РА

Р 76 Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв.: [альманах]: Новая серия.— Москва : Российский фонд культуры: Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова: «Российский Архив», 2001 —

[Вып. 15]. — 2007. — 591 с., [16] л. ил., портр.: ил., портр. ; 24 см.— Указ. имен: с. 662—671. — ISBN 5-86566-056-x (в пер.). **Аннотация:** В нем помещены ранее не публиковавшиеся исторические документы (дневники, воспоминания, письма и др.), хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах. Все документы публикуются без изъятий. Среди них подборка материалов времен императрицы Елизаветы Петровны (XVIII в.) — «Из семейной хроники рода Голицыных» (Письма родных вице-канцлеру А.М. Голицыну), список фрейлин имп. Елизаветы, анкеты («скаски») А.П. Бестужева-Рюмина, М.Л. Воронцова, А.М. Голицына, А.Г. Головкина и др. (более 100 фамилий); «Из дневника А.Д. Черткова», переписка П.И. Бартенева с П.А. Бессоновым (1848—1887); материалы из архива вел. кн. Константина Константиновича (переписка с сыном кн. Иоанном) и др., документы по истории создания оркестра В.В. Андреева. Представлены уникальные фотографии из семейного архива Комстадиусов, хранящиеся в Алупкинском дворце-музее. В новой рубрике «Из редакционного портфеля “Русского Архива” П.И. Бартенева»

публикуется исторический очерк П. Вейнберга «Пан сотник Покотило» и «Из писем В.И. Ланской». Альманах снабжен научно-справочным аппаратом. Для историков, филологов и всех интересующихся историей.

20. 94(47)

Ш 73 Шмидт, Сигурд Оттович. Памятники письменности в культуре познания истории России.– М.: Языки славянских культур, 2007. – 25 см. – (Studia Historica) (в пер.)

Т. 1: Допетровская Русь, Кн. 1. – 2007. – 475 с., [1] л. портр.: ил.– Библиогр. в примеч. в конце глав. – ISBN 5–94454–124–1. **Аннотация:** В книге избранных трудов видного историка и культуролога С.О. Шмидта объединены работы, написанные в течение более чем пятидесяти лет. Это труды по истории и культуре России XII–XVII веков, о взаимодействии исследований собственно исторических и в жанре других гуманитарных наук, о приемах извлечения информации о культуре России из памятников письменности, о развитии знаний о памятниках письменной культуры и их источниковедческом потенциале. Издание объединяет в первой части книгу 1983 г. «Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного» и статьи о памятниках письменности XII–XVI столетий («Слове о полку Игореве», летописях, сочинениях публицистов XVI в. (Иване Грозном, Курбском и др.), посольских книгах, приказном делопроизводстве). Во второй части – материалы о памятниках письменности XVI–XVII вв. (документальные публикации и исследования), статьи об истории изучения таких памятников и о виднейших отечественных ученых–гуманитариях.

В приложении дается подборка отзывов на современные исследования.

21. 821.161.1.0

Л 13 Лавров, Александр Васильевич. Русские символисты: этюды и разыскания.– М.: Прогресс-Плеяда, 2007. – 629, [2] с., [33] л. ил., цв. ил., портр., факс. ; 27 см.– Библиогр.: с. 595–597 и в подстроч. примеч.– Указ. имен: с. 598–629. – Загл. разд.: Символисты: общее и частное; Журналы русских символистов; Рядом с символистами. – 2000 экз.– ISBN 978–5–93006–053–

9. – ISBN 978–5–93006–053–9 (ошибоч.) (в пер., суперобл.).

22. 271.2–1

З–17 Зайцев, Евгений Владимирович. Учение В. Лосского о теозисе.– М.: Библейско–Богословский институт св. апостола Андрея: ББИ, 2007. – 296 с.; 22 см.– (Богословские исследования). – Библиогр.: (Труды Владимира Лосского; Труды античных авторов и патристические источники; Современные источники): с. 261–296. – Библиогр. в подстроч. примеч.– Содерж. гл.: Учение о теозисе в исторической перспективе; Анализ учения Лосского о теозисе; Критическая оценка учения Лосского.– На 4-й с. пер. авт.: Евгений Владимирович Зайцев, канд. филос. наук, д-р богословия, ректор Заокского христиан. гуманитар.-экон. ин-та. – 1000 экз. – ISBN 5–89647–170–X (в пер.). **Аннотация:** Книга посвящена учению о теозисе Владимира Лосского, одного из наиболее ярких и выразительных представителей православного богословия XX столетия. Особое внимание уделяется определению роли, которую идея теозиса может играть в диалоге между восточной и западной традициями христианства.

23. 130.1

А 85 Арсланов, Виктор Григорьевич. Постмодернизм и русский «третий путь»: Tertium datur российской культуры XX века.– М.: Культурная революция, 2007. – 651 с.; 22 см. – (Aestetica). – Библиогр. в подстроч. примеч.– Имен. указ.: с. 633–651. – Из содерж.: Человек 30-х годов. Портреты М. Нестерова; Polemica о творчестве А. Платонова: вчера и сегодня; Спор о Гоголе: вчера и сегодня; Достоевский: отталкивание от совершенства, истины; Проблема истины, бытия и субъекта у Хайдеггера, Флоренского и традиция гуманизма в отечественной эстетике XX века. – 1000 экз. – ISBN 5–250–06004–8 (в пер.). **Аннотация:** Российская культура XX века искала выход из порочного круга, рожденного послеоктябрьской историей. Несмотря на то, что, по словам Ж. Делеза, «Ариадна повесилась, и лабиринт оказался без нити», М. Булгаков, М. Нестеров, О.

Мандельштам, А. Твардовский каждый посвоему прошли по узкой тропинке между крайностями либерализма и реакционной «державности». Обращаясь к архивным источникам, материалам литературных и философских дискуссий от 20-х годов до наших дней, автор обнаруживает и исследует «третий путь» отечественной культуры, отразившийся в идеях т.н. «течения» (Мих. Лифшиц, Г. Лукач, В. Александров, Е. Усиевич и др.). Работа выполнена в НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств.

24. 1(063) Ч–67

Число в науке и искусстве: сборник материалов 9-й конференции из цикла «Григорьевских чтений»/ Моск. музык. о-во ; [отв. ред.: М.С.Скребкова-Филатова и др.]. – М.: АСМ, 2007. – 240 с.: ил., табл.; 20 см.

– (Григорьевские чтения). – Библиогр. в конце докл. в примеч.– Из содерж.: От выявления природы числа – к радикальному обновлению фундамента естествознания: [о природе числа у А.Ф. Лосева]/ С.В.Гальперин. Эйлера интегралы и эстетическая форма: [о «беломорканальской» заметке А.Ф. Лосева] / В.П. Троицкий. – 100 экз. – ISBN 5–87232–035–3 (обл.)

25. 1(05)РС Б 40 (без)умное искусство / [Каф. теорет. и социал. философии Саратов. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского; под ред. М. Богатова]. – М.: Книжное обозрение, 2007. – 146 с., [2] л. ил., цв. ил. ; 21 см. – (Res Cogitans : теоретический альманах ; № 3). – Библиогр. в подстроч. примеч.– Из содерж.: Богатов М.А. Удивление искусством: (слово редактора); Лосев А.Ф. Художественные каноны как проблема стиля; Бибахин В.В. Поэт театральных возможностей: [о французском поэте, актере и режиссере Антонене Арто], Хоружий С.С. Третья русская Пенелопа. – 300 экз.– ISBN 5–86856–133–3 (обл.)

26. 82(092)Бахтин

К 17 Калыгин, Александр Иванович. Ранний Бахтин : эстетика как преодоление этики : эго–персонализм, лирический герой и единство эстетических теорий; Рос. гуманист. о-во при филос. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова.– Москва: РГО, 2007. – 128 с. ; 22 см.– Библиогр.: с. 122–128. – На 4 с. обл. авт.: Калыгин Александр Иванович, канд. филос. наук, исследователь творчества М. М. Бахтина. – 300 экз.– ISBN 5–87387–050–0 (обл.). **Есть автограф. Аннотация:** В исследовании показано, что в основе эстетических теорий М. Бахтина, представленных в его работах 1920-х годов, лежат (1) онтология, обозначенная здесь как «эго-персонализм», и (2) отношение поэта к «лирическому герою».

Концепты «память», «активность» и «музыкальность» определили художественные формы этих теорий. Автор высказывает мысль, что эстетические теории явились и способами разрешения этических проблем личности художественными средствами. С точки зрения психологии, это происходило путем перекодировки модальностей внутреннего опыта. В каждой из своих работ этого периода М. Бахтин последовательно выступил в роли «визуалиста», «кинестетика» и «аудиалиста». Адресована специалистам гуманитарных наук, а также интересующимся историей отечественной культуры.

О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: 2007

Л.Г. Бебих

- Советуем прочитать (Новые книжные поступления в «Дом А.Ф. Лосева»: 2006) // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 5. – М.: Водолей-Publishers, 2007. – С. 92–102 (в соавторстве с Л.М. Перовой).

В.В. Ильина

- Что надеются найти и что находят в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 5. – М.: Водолей-Publishers, 2007. – С. 3–7.

В.Б. Кудрин

- Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа Арбата» (октябрь 2006 – январь 2007 г.) // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 5. – М.: Водолей-Publishers, 2007. – С. 43–44

О.М. Ланенкина

- Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева»: октябрь 2006 г.– январь 2007 г. // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 5. – М.: Водолей-Publishers, 2007. – С. 44–45.

Л.М. Перова

- Советуем прочитать (Новые книжные поступления в «Дом А.Ф. Лосева»: 2006) // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 5. – М.: Водолей-Publishers, 2007. – С. 92–102 (в соавторстве с Л.Г. Бебих).

М.С. Серпиков

Дом А.Ф. Лосева на Воздвиженке, 13// Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 5. – М.: Водолей-Publishers, 2007. – С. 83–87.

Спасенная библиотека // Там же. – С. 90–92.

Е.А. Тахо-Годи

Публикации

- 1 ««Я сослан в XX век...» Мемориальная экспозиция, посвященная А.Ф. Лосеву». Каталог.– М.: РИО ТСХР, 2007. – 24 с. [Совместно с В.П.Троицким].
- 2 Константин Аксаков и поиски новой «философии языка» первой четверти XX в. //Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. Москва, МГУ 20–23 марта 2007 г./ Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 33.
- 3 «Духовная Русь»– неосуществленный издательский проект 1918 года // Троицкий В.П. Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева. М.: Аграф, 2007. С. 120–133. [глава в книге В.П. Троицкого].
- 4 «Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры “Дом А.Ф. Лосева”». Вып. 5. М.: Водолей-Publishers, 2007. 108 с.8 л. илл., 7,5 п.л. Ответственное редактирование.
- 5 Хроника научной жизни: октябрь–декабрь 2006 г. // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф.Лосева». – Вып. 5. – М., 2007. – С. 21–26 [совместно с В.П.Троицким]
- 6 Не последняя встреча [О.В. Бибихине] // Там же. – С. 66–69.
- 7 Герман Ю.П. // Большая Российская Энциклопедия. – Т. 6. – М., 2007.
- 8 Гинзбург Е.С. // Там же. – Т. 7.– М., 2007.
- 9 Гроссман В.С. // Там же. – Т. 8. – М., 2007.
- 10 Державин Г.Р. // Там же. Т. 8.
- 11 Памяти А.Ф.Лосева // Алексей Федорович Лосев. Из творческого наследия. Современники о мыслителе.– М.: Русский мир, 2007. С. 678. [В разделе «Венок мыслителю».]

Участие в конференциях и семинарах

- 1 Об аскетизме и молитве в прозе А.Ф. Лосева. [Доклад на XV Международных образовательных Рождественских чтениях. Москва, февраль 2007].
- 2 Константин Аксаков и поиски новой «философии языка» первой четверти XX в. [Доклад на III Международном конгрессе исследователей русского языка. «Русский язык: исторические судьбы и современность». Москва, МГУ, март 2007].

- 1 Авторские маски А.Ф. Лосева. [Доклад на конференции «Писатель в маске. Формы автопрезентации в литературе XX века». Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), май 2007].
- 2 Alexey Losev's philosophical novel «The woman-thinker» and the problem of the Eternally Feminine. [Доклад на Международной научной конференции «Sophia – Transcultural Bridglet». Ниймеген, Нидерланды, июнь 2007].

В.П. Троицкий

Публикации

1. «“Я сослан в XX век...” Мемориальная экспозиция, посвященная А.Ф. Лосеву». Каталог.– М.: РИО ТСХР, 2007. – 24 с. [Совместно с Е.А.Тахо-Годи].
2. Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева. – М.: Аграф, 2007. – 448 с.
3. Имяславие и теория множеств. (К реконструкции одного замысла А.Ф. Лосева) // Credo new. Теоретический журнал. СПб., № 1 (49), 2007. – С. 69 – 84.
- 1 Эйлеровы интегралы и эстетическая форма // Число в науке и искусстве.– Сборник материалов 9-й конференции из цикла «Григорьевские чтения». – М., 2007. – С. 173 – 178.
5. Лосев А.Ф. Художественные каноны как проблема стиля // (Без)Умное Искусство: теоретический альманах Res Cogitans. № 3. – М., 2007. – С. 11–62. [Подготовка к публикации и примечания].
- 2 Алексей Федорович Лосев. Из творческого наследия. Современники о мыслителе.– М.: Русский мир, 2007. – 776 с. (Серия «Русский мир в лицах»). Составление, общее редактирование и комментарии [совместно с А.А. Тахо-Годи].
- 3 В.П. Троицкий – А.Ф. Лосеву и А.А. Тахо-Годи // Там же.– С. 669–670. [В разделе «Из писем на Арбат»].
- 4 В мировом масштабе (Триптих) // Там же.– С. 686–688. [В разделе «Венок мыслителю»].
- 5 Семинар «Русская философия (традиция и современность)». Хроника. Октябрь – декабрь 2006 г. // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 5. – М.: Водолей-Publishers, 2007. – С. 8 – 21.
10. Хроника научной жизни: сентябрь – декабрь 2006 г. // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 5. – М.: Водолей-Publishers, 2007. – С. 21 – 26. [Совместно с Е.А. ТахоГоди].
- 6 Мелопея Вяч. Иванова «Человек» звучала по-болгарски // Там же.– С. 41– 42.
- 7 Лосев А.Ф. Значение общения с умными людьми и с добрыми // Там же.– С. 46 – 49. [Подготовка к публикации и примечания].
- 8 «Дух, живущий в воспоминаниях, преданиях или символах...» (Семиотика в историософии А.С. Хомякова) // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист. Т. 2. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 150 – 153.

Участие в конференциях и семинарах

- 1 А.Ф. Лосев и метафизика. [Доклад на семинаре Ю.С. Владимирова «Метафизика», физический факультет МГУ, 2.04.07].
- 2 Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»: культурно-образовательный, научный и просветительский центр. [Доклад на XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», факультет иностранных языков и регионоведения МГУ, 12.04.07].
- 1 Новый Ренессанс или Новое Средневековье (выбор П.А. Флоренского и А.Ф. Лосева). [Доклад на Юбилейной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения и 70-летию со дня кончины философа, богослова, ученого, священника Павла

Александровича Флоренского, зал заседаний Ученого совета МГУ, 18.04.07].

- 2 Неоднородное пространство культуры. [Выступление на Научнопросветительских региональных чтениях, посвященных А.А. Тарковскому и П.А. Флоренскому, с. Завражье Кадыйского района Костромской области, 12.07.07.]

Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»: февраль–июнь 2007 г.

- 1 Бурт Валерий. Остановись, несуетный прохожий!.. // Арбатские вести.– 2007. – № 3–4 (февраль). – С. 6.
- 2 Рябоконт Е. Рояль был раскрыт... // Арбатские вести. – 2007. – № 3–4 (февраль). – С. 10.
- 3 Чаликова Д. Не стесняйтесь спрашивать // Студенческий меридиан. – 2007. – N 2. – С.62–65.
- 1 «Арбат идеями богат» // Арбатские вести. – 2007. – № 6 (март). – С.1,3.
- 2 Рябоконт Елена. Послушник книги. // Литературная газета.– 2007. – №12– 13, 28 марта – 3 апреля. – С. 13.
- 3 Лосев Алексей Федорович // <http://ru.wikipedia.org/>
- 4 Звуки музыки // Арбатские вести. – 2007. – № 7 (апрель). – С. 3.
- 5 Творческая лаборатория (О проведении фестиваля «Читающий Арбат») // Библиотеки Москвы юношеству. – 2007. – N 19. – С.59–72.
- 6 Португалова В. Сезон клуба закрыт, сезон продолжается // Арбатские вести. – 2007. – № 9 (май). – С.7.
- 7 Рябоконт Е. Книжная лавка // Арбатские вести. – 2007. – № 10 (май). – С.5. [Участие Библиотеки «Дом Лосева» в фестивале «Читающий Арбат» 26 мая 2007 г.].
- 8 Рябоконт Е. Книжная улица // Арбатские вести. – 2007. – № 10 (май). – С.5–6. [Участие Библиотеки «Дом Лосева» в фестивале «Читающий Арбат» 26 мая 2007 г.].
- 9 Артемьев З. Разоблачивший миф: 19 лет назад не стало выдающегося русского философа, профессора Алексея Федоровича Лосева // Рос. газ. (федерал. вып.) – 2007. – № 108, 24 мая. – С.14.
- 10 Второй камерный // Арбатские вести. – 2007. – № 11–12 (июнь). – С.10.
- 11 Певучие строки // Арбатские вести. – 2007. – № 11–12 (июнь). – С.10.

(Составила Л.В. Цуева)

О наших авторах

Бибих Людмила Григорьевна – сотрудник отдела комплектования и научной обработки «Дома А.Ф. Лосева»

Бекасова Нина Алексеевна – сотрудник отдела комплектования и научной обработки «Дома А.Ф. Лосева»

Визгин Виктор Павлович – докт. филос. наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Виноградова Елена Борисовна – зав. медиатекой «Дома А.Ф. Лосева»

Доброхотов Александр Львович – докт. философ. наук, профессор, зав. кафедрой мировой культуры философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Емельянов Владимир Владимирович – докт. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии Востока Факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета

Завьялова Валентина Петровна – доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Ильина Валентина Васильевна – директор «Дома А.Ф. Лосева»

Касьянова Мария Ивановна – аспирант кафедры классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Козлова Ольга Игоревна – сотрудник Лосевского (научного) читального зала «Дома А.Ф. Лосева»

Кудрин Виктор Борисович – гл. библиотекарь «Дома А.Ф. Лосева»

Ланенкина Ольга Михайловна – сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»

Малинаускене Надежда Касимовна – канд. филол. наук

Марченков Владимир Леонидович (США) – профессор университета Огайо

Мостовая Вера Геннадиевна – аспирант кафедры классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Никитин Валентин Арсентьевич – д-р философии, акад. РАЕН, гл. редактор православного радио «Логос» (Отдел религиозного образования и катехизации РПЦ), руководитель направления «Церковь и культура» Международных образовательных Рождественских Чтений

Сухова Мария Андреевна – аспирант кафедры классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Тахо-Годи Аза Алибековна – заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Председатель Культурно-просветительского общества «Лосевские беседы»

Тахо-Годи Елена Аркадьевна – докт. филол. наук, зав. Отделом изучения наследия А.Ф. Лосева и мемориально-выставочной работы «Дома А.Ф. Лосева», преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова

Троицкий Виктор Петрович – ст. научный сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»

Федотова Марина Викторовна – аспирант кафедры классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Хоружий Сергей Сергеевич – директор Института синергичной антропологии

Цытилева Елена Сергеевна – аспирант кафедры классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Цуева Лариса Викторовна – зам. директора «Дома А.Ф. Лосева»

СОДЕРЖАНИЕ

«Дом А.Ф. Лосева» – события и факты

- Ильина В.В.* Специализированная публичная библиотека на карте Москвы..... 3
- Виноградова Е.Б.* Не мемориальная... Но тогда какая она? (Видовой и типологический статус Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»)..... 5 *Кудрин В.Б.*
- Международный день памятников и исторических мест в «Доме А.Ф. Лосева»..... 12

Культурная и научная жизнь «Дома А.Ф. Лосева»

- Троицкий В.П.* Семинар «Русская философия (традиция и современность)». Хроника. Февраль–апрель 2007 г. .... 14 *Тахо-Годи Е.А., Троицкий В.П.* Хроника научной жизни: январь – июнь 2007 г. ..23 *Никитин В.А.*
- «Церковь и культура» (XV Международные образовательные Рождественские чтения)..... 30 *Хоружий С.С.*
- Русская мысль, наследие Лосева и синергичная антропология..... 35 *Кудрин В.Б.*
- Презентация книги В.П. Троицкого «Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева» (М.: Аграф, 2007)..... 41 *Тахо-Годи А.А.* Выступление на презентации книги В.П. Троицкого..... 43 *Визгин В.П.*
- Феномен Лосева: выступление на презентации книги В.П. Троицкого..... 46 *Троицкий В.П.*
- О пользе игры в шар («Читающий Арбат» и Николай Кузанский)..50 *Кудрин В.Б.*
- Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа Арбата» (февраль–апрель 2007 г.)..... 54 *Ланенкина О.М.* Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева»: февраль – июнь 2007 г. 55

Конференция «От Гомера до Нонна»

Цыпилева Е.С. О конференции.....	59	Завьялова
В.П. Александрийская поэтическая школа: смена литературных парадигм.....	60	Сухова М.А. К вопросу о функциях эпитетов героинь «Илиады» (на материале образа Елены).....
63 Федотова М.В. Разумность как моральная категория у Гомера (на примере семантического анализа лексемы <i>perpnytenos / pinutos</i>).....	65	Мостовая В.Г. Связь функции сентенции и ситуации употребления в гомеровском эпосе.....
68 Цыпилева Е.С. Источники для реконструкции древнеримской паллиаты: попытка классификации (на примере комедий Невия).....	70	Касьянова М.И. О соотношении сюжета и фабулы в I песне поэмы Нонна Панополитанского «Деяния Диониса».....
72		

Из архива

Лосев А.Ф. «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста». Публикация А.А. Тахо-Годи.

Подготовка рукописи к публикации и примечания В.П. Троицкого..... 77

Наши публикации

Емельянов В.В. Значение «Истории античной эстетики» для исследования философии и культуры Востока (реплика на круглом столе IV Философского конгресса).....83

Доброхотов А.Л. Морфология эстетики XVIII века в очерке А.Ф. Лосева.....89

Марченков В.Л.(США) Песнь Орфея и мечта об имманентном бессмертии..... 92

Справочно-библиографический раздел

Учебники древних языков в книжном собрании А.Ф. Лосева (рассказывает А.А. Тахо-Годи). Беседу вела О.И. Козлова..... 96

Малинаускене Н.К. *Habent sua fata libelli* – Книги имеют свои судьбы.

А.Ф. Лосев. «Античная литература».....105 Тахо-Годи

Е.А. Судьба изгнанника (книга К. Хюфена о Федоре Степуне)..... 111 Бебих Л.Г. ,

Бекасова Н.А. Советуем прочитать (Новые книжные поступления в

«Дом А.Ф. Лосева»: 2007).....113

О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: 2007..... 121

Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»..... 124

О наших авторах.....124

Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 6. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 126 с.; 12 л. илл.

ISBN 5-90-3212-51-5

119002, Москва, ул. Арбат, д. 33/12
Библиотека истории
русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Loseва».

Оригинал-макет – С.В. Яковлев.

Подписано в печать 24.12.2007 г.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Формат 62x84 ¹/16. Уч.-изд.л. 8,8. Печ. л. 7,8.
Заказ № 28. Тираж 200 экз.